

НИКОЛАЙ БЕЛЬЦЕВ

ПОРТОВЫЙ ГОРОД ЕЙСК
В ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОГО
КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
(1792 - 1860)

НИКОЛАЙ БЕЛЬЦЕВ

**ПОРТОВЫЙ ГОРОД ЕЙСК
В ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОГО
КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
(1792-1860)**

ЕЙСК
2007

БЕЛЬЦЕВ Н.В. Портовый город Ейск в истории Черноморского казачьего войска: Монография / Ейск, 1998 г. – 150 стр.

* Второе издание вышло в свет 2001 году.

** Третье издание с дополнениями на основе найденных архивных документов.

© Бельцев Н.В.
Бельцев Н.В. «Портовый город Ейск в истории Черноморского казачьего войска (1792-1860)».
2007 г., 168 с.

Работа известного Ейского краеведа Н.В. Бельцева "Портовый город Ейск в истории Черноморского казачьего войска. /1792-1860 годы/" посвящена ранней истории города Ейска. Это своеобразный итог более чем 15-летней работы исследователя по этой теме.

Впервые вводятся в научный оборот многие ранее малоизвестные материалы, связанные с выбором места основания города, деятельностью войскового правительства в этом направлении, заселением города и многие другие.

Работа написана на основе многочисленных архивных материалов, хранящихся в архивах России и стран СНГ, многие из которых недоступны подавляющему большинству читателей.

Большим достоинством работы является то, что она полностью основана на источниках, достоверность которых бесспорна и помогает исправить ряд неточностей и вымыслов, появившихся в последнее время в статьях, публикуемых в СМИ.

Работа написана доступно в занимательной форме, не отражающейся на качестве сообщаемой исторической информации.

Учёный совет музея считает возможным публикацию данной работы, рассчитанной на широкий круг читателей, интересующихся историей родного города.

*Директор Ейского
государственного
историко-краеведческого музея А.Ф.
Иванов.*

Дорогой друг Николай Владимирович!

Насколько приятно Вамшу замглавлоную книгу
о первоначальной истории г. Ейска. Спасибо Вам
за этот интересный, обстоятельный и докумен-
тально обоснованный труд. Знаю Ваше умение рабо-
тать с первоисточниками, которое особенно ярко
проявилось в статье об истории селения Свободное-
Тимовское, я открыл удивительно таской все работы
и о г. Ейске. К своему удовольствию, я не
ошибаясь. Получила драгоценная книжка не только
исследователь-краевед, хорошо знающего свой пред-
мет, но и проявляющего патристичность, любящего свой
народ, страну и малую родину такую же как я и вы же -
г. Ейск.

Я вполне одобряю Ваше стремление продолжить
работу по написанию истории г. Ейска. Думаю,
что с историками у Вас проблем не будет.

Когда будете писать, не забудьте с собой свои
краеведческие сведения (даже малозначительные). Я вспоминаю
в моменты острейшей нужды и испытываю самотакого мучения
о зрелищных, краеведческих первоисточниках нашего края.

Вашу верную
Владимир

24.03.99,

г. Красноярск

Добрый день Николай Владимирович!

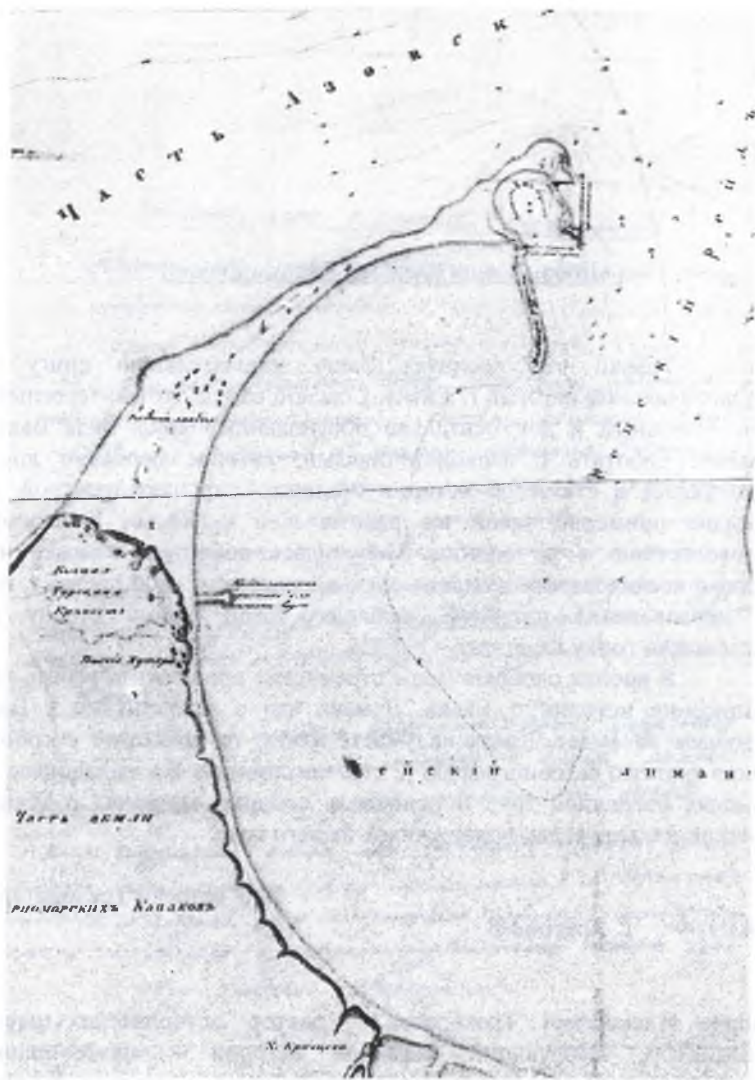
Только что прочитал Вашу замечательную книгу о первоначальной истории г. Ейска. Спасибо вам за этот интересный, обстоятельный и документально обоснованный труд. Зная Ваше умение работать с первоисточниками, которое особенно ярко проявилось в статье об истории станицы Старощербиновской, я ожидал примерно такой же работы и о г. Ейске. К своему удовольствию я не ошибся. Получилась добротная книжка не только исследователя-краеведа, хорошо знающего свой предмет, но и произведение патриота, любящего свой народ, страну и маленькую точку на ее теле – г. Ейск...

Я вполне одобряю Ваше стремление продолжить работу по написанию истории г. Ейска. Думаю, что с источниками у Вас проблем не будет. Когда надумаете ехать, то привезите с собой свою краткую автобиографию (2 стр. максимально), я вынашиваю в мыслях очередной труд и исподволь собираю материал о ярких личностях, краеведах-подвижниках нашего края.

Жду встречи Трехбратов

24.03.99 г. Краснодар

Борис Алексеевич Трехбратов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры искусств, действительный член (академик) Академии гуманитарных наук, Заслуженный деятель науки Кубани.

*Рис. 1. План Ейской косы и урочища Чебакле
в период поиска места для порта. 1847 год.
(Копия карты из архива Грузии)*

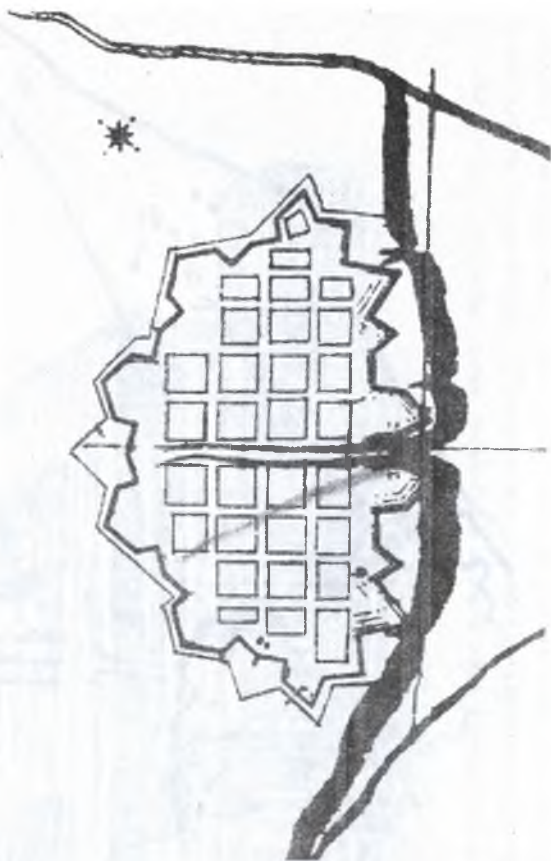

Рис.2. план Ханского городка, который экспонируется в Ейском историко-краеведческом музее, был выполнен по распоряжению генерал - фельдмаршала Румянцева в ведомстве инженера Войска Донского Ригельмана. Не точно привязанный к местности план не стал рабочим документом. Неверно нанесен большой Чебаклейский овраг, который располагался не на будущем Воронцовском проспекте, а юго-западнее. Начало он брал в районе «Балочки» и следовал к рынку, далее под угол первой поликлиники и уже в парке «Никольском» устремлялся вниз по Воронцовскому проспекту.

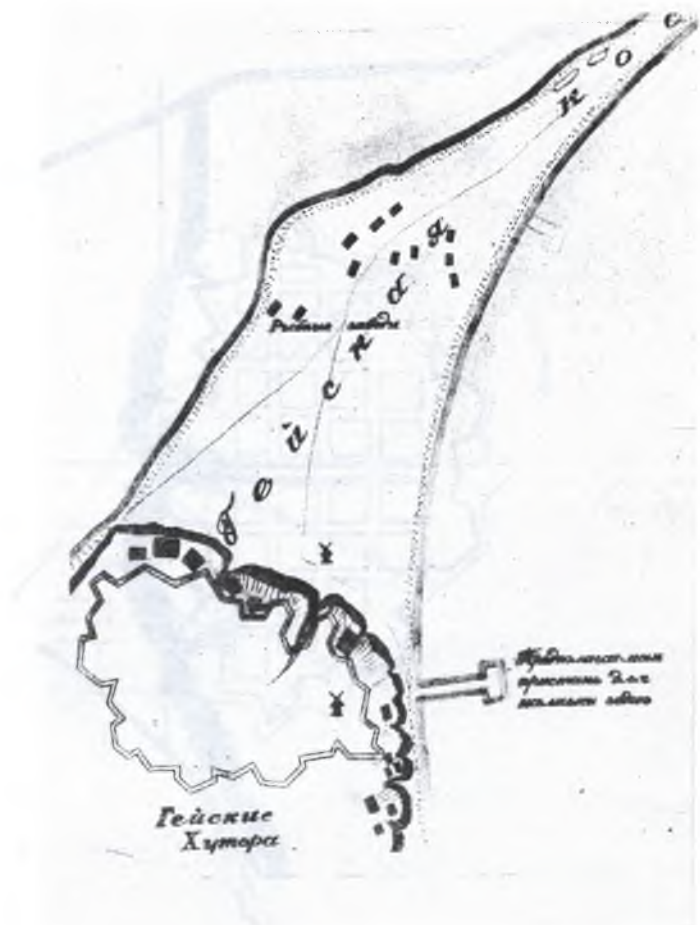

Рис. 3. Фактические контуры обвалований Ханского городка дал картограф капитан Флькенгаген в 1847 году, работавший на Ейской косе и в урочище Чебакле по заданию атамана ЧКВ генерала Рашиля. Никаких правильных геометрических форм обвалования не имели. Контуры лишь учитывали особенности местности. Строительство городка не было завершено, в нем отпала необходимость. Чем он может быть интересен для истории? Только тем, что в его контуры был вписан портовый город Ейск. Это заметно при рассмотрении Генерального плана города, утвержденного М.С. Воронцовым. (см. рис. 6)

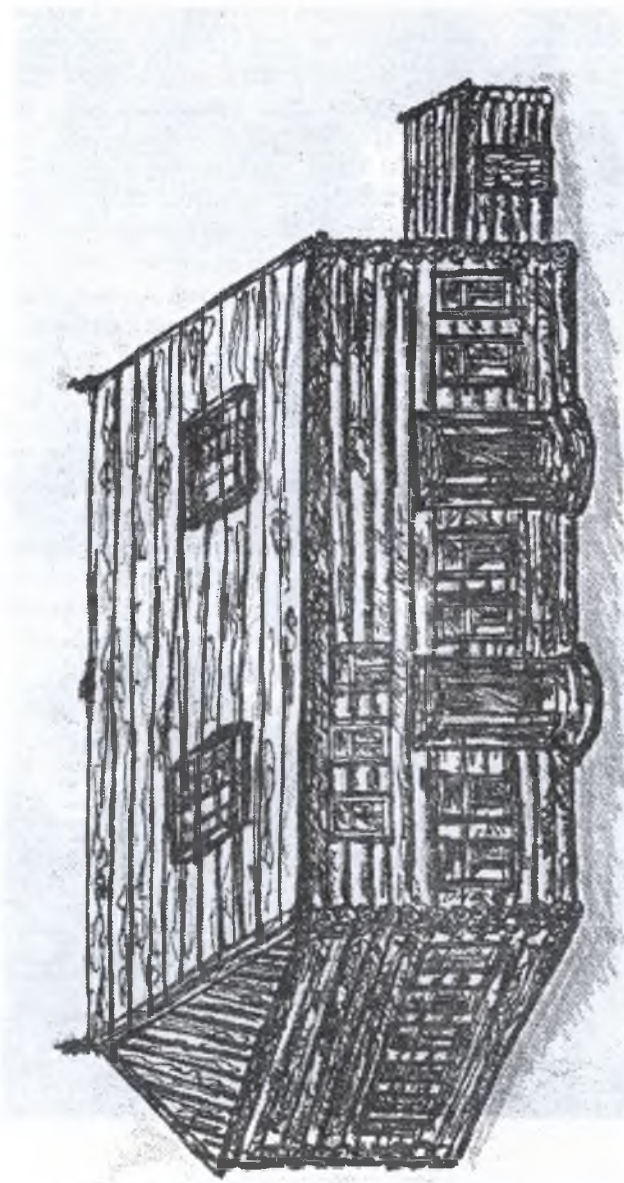

Рис. 4. Ханский дворец. Реконструкция по описанию в акте приема и передачи этого строения. Работа автора. В урочище Чебакле дворец был перевезен из Шаингейрейского городка при создании русскими войсками резервной резиденции для хана Шаин-Гирея. Дворец по назначению не использовался и был передан казакам-черноморцам для создания первого храма в курене Щербиновском. Художник Г. Подгорный

Рис. 5. Наместник императора на Кавказе Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов.

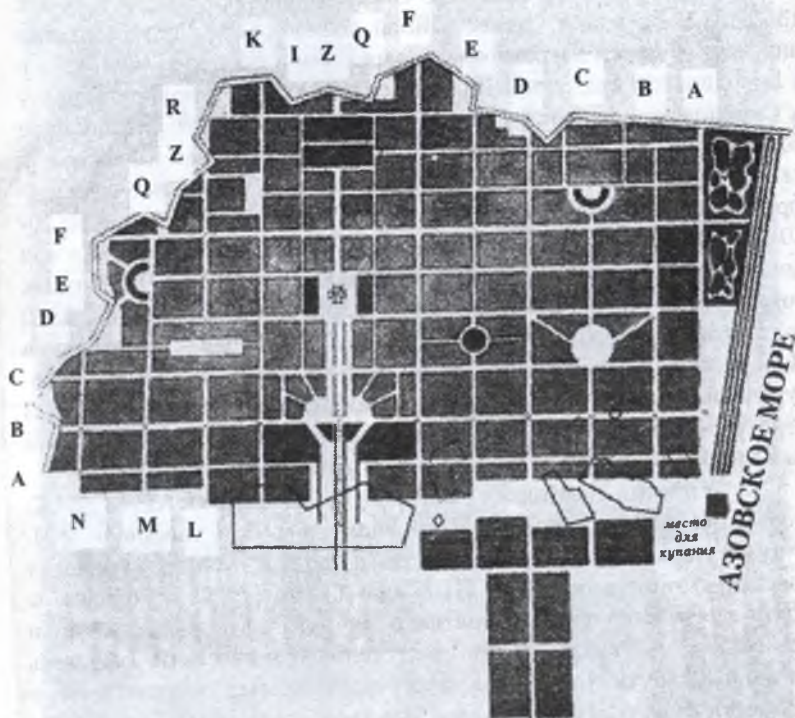
Воронцов Михаил Семенович. Родился 19(31) мая 1782 года. Умер 6 ноября 1856 года. Похоронен в Одессе. Русский военный начальник и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1856 г.). Военную службу начал в 1803 году. Участвовал в боевых действиях на Кавказе, в войнах с Францией 1805 и 1806-1807 годах и Турцией 1806-1812. Во время Отечественной войны 1812 года командовал дивизией в армии Багратиона, отличился при обороне Смоленска и в Бородинском сражении. Дивизия обороняла Шевардинский редут и Семеновские флеши (редут – франц. полевое фортификационное сооружение квадратное или многоугольное, подготовленное к самостоятельной обороне. Использовался в XVI-XX вв, флешь – франц. полевое фортификационное сооружение из 2-х фасов по 20-30 м, обращенных углом к противнику). Успешно командовал дивизией в заграничном походе 1813-1814 гг. В 1815-1818 годах командовал русским оккупационным корпусом во Франции. С 1820 года командир корпуса в России, а с 1823 - генерал – губернатор в Новороссии и Наместник Бессарабской области. Во время русско-турецкой войны 1823-1829 гг руководил осадой и взятием Варны. В 1845-1854 гг Наместник и Главнокомандующий русскими войсками на Кавказе. Воронцов отличился известным либерализмом.

Упреки некоторых авторов в крепостничестве М.С. Воронцова несостоятельны. В ту эпоху и А.В. Суворов и М.И. Кутузов имели земли и крепостных людей. Многие приводят известную эпиграмму А.С. Пушкина и негативное отношение к поэту князя Воронцова. Понятия о личной чести и чести семьи требовали от князя таких решительных действий. А весь жизненный путь Воронцова блестящий пример патриотизма и беззаветного служения России. Заметный след в истории Ейска оставил Михаил Семенович и для нас – его потомков и патриотов города.

Источники:

«Советская военная энциклопедия»

Щербинин М.П. «Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова» СПб, 1858 год.

*Рис. 6. Генеральный план портового города Ейска утвержден
Наместником
Кавказским 8 апреля 1849 г.*

НАИМЕНОВАНИЕ УЛИЦ

ПРОДОЛЬНЫЕ

- A. Бердянская
- B. Керченская
- C. Нахичеванская
- D. Таганрогская
- E. Ставропольская
- F. Екатеринодарская
- Q. Таманская
- Z. Ростовская
- I. Военная

ПОПЕРЕЧНЫЕ

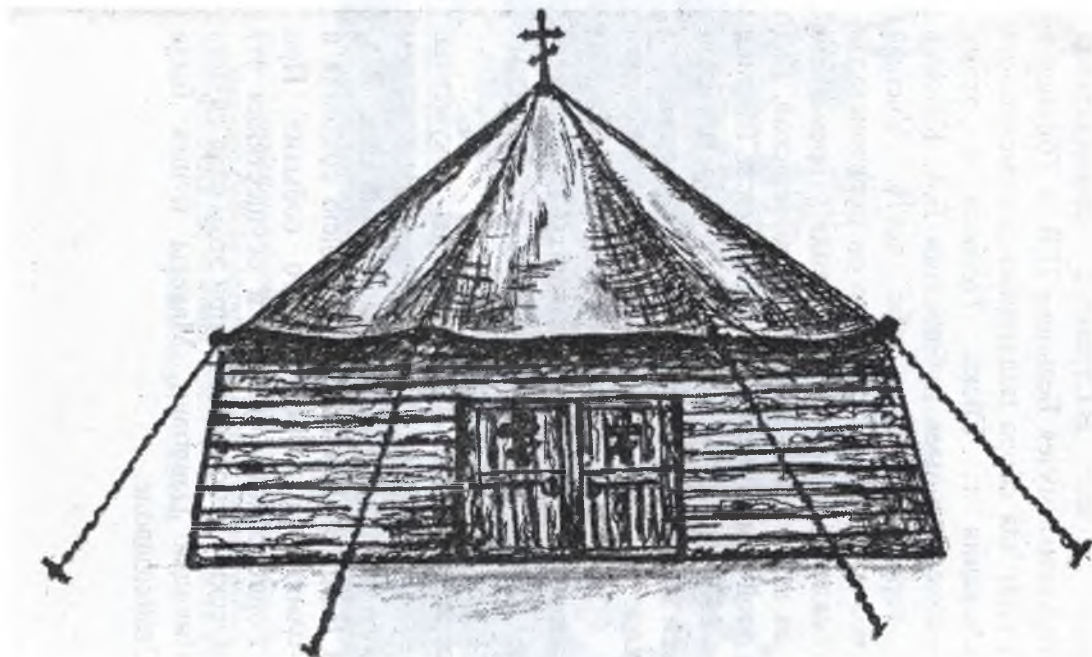
- A. Набережный проспект
- B. Морская
- C. Греческая
- D. Торговая
- E. Николаевская
- F. Елизаветинская
- Q. Григорьевская
- Z. Воронцовская
- I. Тифлисская
- K. Черноморская
- L. Степановская
- M. Михайловская
- N. Одесская

Рис. 7 Памятник боевому отряду атамана Черноморского казачьего Войска Захария Чепеги, установленный в дни празднования 200 – летия переселения Войска на Кубань в морском порту г. Ейска.

В сентябре 1988 года после празднования 140 – летия со дня основания города Ейска директор ейского историко-краеведческого музея В.Страмоус командировал научного сотрудника музея Бельцева Н.В. в Тбилиси в Госархив Грузии для сбора подлинных документов по истории основания г. Ейска. Год работы над этой темой и ряд командировок в Тбилиси завершились 25 августа 1989 года научно-теоретической конференцией в Ейске на базе историко-краеведческого музея. Подлинные документы Тбилисского архива подтвердили достоверность музейных экспозиций.

Одновременно там были найдены документы, поясняющие причины зимовки более чем двухтысячного отряда З. Чепеги на Ейской косе. В.А. Страмоус и Н.В. Бельцев выдвинули идею создания и установки памятника в честь этого события. При поддержке Горисполкома они же и осуществили эту идею. Техническим исполнителем при этом стал ейчнин Заречкин Николай Павлович. Макеты пушек были отлиты на Станкозаводе.

**Рис. 8. Походная церковь сооруженная на средства рыбаков в 1813 году на Ейской косе. Разбита бурей 1830 года. Иконостас этой церкви был установлен в первом храме г. Ейска - церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Реконструкция по описанию. Работа автора.
Художник Г. Подгорный**

*Рис. 9. Ейский художник А.Федин.
Первая борозда в основании Ейска. 1848 г.*

**Памяти предков моих,
поселившихся в Ейске в годы его
основания Бельцева Терентия
Ивановича с семейством и Раева
Ивана Васильевича с семейством
ПОСВЯЩАЮ.**

**ЧАСТЬ I.
Черноморское казачье войско
идет на Кубань.**

Ейск — город исторический.

В преддверии замечательной для нашего города даты -150-летия со дня основания "Портового города Ейск" вполне естественно повышается интерес к его истории. Радует то, что интерес к страницам отшумевшей жизни города всё больше проявляет молодежь и юношество. Напрасны потуги злопыхателей, которые по радио и с экранов телевизоров пытаются убедить нас в том, что русских народ вырождается и деградирует. Зря стараетесь "господа хорошие": ни вековое монголо-татарское иго, ни мрачные времена «великой смуты», ни спровоцированные коварными иноземцами кровавые годы братоубийственной гражданской войны, ни кованный сапог фашистского вермахта не уничтожили Русь. Поэтому она и зовется Великой по стойкости и величию своего духа и жизнеспособности.

Сейчас доверчивая и гостеприимная, сердобольная к чужой беде и готовая поделиться последней краюхой хлеба Русь не на колени упала. Врут и те господа, которые это утверждают. А внезапно получившая удар под дых она с изумлением разглядывает руку, нанесшую ей этот предательский удар, ту самую руку, в которую она, отдавая от себя последнее, вложила все лучшее, что имела на возрождение Ташкента, Ашхабада, Спитака, на строительство метрополитена в горных породах Тбилиси на тысячи больших и малых строек в отколовшихся ныне братских республиках, за счёт катастрофического упадка не только Нечерноземья, но и разорения богатых черноземных областей России.

Но на то она и великая, что в своей истории поднималась не раз и поднимется сейчас. На то она и

великая, что к ней жались в поисках защиты малые по числу народы, к которым она всегда относилась как к равноправным и уважаемым соседям.

И конечно же в основе, в фундаменте возрождения лежала и будет лежать культура великого русского народа. А одним из краеугольных камней культуры всегда была история государства, история края и области, история города или села. История же это прежде всего наука. И как наука она должна быть объективна, документальна и точна. Именно в этой области находится самое уязвимое место науки по имени история. Здесь подвизается много разных деятелей, начиная от злоумышленных фальсификаторов, получающих на свою грязную работу солидные деньги и учёные степени и звания за подтасовки исторических фактов. Есть, фальсификаторы из числа восторженных "Ура-патриотов", готовые ради сомнительной славы любимого города или села выступить в роли шолоховского деда Щукара.

Есть и такие, что ради красного словца, готовы плести небылицы и сочинять красивые сказки, забывая головы слушателей байками о золоте хана Шагин-Гирея, о сокровищах азовских пиратов или припрятанных драгоценностях Российской короны.

Все это явление не новое, это свойственно человеческой природе во все времена существования человеческого общества. Две тысячи лет тому назад, в седой древности, незадолго до рождения Иисуса Христа жил и трудился знаменитый древнегреческий географ Страбон. Он однажды заметил: "Все древнее, выдуманное и чудесное называется баснями, а история требует истины идет ли речь о древнем или о новом." Значит проблемы басни, выдумки и фальсификации не новы. Не верьте басням, нужны истинные знания. Идите и музей, библиотеку, в архив. Там лежат ответы на

волнующие вас вопросы. Но и там, в стенах этих ценнейших хранилищ человеческой памяти не уподобляйтесь слону в посудной лавке. Помните что каждое ваше неловкое движение может принести большой вред, вред знаниям педагога опирающегося на ваш труд и вред знаниям школьника, студента и просто любознательного человека стремящегося узнать «как это было» на Кубани, в городе или в станице. Например: некоторые неопытные исследователи, ознакомившись с вышеприведенным планом Ейской косы (рис.1) пишут в своих трудах о действовавших пристанях на конце косы. А ведь на плане есть слова «Предполагаемая пристань» и в действительности пристани там никогда не существовали. Не торопитесь с выводами. Поспешность здесь вредна! Во многих, даже авторитетнейших трудах могут быть погрешности. Не тиражируйте слепо ошибки и не создавайте новых. Только глубокое исследование всех возможных материалов может вплотную приблизить вас к истине.

Несмотря на то, что Ейск на шкале истории занимает скромную черточку, размером в 160 лет, многие события первых десятилетий его жизни уже подернуты дымкой забвения. Этому, безусловно, способствовало уничтожение городского архива и экспонатов городского музея в период Великой Отечественной войны.

Но все же к счастью, сохранилось громадное количество подлинных документов истории города Ейска в Государственных архивах Грузии, городов Краснодар и Ростова-на-Дону, в центральных архивах Москвы.

И все, о чем будет идти речь на этих страницах, все найдено там и имеет свое место в конкретном хранилище, в конкретном томе, на конкретной странице.

Решением правительства наш город Ейск внесен в

перечень городов, имеющих историческое значение. В чем же проявился его историзм, по каким параметрам ему определено такое высокое положение среди множества Российских городов его ранга? Что мы, потомки людей, основавших Ейск должны охранять как эстафету поколений, как историческую память русского народа, чтобы грядущее поколение не росло Иванами, не помнящими родства?

Во-первых, общеизвестно восстановление границ России на Кубани в пределах древнего Тмутараканского княжества. Не менее исторична роль и переселения сюда войска верных Черноморских казаков в 1792 году. Украины Российского государства должны быть надежно защищены. Переселение укрепило положение России на Северном Кавказе и позволило помочь христианским пародам Грузии и Армении, над которыми нависла угроза порабощения.

Набирающей силу экономике казачьего Кубанского края нужен был выход и на мировой рынок и на внутренние рынки Империи. Такими морскими воротами стал новый портовый город Ейск.

Уникален наш город и в плане его заселения. Обязательно надо отметить ту удивительную смесь переселенцев из различных губерний России, которая с 1848 года стала населением нового города. Здесь смешалось добрых два десятка диалектов и наречий, а стало быть и бытовых культурных особенностей различных регионов России.

А если о заселении необжитого места говорить в смысле архитектурной застройки площади, отведённой под город, то здесь проявлена редкая неповторимость » сравнении с другими городами. Практически на чистом и пустом месте нарезались межкварталов города. Застройки в городе велись на выбор по одному из 24-х типовых проектов, предложенных талантливым архитектором Иваном Жуковским. В черте города не

разрешалось строить ни одной землянки, ни одной захудалой избы. Проходя по улицам родного города, обратите чуть больше внимания на архитектуру зданий в черте старого города, ограниченного улицами Ростовской, Московской и Бердянской. Это плоды трудов двух прекрасных русских архитекторов Жуковского и Хлебникова. Именно этот исторический облик старого города надо сохранить для потомков. Задача эта не из лёгких, но как показал опыт последних лет вполне разрешима при соответствующем отношении к этому отдела архитектуры и властей города.

Развивая город в новых микрорайонах по законам современного градостроительства, надо сохранить уцелевшую часть старого города.

Надо сохранить и малые архитектурные формы: арки ворот и калитки, заборы и афишные тумбы. Надо восстановить мостовые города. Нужна чёткая и конкретная установка по сохранению исторического лица старого города, разработанная в архитектуре, совместно с музеем и архивом города и утверждённая авторитетным городским собранием (Совет или Дума).

Не последняя роль в этом благородном деле принадлежит и нам дорогие земляки-ейчане. Не будьте безучастны к Соловьям-разбойникам, пытающимся стереть с лица земли исторический облик родного Ейска.

История Портового города Ейска имеет ряд интересных особенностей, вокруг которых неоднократно возникали кривотолки. Основными при этом были дна вопроса.

Во-первых, споры подчас разгорались по поводу того: казачий или не казачий город Ейск.

Во-вторых, путаница в бытовых и официальных названиях Ейского Укрепления и станицы Старощербиновской способна сбить с толку не только читателя интересующегося историей родных мест, но и

историка не глубоко вникшего в документы далёкого прошлого.

А дело в том, что как мы узнаем несколько позже на бытовом уровне оба этих населённых пункта некоторое время назывались "Ейск", и это подчас давало повод сомневаться в точно известной и законной дате основания нашего города.

По первому вопросу можно уверенно утверждать, что Портовый город Ейск был основан и существовал до революции 1917 года как купеческо-мещанский город, город мастеровых и торговых людей. Попытка превратить его в центр Ейского отдела с переносом сюда из станицы Уманской отдельных органов казачьего управления успеха не имела. А дело было так: стремясь привести административное устройство Кубани в соответствие с тем, что было установлено во всей Империи Александр Третий Указом от 30 декабря 1869 года создал Кубанскую область состоявшую из пяти уездов: Баталпашинского, Екатеринодарского, Ейского, Майкопского и Темрюкского. Волевым решением центр Ейской округи, а теперь уезда был перенесен из Уманской в город Ейск. Однако это не привело к установлению единовластия в новом образовании-Ейском уезде. Рядом и не мешая друг другу жили и работали две структуры, две власти: прежняя городская и прежняя атаманская. Но теперь специфические вопросы казачьей службы и быта надо было решать в городе Ейске, в службах атамана Ейского уезда. Это не устраивало казачество. И дело здесь заключалось не только в амбициях этих двух властей. Особенности казачьей службы, формирования воинских подразделений и частей, их подготовки к несению службы не вменялись в рамки уездных структур центральной России. Поэтому в 1888 году уезды на Кубани были переименованы в ОТДЕЛЫ, а в 1902 году центром Ейского отдела стала вновь станица

Уманская Нет смысла не замечать известного сословного противостояния между казачеством и населением города, начиная от описанного священником Стефановым жестокого обращения первых "полицейских" из числа казаков по отношению к горожанам и до трагических событий мая 1918 года, когда казачество окрестных станиц шло на город с решительной целью стереть его с лица земли.

Однако, не вызывает сомнений и то, что Портовый город Ейск был основан для Кубанского казачьего края и в его экономических интересах, как и то, что самое непосредственное и активное участие в основании города принимали черноморцы, прямые потомки запорожских казаков.

Эти серьезные шероховатости во взаимоотношениях города с казачеством князь Воронцов решил двойным подчинением города Наказному Атаману и непосредственно Наместнику Кавказскому. Такой привилегии не имел ни один населенный пункт Кубани, это было необходимо в ту пору, когда сословные предрассудки проявлялись так остро, что мешали развитию города и в целом экономике Кубани.

Чтобы понятны были события тех лет, связанные с историей города в части взаимных отношений города и казачества, надо помнить о том, что и казачье Правительство и основная масса казаков весьма ревниво относилась к так называемому "иногороднему" населению, не признавая за ним никаких прав, которыми пользовались на этой земле казаки.

Понимая, что без торговли и ремёсел развитие края невыносимо, и то, что казак из-за специфики своей службы этими серьёзными отраслями экономики заниматься не сможет, казачье руководство согласилось на мещанский статус города и заселение его не казачьим населением.

По правилам того времени казак, поселяясь в

городе, должен был сложить с себя казачье звание и перейти в мещанское сословие. В этом была главная причина того, что казаки 21-го хутора, составлявших Ейский посёлок, расположенный на землях, отведённых под новый город в пределах современных улиц Бердянской и Победы не остались в черте города, а ушли на балку Широкую и основали посёлок Широчанский.

Однако, несмотря на имевшие место противоречия, город с первых дней своего основания был теснейшим образом связан с казачеством. Тысячи нитей: духовных, экономических, культурных и бытовых объединяли здесь русских людей порою с трудом ломая сословные традиции. Со временем не только деловые, но и семейные узы казаков и иногородних стали обычным явлением.

Судьбы запорожцев.

Тесная связь нашего города с казачеством обязывает нас заглянуть и в страницы казачьей истории, точнее истории переселения потомков запорожских казаков на Кубань.

А доля бывших запорожцев во второй половине XVIII века была не из лёгких. Так уж сложились обстоятельства, что в силу ряда причин, в том числе и из-за измены гетмана Мазепы, Сечь Запорожская выступила на стороне шведов против российского войска Петра I.

Вследствие итога Петр I после разгрома шведов под Полтавой и 1709 году приказал разрушить Сечь.

Но вскоре она возродилась как птица Феникс из пепла. Историк казачества генерал Ригельман, описывая Сечь Запорожскую того времени и отмечая

многие положительные черты этого войска, заканчивает их длинный перечень такой фразой: "Жиль только, что они так легкомысленны". Эти качества запорожского казачества беспокоили и Екатерину II и правительство России, Ведь именно во второй половине XVIII века Турция, стремясь вернуть утраченные территории, объявляла России войну за войной. Русские войска выходили к Днестру, а в тылу у них располагалась беспокойная и непредсказуемая Сечь Запорожская. После казни Пугачева и укрощения бунта яицких казаков Совет при Императрице постановил ликвидировать Сечь Запорожскую. Далеко не все историки, описывая Запорожскую Сечь, ее нравы и обычаи, восторгаясь духом свободы и вольницы, объективно определяли причины ее падения и ликвидации. Наиболее четко это сделали А.М. Туренко и Я.Г. Кухаренко в их труде «Исторические записки о Войске Черноморском». Усматривая корни этого войска в Запорожской Сечи, они писали: «...Возникшие во время войн соседственных государств, запорожцы никогда не составляли народа отдельного, но число их беспрерывно увеличивалось выходцами из России, Польши, Молдавии, Валахии, Булгарии, от татар и даже от европейских держав...Никому не подвластные, они вели жизнь дикую, свободно избирая атаманов...Неоднократно послы царские успевали исторгать у Запорожцев клятву быть верноподданными России; но своевольные, мятежные не долго сохраняли онную, снова буйствовали, снова занимались разбоями, набегами и не было возможности обуздать их дикую волку». Эта непредсказуемость поведения значительной воинской силы в тылу войск ведущих борьбу с турецкими захватчиками и определила судьбу Сечи. Отсюда понятны те усилия, которые прилагали Чепега

и Головатый для поддержания в войске законности и порядка в чем они клятвенно заверяли Императрицу Екатерину II.

4 июня 1775 г. черный день в истории Запорожской Сечи. В этот день войска под командой генерал-поручика Текелия со всех сторон окружили Сечь и предложили казакам разойтись по домам. В этой обстановке казачье общество раздвоилось. Та часть казаков, которая выступала за вооружённое сопротивление этому насилию, ночью на казачьих лодках "чайках" ушла к Чёрному морю и далее в Турцию, где с разрешения турецкого султана и обосновалась на жительство. Эту часть впоследствии стали называть "неверными".

Вторая же часть, несмотря на трагизм происходящего, не захотела поднимать оружие против своих единоверцев и, подчинившись требованию Императрицы, разошлась по домам. Войска разрушили Запорожскую Сечь до основания и под этим названием казачество уже более никогда не возродилось.

Начиная с 1787 года для участия в открывшейся очередной русско-турецкой войне, часть бывших запорожских казаков, с разрешения фаворита Екатерины II Светлейшего князя Потемкина, стала объединяться в войско. Инициаторами и руководителями этого движения стали авторитетные фигуры ликвидированного запорожского казачества Сидор Белый, Захар Чепега и Антон Головатый. Уже через год новое войско насчитывало более 12000 человек. Эта часть казачества получила название "верных". А за боевые заслуги в русско-турецкой войне, где особо яркие страницы боевой истории были вписаны при действиях казаков против турок на Чёрном море, Потемкин с разрешения Екатерины II назвал это войско "Черноморским". Так получилось полное

название "Войско верных казаков Черноморских" или "Черноморское казачье войско".

Стремясь использовать это войско для охраны и прикрытия пограничных рубежей России, Потемкин хотел поселить это войско в Приднестровье, где и определил им для административного центра село Слободзею, расположенное на Днестре в Тираспольском уезде Херсонской губернии.

Войско росло быстро, но земель для его расселения в Приднестровье было мало. Помещики, давая им земли, пытались превратить вольных казаков в крепостных, что вызвало протест и возмущение в Войске. Руководство и всё Войско просили Потемкина предоставить им земли в Приазовье, на Кубани. Потемкин шёл им в этом деле навстречу, но внезапная смерть его в 1791 году не позволила завершить этот акт официальным Указом императрицы, что дало бы законную силу переселению войска на Кубань.

Решая эту проблему, в 1792 году казаки посылают депутацию во главе с Антоном Головатым в Петербург с просьбой к Екатерине II о пожаловании войску земель на Кубани.

Работа депутации была успешной. Высочайшей грамотой от 30-го июня 1792 года Войску Черноморскому было пожаловано в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагория (Таманский полуостров. Н.Б.) со всею землею, лежащею по правой стороне реки Кубань от устья её к Усть-Лабинскому редуту, так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой - Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли.

Ейское укрепление.

Да, именно так и определяла грамота. Екатерины Великой новые земли бывших запорожцев: "С одной стороны река Кубань, с другой - Азовское море до Ейского городка". Вот, вот скажете вы, уже и появился Ейский городок. Не наш ли это славный город - порт появился на историческом горизонте? Нет, уважаемый читатель, не путайте, пожалуйста, это наш сосед, богатое историческими событиями село - Ейское Укрепление. История его основания такова. В 1774 году был подписан мирный трактат между Россией и Турцией. Один из пунктов трактата гласил, что крымские татары и ногайцы переходили под руку России. В 1775 году на Кубань прибыл претендент на престол крымского хана Шагин Гирей. Он был сторонником России и боролся за престол крымских ханов. Известный кубанский краевед В.А. Соловьев в своей книге "Суворов на Кубани" пишет: "Прибыв в 1775 году на Кубань, Шагин Гирей обнаружил на границе Российской империи, у устья реки Ея заброшенное укрепление, оно и стало базой для формирования войска из местных ногайцев...". Эта база Шагин Гирея получила название "Шагин Гирейский городок" или "Шагин Гирейский базар. В это же время сюда прибыл с небольшим отрядом Российской армии подполковник Лешкевич на должность пристава при ногайских ордах Приазовья.

Направленный на поддержку Шагин Гирея и защиту его интересов Лешкевич свой лагерь основал рядом с Шагин Гирейским базаром. Укрепленный редут Лешкевича получил название "Ейский городок", так как он находился на реке Ея. Оба укрепления располагались на самом краю обрывистого правого берега реки при её впадении в Ейский лиман. Это с точки зрения военной науки о фортификации было не совсем удачным реше-

нием.

В 1778 году А.В. Суворов прибыл на Кубань, принимая под командование Кубанский корпус. Он проделал большую работу по совершенствованию укреплений на Кубани. В частности, найдя расположение Ейского городка неудачным, он распорядился перенести его. Новое укрепление Суворов отодвинул от Ейского лимана и обрывистого берега Еи на картечный выстрел, чтобы можно было надёжно поражать атакующего противника на открытой местности и лишить его возможности подойти скрытно к западному фасу укрепления. Новый укрепленный пункт Суворов назвал Ейское Укрепление. До наших дней дошёл в сохранности план Ейского Укрепления, снятый в начале 80-х годов XVIII столетия. Вот так и появилось ещё одно название у Ейского городка. Вскоре образовалось и окрепла Кубанская кордонная линия и Ейское Укрепление потеряло своё военное значение, превратившись в обычное мирное село. Однако и поныне оно носит своё историческое наименование, а его жители с гордостью вспоминают о суворовском периоде своего села.

Торжества в Слободзее.

А теперь давайте вернёмся к нашим славным казакам-черноморцам, с тревогой и надеждой ожидавшим решения императрицы Екатерины II по их просьбе об отведении им земель на Кубани.

В конце XVIII века на юге России и Украины нельзя было решить вопрос о размещении войска верных Черноморских казаков более удачно, чем это было сделано войсковым правительством и депутацией Головатого в Петербурге летом 1792 года.

Компактная, имеющая четкие границы, плодородная земля, практически не имеющая коренного населения, иссеченная многочисленными

реками и омываемая теплыми и богатыми рыбой морями - это предел человеческих желаний. Три основных фактора обеспечили успех осуществлению казачьей мечты о земле: настойчивость войскового правительства во главе с Захарием Чепегой, необходимость в надежной защите этих рубежей Российской Империи и, в некоторой степени, оригинальный, самобытный дипломатический талант казачьей депутации и ее главы Антона Головатого. Событие большое, светлое и торжественное. Праздновали это событие в Войске широко и по специально разработанному ритуалу. Впереди возвращавшейся из Петербурга депутации скакал, не жалея коней, хорунжий Чернявский. Он вез весть атаману Чепеге о возвращении Антона Головатого с товарищами с грамотами и подарками Екатерины II.

Зашевелилось войско, как встревоженный муравейник. В паланки и войсковые селения поскакали гонцы с приказом атамана 15 августа всем от мала до велика прибыть в Слободзею для участия в празднествах по случаю Монарших милостей.

О том, что происходило в Слободзее 15 августа 1792 года лучше поведает не пересказ, а сам документ - описание торжеств. Вот он: *"Когда посланный (Головатый А.Б.) прибыл до реки Буга с Высочайшими Ея Императорского Величества Милостивейшими дарами, то дал знать Кошовому Чепеге Н.Б., который отрядил ко встречи пятисотенный конный полк с полковником, старшинами и значком за 30 верст в урочище Кучургану, оттоль онный препровождал его, Головатого до селенья Кошовое, где:*

В семь часов утра собиралось войско на назначенное место к той стороне, откуда посланному прибыть надлежало, и расположась на две стороны, стало на каждой в две лавы, простираясь далеко за селение

Кошовое. Лавы сии оканчивались у войсковой церкви, близъ предоградия которой, с западной стороны уготовано было возвышенное нарочито место наподобие амвона, покрытое турецкими коврами, на нем в виду всего войска должно было последовать принятие граммат и прочих монарших даров, там же поставлен был стол, покрытый материей, для положения на нем тех монарших даров. Противу сего амвона стояли полукружьем старшины с булавами, знаменами и знаками, а вокруг их множество посторонних зрителей разного звания, возраста и пола. По правую сторону духовенство в облачении.

Посланный, извещен будучи о времени, приближался по малу к вышеописанным лавам, а между тем Кошовой и Писарь Котляровский Н.Б. стали на возвышенном онном месте и когда выпалено было трижды из пушки в знак того, что посланный приближался к устроенным лавам, то Кошовой отрядил от себя навстречу ему первейших старшин с хлебом и солью.

Войсковой судья, приняв онные и поблагодарив, устроил шествие свое сквозь войско следующим образом: 4 штаб офицера впереди несли присланный монарший хлеб на блюде покрытом материей, за ними Судья нес на пожалованном блюде такую же солонку и Грамматы, с ним сыны его малолетние несли Афанасий к Кошовому письмо, а Георгий Всемилостивейше пожалованную ему осыпанную дорогими камнями саблю.

При первом вступлении несущих дары в строй началась пушечная и из мелкого ружья пальба и продолжалась до самого приближения Судьи к Кошовому, стоящему на месте своем.

Тут Судья взошел к Кошовому, отдал из своих рук по порядку все Высочайшие дары, хлеб и соль, Грамматы с кратким приветствием (препоясал

Кошового саблюю).

Кошовой поцеловал хлеб и соль, поставил их на вышеупомянутом столе, а Грамматы отдал войсковому Писарю.

Писарь, приняв онные, читал громким голосом пред всем войском и паки отдавал Кошовому.

По прочтении Кошовой поклоняя на все четыре стороны, поздравил Войско с Высочайшими монаршими милостями. Тогда со всех сторон закричали «Ой спасибо ж Нашей Матери за сию милость».

Между тем вышеописанные 4 штаб-офицера, взяв стол с положенными на нем монаршими дарами, несли в церковь. Пред ними шло духовенство, а за ними Кошовый с Судьею, Писарем, старшинами и войском.

По внесении и поставлении перед Спасителевою иконою начато служение молебственной литургии, которую совершал преосвященный Амвросий архиепископ Екатеринославский с архимандритами и прочим духовенством. По окончании же онной, перед начатием благодарственного Господу Богу о монаршем долголетнем здравии молебствия, говорил краткое поучение, которое у сего прилагается, а потом совершил и самое то молебствие с коленоприклонением, причем в обыкновенное время выпалено из 101 пушки, а от казаков троекратно выстрелено беглым огнем.

По окончании сего, те же старшины несли на блюде хлеб-соль и монаршия грамматы в дом Кошового в препровождении булав, знамен и значков за ними следовал Кошовый и Судья с старшинами. Там пожалованный хлеб разделен на части: одна для вечного памятования положена в войсковой церкви, вторая отправлена на Тамань к войску во флотилии служащим, третья разделена на полки при Коше,

четвертая поставлена была у Кошового на столе, где старшины онное после горилки закусивалы. Остаток довольный от части сей последней несен был с таковым же провождением в дом Войскового Судьи, где приготовлен был для почтеннейших гостей обеденный стол. Прочие же старшины и часть духовенства остались обедать в доме Кошового, а для полковников и прочих казаков недалеко от церкви приготовлены были пять больших столов на зеленой траве, куда принесли под значками данный им монарший хлеб, пили горилку и онным закусивалы и за обедом ту ж горилку повторяючи за здоровье Всемилостивейшей Монархини, палили из мелкого ружья.

В доме Судьи за столом, при питии за высочайшее Ея Императорского Величества здравие сделан 101 выстрел, за Его Императорское Высочество с высокою фамилией всеавгустейших детей - пятьдесят один. Нозабуто при том также пити и па-лити за Сенат, за Синод, за все православное российское воинство, за Кошового со старшинами, за Черноморский Кош и все его войско, за гостей и так далее, при продолжении стола пели песню "Ой годи нам журиться".

Таким образом, пообедавши Кошовой с старшинами и гостями благодарши Бога и Всемилостивейшую монархиню, а войско тоже благодаря, отправилось в дома свои с пением той же песни повторять еще и там горилкою желание долголетнего здравия Всеавгустейшей Благодетельницы своей".

Этот уникальный документ хранится в архиве. Он красочно описывает быт и нравы наших предков в те далёкие для нас времена. Умели наши предки и на земле работать и за честь и неприкосновенность матушки России постоять, не щадя ни пота, ни крови, ни жизни своей. Умели праздновать, веселиться, петь песни, плясать и уж, конечно, горилку пить. Многие в

Слободзее на другой день после праздника 16 августа 1792 года трясли чубатыми головами, прикладываясь к кринкам с квасом и рассолом. Бесспорно, железным правилом в их жизни было: "Делу время, а потехе час!" И не часто выпадало на долю казака, особенно на службе, веселье с песней и горилкой. Однако и в те времена были люди частенько злоупотреблявшие "зелёным змием". Наказание за такие проступки было строгое. Сохранилась подписка казака по фамилии Горб. Это был бесстрашный человек, умелый артиллерист в казачьем войске. Осенью 1791 года Горб запил так, что Антон Головатый, которому подчинялась артиллерия, принял решение отстранить его от службы. Это было хуже смерти для казака. Долго божился и клялся отчаянный пушкарь, валяясь в ногах у строгого Войскового судьи. Наконец Головатый, отчитав его в последний раз, коротко бросил: "Давай подписку". Побежал счастливый Горб искать писаря ибо сам грамоте не разумел и 25 ноября 1791 года увидела свет подписка за № 1406 следующего содержания:

"Дана сия от меня нижеподписавшагось господину сего войска Войсковому Судье армии полковнику и разных орденов кавалеру Антону Андреевичу Головатому в том, что если я от сего впредь до окончания с Портою Оттоманскою войны иметь буду пъянственное обращение или употреблятиму сильные какие напитки и онные за мною замечены будут и изобличенным явлюсь, то подвергаю себя за то преступление оштрафованию, каково будет заблагорассуждено его высоким благородием.

***В чём подписуюсь
Горб".***

Знакомые мотивы. Мне за долгие годы службы в армии не раз приходилось знакомиться с подобными письменными и устными заявлениями. Не namного

отличались и заботы, с которыми сталкивались наши предки при ожидании высокопоставленных гостей. В декабре 1791 года в Приднестровье ожидали приезд руководителя внешнеполитического ведомства России Светлейшего князя Александра Андреевича Безбородко. Вот что сообщал Антон Головатый Кошевому Чепеге:

"4 декабря 1791 года. Устье Серета .

Его Превосходительство господин генерал-майор и разных орденов кавалер Иосиф Михайлович де-Рибас приездил из Ясс в Галаци, с которым виделся я 4-го числа, и он приказал мне ехать в Яссы в скорости, но чтобы для стола его сиятельства графа Александра Андреевича Безбородка была свежая, со мною рыба и свежепросольная икра..."

А угодить такому высокопоставленному царедворцу не то, чтобы хотелось, а было крайне необходимо именно сейчас. Внезапная смерть высокого покровителя, всемогущего фаворита Екатерины II Светлейшего князя Григория Потемкина, которого черноморцы звали ласково Грицко Нечёса (за его лохматый парик) в октябре 1791 года расстроила все планы перемещения войска на Кубань. Теперь надо было искать опору и поддержку других вельмож. Но, к счастью, все эти тревоги и заботы остались позади. Предстояла сложная задача по переселению черноморцев на новые земли.

Войско идет на Кубань.

С переселением на пожалованные земли черноморцы не медлили. По приказу кошевого атамана Чепеги, в качестве передового отряда 25 августа 1792 года на Тамань прибыл с гребной флотилией полковник Савва Белый. Следом за ним Чепега отправил на Тамань через Керчь отряд пеших казаков с полковником Кордовским во главе.

2 сентября 1792 года вышел в поход основной третий отряд переселенцев. Проследившая путь этого отряда,

Войска верных Черноморских казаков на вновь пожалованные Екатериной II земли, лежащие между рек Ей и Кубани, я встретил в архивах ряд интересных документов. Анализ их позволяет с достаточной уверенностью утверждать несколько иную документально-историческую трактовку основания поселения казаков-переселенцев на месте нынешней станицы Старощербиновской, её значение среди других поселений Черномории, образованных казачьим правительством верного Войска Черноморского при заселении этих земель. История основания станицы Старощербиновской, её первоначальные названия теснейшим образом связаны с названием города Ейска. Здесь один из узелков путаницы, который необходимо развязать.

Третий отряд переселенцев вёл сам Кошевой атаман Войска верных казаков Черноморских Захарий Алексеевич Чепега. Это был по своему значению основной отряд. В его состав входило три конных и два пеших пятисотенных полка, большой войсковой обоз (как значилось в старинных документах: "С войсковыми тяжелостями"). Некоторые авторы исторических работ утверждают, что в составе этого отряда были и семьи. Я не встречал ни одного документа подтверждающего это. Документально известно, что переселение семей было поручено Антону Головатому на 1793 год, что он и организовал. А отряд Чепеги имел боевую задачу: выставление пограничных кордонов по реке Кубани от Усть-Лабинского редута до устья Кубани. Житейский опыт и опыт боевых походов бывалых воинов не позволяет предполагать, что Чепега мог взять в поход семьи, предвидя зимовку в землянках и дорогу в осеннюю распутицу.

Но главное, что придавало этому отряду особое значение, это то, что с ним следовал орган управления Войска, его штаб, Войсковое правительство во главе с

любимцем казаков популярным казачьим "Батькой", последним избранным на казачьем кругу Кошевым атаманом - Чепегой.

Выйдя в поход из Слободзеи 2 сентября 1792 года, отряд прошёл сухим путём Херсонскую, Таврическую и Екатеринославскую губернии. Последний большой привал Чепега сделал на Задонской стороне, куда отряд прибыл 14 октября 1792 года. Место для остановки отряда лагерем на Задонской стороне, где-то в районе современного Батайска было выделено хозяином этих мест Донским атаманом Иловайским, который на запрос Чепеги ответил письмом от 13 октября 1792 года:

"Получа о следовании Вашем с двухтысячной командой верного Черноморского войска казаков уведомление Ваше, извещаю сим, что я об отводе онной команде на Задонской земле лагеря, приказал нарядить нарочного, а Вас, милостивого государя моего, покорно прошу нынешний день пожаловать ко мне на обед, между чем будем иметь случай свести знакомство

Иловайский".

Оставим наш казачий отряд Захария Чепеги отдыхать в лагере на Задонской стороне. Тем более, что силы отряда были на пределе. Ранняя осень, обычно тёплая и погожая в этих краях, в тот год была на редкость ненастной. Дожди с пронизывающими холодными ветрами начались с первой недели похода. Дороги раскисли и каждая верста давалась с большим трудом. Особо тяжёлая участь выпала на долю войскового обоза. Жирный чернозём южных степей, сочетаясь с придорожными травами в трудно разрываемые пласты, наглухо клинил колёса. В помощь ездовым обоза постоянно отряжался один из пяти полков. История сохранила больше детали морского перехода казачьей флотилии полковника Саввы Белого, а потомки увековечили скульптурой факт и место высадки казаков на Тамани. Дело славное и нужное. Но переход отряда

атамана Захария Чепеги можно смело отнести к событиям героическим. Без сомнения только авторитет Атамана Чепеги, его мужество и воля способствовали успешному завершению этого тяжелейшего похода. Это было, конечно, главной причиной, по которой атаманы уже соседнего казачьего войска, не принял любезного приглашения Донского атамана Алексея Ивановича Иловайского отобедать и познакомиться. Чепега не мог оставить своих изнурённых до отчаяния товарищей. Часть казаков была на грани дикого и необузданного бунта. И только авторитет, сила духа и воли атамана, его способность и готовность разделить тяжёлую участь войскового товарищества делали управляемой эту обессиленную и отчаявшуюся группу переселенцев.

Казак Николаев, доставивший пакет от Иловайского Чепеге сам видел и доложил своему атаману о том, как трудно идёт поход у черноморцев и как озабочен атаман Чепега.

Однако, здесь был и другой не менее важный смысл отказа от приглашения. Дело в том, что земли, отведённые Указом императрицы Войску Черноморскому были наподобие ничейного и неохраемого заповедника. Здесь, начиная от устья реки Еи по всему побережью через косы Ейскую, Должанскую и Камышеватскую до самой Тамани, без спроса и ведома располагались десятки незаконных рыбных заводчиков, которые, нанимая сотни беглых бродяг и укрывавшихся от закона преступников и просто обездоленных судьбой людей вели рыбный промысел, обогащаясь за счёт безжалостной эксплуатации этого бесправного населения, именовавшегося бурлаками или забродчиками.

Да и атаман Донской Алексей Иловайский беспокоился не зря. Получив вежливый отказ, он через три дня шлет того же гонца Николаева с письмом

атаману Чепеге от 16 октября 1792 г. в котором в частности пишет:

"...Сего войска (Донского) Манацкой станицы 20 человек казаков с билетом от меня данным, хотя и уволены для битья зверя на Задонскую сторону до Челбас и речки Бейсуга, но как места принадлежат войску Вам вверенному, то я прошу Вас покорно на битье того зверя дать Ваше им на то позволение, за что они будут Вас благодарить". На эти просьбы Захарий Чепега отвечал недвусмысленным отказом 23 ноября. *"...Письма Вашего Высокого Превосходительства через казака Николаева я получил. Сожалею яко просьбы Вашей об откупах Выполнить не могу, потому, что рыбные ловли и все на Черноморской земле выгоды зависят в полной воле от всего Войска Черноморского, по которым голосам о небытии никаким откупам и о выселении отсель всех посторонних людей пользовавшихся прежде разными выгодами, о чем в войсковом Правительстве и прежде было сделано, о чем я думаю уже и Вашему Высоко Превосходительству небызвестно. И затем Вас, милостивый Государь покорнейше прошу об онных откупах себя не обременять, ибо уже однажды сделано навсегда".*

Конечно же, такой твердый и решительный отказ пришелся не по душе Донскому атаману.

Но вернёмся к нашим переселенцам, ставшим лагерем на отдых на Задонской стороне в том месте, где им разрешил хозяин этих земель атаман Иловайский. Четыре дня казаки отдыхали, приводили в порядок изрядно потрёпанный тяжёлой дорогой обоз, дали отдых и подкормили лошадей. Приведя в порядок обоз, и дав отдохнуть людям и лошадям, Чепега повёл свой отряд дальше, туда, где не надо было испрашивать разрешения на стоянку, на свои земли, дарованные долгожданным указом Императрицы.

Позади остался Азов, отряд шёл по Копыльскому шляху на Ейское Укрепление.

Осенняя непогода, распутица подгоняли атамана, измученные лошади всё чаще требовали отдыха, да и казаки за переход изрядно устали. Нужна была длительная стоянка, приходила пора расположиться на зимовку.

Наконец 23 октября 1792 года казаки вышли к Ейскому Укреплению. Да, к тому самому укреплению, одному из ряда расставленных А.В. Суворовым на Кубани, которое со временем, потеряв военное значение, стало одним из поселений Ростовского уезда Екатеринославской губернии. Это поселение до наших дней сохранило и своё место на правом берегу реки Ея у её устья, и своё боевое название. Чепегу с Войском здесь приветливо встречал Ейский* комендант секунд-майор** Андрей Николаевич Война, предупрежденный о прибытии гонцом от атамана.

Некоторые авторы сообщают об остановке отряда Чепеги в Ейском укреплении. Это неверно. Расположить отряд Чепеги в самом Укреплении было невозможно этого не позволили бы его геометрические размеры. Чтобы расположить такой большой отряд на землях Екатеринославской губернии, необходимо было ещё раз спрашивать на то разрешение у хозяев этих земель. В этом не было необходимости, так как буквально рядом за рекой Еей была своя земля. Поэтому отряд не останавливаясь, прошёл мимо

* Имеется в виду, что А.Н. Война был не только комендантом Ейского Укрепления. Ему подчинялся и небольшой гарнизон Карантинного редута на противоположном берегу Еи. В его обязанности входили поддержание порядка в местностях, прилегающих к реке Ея в ее нижнем течении и Ейскому лиману, а также на косах Ейской, Долгой и Камышеватой.

** Звание (чин) штаб-офицеров русской армии, очередное за чином капитана, следующим было звание «Премьер-майор». Отменены в 1797 г.

Ейского Укрепления, спустился на дорогу, ведущую к Чёрному броду, и вытянулся узкой колонной по едва возвышавшейся над водой гати, вьющейся через плавни реки. Теперь только деревянный мост, длиною в 10 сажень через Ею отделял переселенцев от своих земель.

Перед мостом Чепега спешился и вёл лошадь в поводу. За ним, как по команде спешились все казаки.

Сняв папаху, атаман осенил себя крестным знаменем и ступил на мост. Обнажив головы и крестясь, за ним следовало Войско.

Наезженная дорога после моста поворачивала вправо туда, где на мысу, образованном изгибом реки, возвышался Карантинный редут, обращенный двумя своими бастионами в степь, он прикрывал мост через Ею и гать с Чёрным бродом от незваных гостей. Пока не установлены документы подтверждающие точную дату возведения этого укрепления. На Суворовской карте Кубанской линии укреплений и крепостей 1778 года его ещё нет. В августе 1783 года мятежный хан ногаев Тав Султан беспрепятственно прошел мосты через Ею и напал на Ейское Укрепление. Можно предположить что именно это заставило прикрыть Пашковский мост от переправы незваных гостей. Тяжелые эпидемические заболевания холерой, оспой, моровой язвой потрясавшие племена предгорий и Закубанья также требовали надёжного санитарного кордона. Так, где-то после 1783 года появился Карантинный редут. Укрепление размером 30 на 30 сажень с двумя бастионами обращенными на юг в степь с четырьмя чугунными пушками надёжно закрывало вход на Пашковский мост недалеко от центра современной станицы Старощербиновской.

Лагерь у Карантинного редута

Здесь, у Карантинного редута, на своей земле отряд

и расположился лагерем 23 октября 1792 года.

Значение этого акта в деле освоения казаками подаренных земель Кубанских на мой взгляд, безусловно, весомее акта высадки отряда полковника Саввы Белого на Тамани.

Сюда прибыло пять боевых полков Войска во главе с Войсковым правительством и Кошевым атаманом. На этом месте следовало бы установить монумент по художественному оформлению не хуже, чем монумент на Тамани.

О прибытии сюда отряда Чепега, отдохнув и осмотревшись, рапортами от 27 октября докладывает Таврическому губернатору генералу Жегулину и Командующему войсками на Кавказской линии генералу Гудовичу.

Рапорт губернатору Таврическому:

"Вашему Превосходительству честь имею доложить, я с конною верного Войска Черноморского командою сего течения 23 числа прибыл на всемилостивейше пожалованную онному землю благополучно и по неимению в дальнейших местах к продовольствию казаков провиантом провиантских магазейнов, а лошадям заготовленного сена и по усталости у многих казаков лошадей в близости имеющего магазина в Ейском городке намерен на зимовлю расположиться по левую сторону реки Ей, где подчас нужды можно будет купить для показанных лошадей сена и овса.

О сём Вашего Превосходительства утруждая покорнейше прошу снабдить меня в резолюцию повелением".

По вопросам организации пограничной службы и ведения возможных боевых действий Войско Черноморское подчинялось Командующему войсками на Кавказской линии генералу Гудовичу.

Атаман писал ему: *"Вашему Превосходительству*

*честь имею доложить я сего течения 23 числа с
вверенною мне конною верного Войска Черноморского
командою прибывши на всемилоостливейше пожалован-
ную онному Войску землю в рассуждении дальнейших
местах провиантских магазинов расположился на
зимовле в близости имеющегося в Ейском Укреплении
такового по леву сторону реки Ей"*

27 октября 1792г.

Чепега."

Эти рапорта не только точно указывают место избранного атаманом лагеря, но и свидетельствуют о намерении казаков зимовать здесь. Эти подлинные документы хранящиеся и сегодня в архиве убедительно объясняют причину того, что некоторые историки утверждали, будто отряд Чепеги остановился на зимовку у Ейского Укрепления. Немного дальше мы увидим, что это было не так.

Само решение и выбор места зимовки атаманом вполне обоснован: своя земля, рядом Карантинный редут, хотя и малая, но всё же крепость с артиллерией, а в Ейском Укреплении боевой гарнизон коменданта Андрея Войны и ближайшие склады продовольствия (войсковые магазины).

Здесь хотел бы обратить ваше внимание на то, с какой лёгкостью один автор и один писарь-исполнитель двух рапортов, отправленных в один день, не колеблясь, в одном месте говорят о "Ейском Укреплении", а в другом - о "Ейском городке". А речь и в том и в другом случае шла об одном и том же военном объекте.

Этому военному объекту а в дальнейшем поселению действительно "повезло" на различные варианты наименований даже в официальных документах. На карте 1786 года, хранящейся в музее истории Донского казачества, оно обозначено как «Ейский укрепленный городок». В сведениях по церковным древностям

затребованных по приходу местечка Ейское Укрепление, священник Святой Троицкой церкви Петр Миролюбов в конце прошлого века сообщал: "Местечко Ейское Укрепление при реке Ея при впадении в Азовский лиман находится во втором Ростовском-на-Дону округе благочиния и составляет последнюю южную оконечность в пределах Екатеринославской Епархии, носит ещё название "Городок". Как видно по справке с книгою "Материалы историко-статистического описания Екатеринославской Епархии" изд. 1880 г. местечко Ейское Укрепление около 1775г. носило название "Ейский редут" и "Ейский Шагингирейский базар", но почему в последствии изменилось, неизвестно..."

Последнее дореволюционное официальное его название "Местечко Ейское Укрепление" по сведениям Статистического Комитета № 34 от 4 февраля 1905 года. Пусть и впредь не смущает читателя встречающиеся иногда обилие официальных, полуофициальных и просто обиходных названий у населённых пунктов. Необходимо только документально объяснять их происхождение, а не запутывать окончательно необоснованными домыслами.

Но вернёмся к отдыхающему после трудного похода казачьему отряду Чепеги. Атаман, определив место зимовки, добивался передачи Войску Карантинного редута. Ситуацию с передачей редута хорошо проясняет письмо коменданта Ейского Укрепления секунд-майора Андрея Николаевича Война атаману Чепеге:

"Высокородному и высокопочтенному господину бригадиру верных Черноморских казачьих Войск Кошевому Атаману и разных орденов кавалеру Захарию Алексеевичу Чепеге

РАПОРТ

На сообщение Вашего высокородия пущенное от 26-го сего октября с № 3168-м мною получено 27 числа

предписывающее ведомства моего Карантинную заставу снять, имеющиеся там казенные дома ради квартирования вашего благородия со старшинами свободными оставить и как я без начальства сего выполнения учинить не мог с приложенными с вашего высокоблагородия Высочайше данными всему Черноморскому Войску от Ея Императорского Величества милостливыми грамоты в копиях к усмотрению его Сиятельству господину бригадиру командующему войсками Кубанского корпуса и кавалеру князю Алексею Петровичу Щербатову при рапорте отправил через нарочного почтальона. Поименованный мною от Его Сиятельства ордер сего числа получен. С него точную копию при сём представить честь имею и как в том ордере между прочем прописано без высшего начальства редут Карантинный как военное здание снабдённое артиллериею, при ем казённое строение этому принадлежит в рассмотрение господину Таврическому губернатору. По сему я без промедления и представить имею и что в резолюцию получено будет рапортовать имею Вашему высокоородию". Это был отказ в уважительной форме. А далее Война настойчиво предлагает Чепеге свой вариант расположения Войска на зимовку: "...При сём же прошу покорнейше Вашего высокородия извещением на посланном сегож октября 25 числа от меня рапорт не оставить, извольте-ль принять в ведомство Черноморского Войска состоящие на Чебакле казенные дома, и на Ейской косе при доме с галдарейною два соляные анбара к сохранению в целости впредь на представление моё Таврическому господину Губернатору повеления по получении ответа его высокородия на сей резолюции понеже состоящий капрал Михайлов по вступлении Черноморского Войска в его хранения онных строений не в силах остался как тамошний народ с его послушания вышел. И строение

состоит одно от другога в трёх верстах, а более по малости внимания гарнизонных людей определить не могу в помощь и провиант для их доставлять не с кем. И тот капрал должен по обстоятельствам сим быть сменен, а казённое строение не подвергалось бы растаскиванием дерева себя вящему разорению как онное состоит по описем присланным мне из Таврической казённой палаты. За онное ж не подвергал бы я себя взысканию. Не оставить приказать отрядить с Черноморского Войска аднаво офицера а я со стороны своей тож с имеющуюю токо у меня описью отправлю и по онной приказать обеим офицерам расписаться в двух описях и доставить адну Вашему Высокородию а другую ко мне в дела.

Майор и комендант Андрей Война
№ 596 Октябрь 31 дня 1792 году
б. Ейск. Крепость"

Полюбуйтесь еще на одно название Ейского Укрепления - «б.Ейск.Крепость» Возможно «б.» -это бывшая, но «Ейск» -это встречается впервые. Отсюда вполне понятно и наименование этого пункта на карте Манганари. Вполне понятно и большое желание Андрея Войны избавиться от охраны разбросанных по его обширным подведомственным территориям казённых объектов. И без того маленький гарнизон Ейского Укрепления приходилось разрывать на части. "Ханские дома" на Чебакле были предметом особой заботы коменданта. Значительного отряда, способного нести надёжную охрану этих объектов Война выделить не мог, а строения состояли на строгом учёте в Таврической казённой палате и ему было поручено их охранять. А "тамошний народ" (т.е. забродчики и другие работники рыбных заводов, беглые крепостные крестьяне и просто бродяги) в стремлении растащить "Домы" уже не раз пытался выйти из под его, коменданта, послушания. Особую опасность для малых воинских

групп представляли набеги закубанских абреков. Они набирали здесь рабов и для себя и на продажу. Людей военных чаще брали для обмена на попавших в плен своих или для выкупа. "За малое время,- писал Демидович (священник церкви Ейского Укрепления) в декабре 1781 года захвачено черкесами в плен с рыбных заводов работников малороссиян 12 человек. Нередко тревожили и само Укрепление..."

Поэтому так настойчив секунд-майор Война. Он пишет колеблющемуся Чепеге второй рапорт:

"Высокородному высокопочтенному господину Бригадиру верных Черноморских казацких войск Кошевому атаману и разных орденов кавалеру Захарию Алексеевичу Чепеге

РАПОРТ

Как Ваше Высокородие с уверенным Вам Черноморским казачьим войском изволите занять расположение лагеря сего фоногорического края Азовского моря еяскую, долгую косы, а на онных находятся для всяких неудобственных случаев с приставших Ейской гарнизонной команды на косах Долгой сержант Елизов, Ейской капрал Михайлов, то первому Елизову тамо находится буде не для чего, а последний Михайлов хотя состоит надзираемые казённые строения яко то на Чебакле Ханские хоромы, а на Ейской косе двух солевых анбаров при них дому то также по состоянию тамо Войска быть не нужно. Затем всепокорнейше Вашего высокородия прошу ежели заблагорассудится извольте приказать взять на сохранение целости того строения Черноморскими казаками. Меня резолюциею не оставите по которой я для сдачи отправлю прапорщика.

*Секунд-майор комендант
Андрей Война"*

В указанных хоромах никто не жил. Созданный по

решению генерал-фельдмаршала Румянцева на удобном и относительно безопасном месте, как резервная резиденция для Шагин-Гирея на случай потери им ханского трона в Крыму, Ханский городок у Ейской косы в урочище Чебакле так и не был использован по этому назначению. За валами крепости, возведёнными ногами Едичкульской орды в 1777-1778 годах был поставлен перенесённый в те же годы из Ейского Укрепления деревянный дворец Шагин-Гирея. Орда после выполнения работ ушла кочевать на свои излюбленные маршруты, а крепость и дворец в ней стояли под охраной небольшого караула из состава команды Ейского Укрепления до прихода отряда Чепеги.

Лагерь на Ейской косе.

Вернёмся на левый берег реки Ей в лагерь чепегинского отряда.

Атаман не торопился покидать этот лагерь, и только убедившись в том, что решение вопроса о передаче Карантинного редута затянулось на неопределенное время, он собирает старшин на совет. Здесь и принимается решение о переходе на Ейскую косу, на Чебакле. Для приема предложенных Ейским комендантом Войной помещений Чепега посылает наиболее грамотного и толкового офицера войска капитана Федора Бурсака в недалеком будущем атамана Войска. Ему вручается следующий документ:

"ОРДЕР

Бунчуковому товарищу армии господину капитану Бурсаку

№3179

По рапорту Ейского городка коменданта секунд-майора Войны предписываю Вам с получением сего следовать на Чебаклейскую косу и стоящие там

казенные строения как то Ханские хоромы, а также два соленных амбара з домом с присланного майором Войны для сдачи тех строений прапорщика Михайло принять все без остатка по описи. Доставить онную нам при своем рапорте.

Чепега.

6 ноября 1792 года"

Казак легок на сборы, ногу в стремя и поскакал Федор Бурсак во главе небольшого отряда вместе с прапорщиком Михайловым по берегу Ейского лимана на Чебакле выполнять приказ Кошевого атамана и Войскового правительства.

Тщательно принимал Федор Бурсак строения. и акт подготовил детальный. 12 ноября в ночь он вернулся в лагерь при Карантинном редуте, а утром, приведя себя в порядок и написав рапорт, пошел вместе с прапорщиком Михайловым на доклад к атаману Чепеге. А у атамана собралась вся казачья старшина во главе с писарем Котляревским. Атаман, не читая, предал рапорт с ведомостью Котляревскому, а сам долго и подробно допрашивал прибывших с Ейской косы. После атамана вопросы задавали прибывшим, все кто хотел. Когда вопросы закончились и установилась тишина, встал Котляревский и зачитал рапорт и ведомость Бурсака:

"Высокородному и высокопочтенному господину атаману Кошевому армии бригадиру и кавалеру Захирию Алексеевичу Чепеге

РАПОРТ

В силу данного мне Вашего Высокородия за № 3179 ордера сочиненную мною о состоящих на Чебакле Ханских хоромах и Ейской косе доме и соленных амбарах с домами опись вашему высокородию ко усмотрению у сего прилагаю.

Бунчужный товарищ армии капитан Федор

К рапорту была приложена ведомость, детально описывающая все, что находилось за валами Ханской крепости в урочище Чебакле и на Ейской косе и что охранялось прапорщиком Михайловым. Сюда не входили рыбные заводы, подробно описанные Мокием Гуликом при объезде этого края, состав которых будет приведен ниже.

Как документ, ценный детальным описанием стоявших в то время на Чебакле строений, по которому можно воспроизвести всю панораму места, где возникнет в недалеком будущем портовый город Ейск, он весьма интересен:

"ВЕДОМОСТЬ

какое точно и какой прочности состоящее на Чебакле и Ейской косе казенное строение значить
1-е Дом на Чебакле состроен срубом из бревен с углом длиною двенадцать с половиною штандартный сажень, шириною шесть сажень. Около его покоем шестнадцать углов, пятнадцать обитых досками, адин при нужнике не обит, крыльца два круглые щелеватою дощатою одеты на столбах, одно на четыре, а другое на два почти упало и подперто столбами... и крыт тот дом щелеванною досчатою в нем покоев нижних двенадцать... в од ном зале совсем выгнили и упали, а в другую стена почти упала и подперта внутре полубрусками. От части и стены снаружи погнили. Печей не имеется. Окон тридцать восемь при них затворов шестнадцать... Внутре тех покоев лестничный сход. Наштиль рендуках досчатых а к нему приделана лесница на верхние две галерейные покои... В крыше глухой два окна без затворов и стены выгнуты. С тех покоях приделаны такового же лесу нужники два стены потолки и пол дощатые в яму почти одним уг-

лом один пал едва держаться покрыт таковой же крышею.

2-е При нем особая кухня с комнаткою и маленькою перегородкою и сеня длиною пять сажень, а шириною три...

3-е Землянка от онных особо длиною семь а шириною три искадратный сажень...

4-е На Ейской косе дом из соснового лесу в длину 3-х с половиною а шириною двух с полтиною искадратный сажень. Внем окошек с затворами четыре...

5-е К нему пристроен амбар из сосновых досок...

6-е Особо состроенный Амбар таковой же сосновый досок длиною около семя искадратный сажень и одного аршина, шириною трех сажень двух аршин...

Принято мною казенное строение от прапорщика

Михайла армии капитаном Федором Бурсаком.

Сдано мною казенное строение господину капитану Бурсаку прапорщиком Алексеем

Михайлом»

Обратите внимание! Лицо ответственное за сохранность имущества на Ейской косе и на Чебакле прапорщик Михайла (Михайлов) больше ничего казакам не передавал. Пресловутые пушки на валы незаконченной строительством крепости невнимательный исследователь взгромоздил по ошибке а его последователи лишь повторяли эту ошибку. Эти пушки казаки приняли немного позже при приёме Карантинного редута, но об этом несколько позже. На следующий день казачий лагерь при Карантинном реду-те был еще раз в этом году поднят и ушел зимовать на Ейскую косу.

23 дня отряд атамана Чепеги стоял лагерем на левом берегу реки Ей у Карантинного редута, там, где сейчас стоит районный центр, большая кубанская станица

Старо-Щербиновская.

Затем почти полгода казачьи и государевы гонцы везли на Ейскую косу и получали здесь ордера, донесения, распоряжения и другие документы Войскового правительства. Полгода столицей Войска Черноморского была Ейская коса. В честь этого события в Ейске у морского порта установлен памятник. Авторами, инициаторами и исполнителями проекта этого памятника были заведующий отделом культуры горисполкома Владимир Анатольевич Страмоусов, научный сотрудник Ейского историко-краеведческого музея Бельцев Николай Владимирович и прапорщик в отставке Заречкин Николай Павлович.

Первое распоряжение кошевой Чепега с адресом "Ейская коса" подписал 16 ноября 1792 года:

«ОРДЕР

*Кошевого Чепеги полковому старшине
Малошенко*

16 ноября 1792 года

Приняв сей ордер и в команду свою 120 человек казаков следовать на р. Челбасы к армейскому мосту и там, сдерживая кордон, замечать не будут ли по степи шататься закубанские народы и за усмотрением таковых ежели возможно стараться переловить и предоставить ко мне за крепким караулом для чего и сей отверстый ордер за подписем моим и войсковою печатью от меня при Ейской косе дан.

Чепега.»

С этого дня войско начало охранную службу на Кубани, как это и следовало из Указа Императрицы.

Основательно устроив новый лагерь, Чепега рапортует об этом Таврическому губернатору Жегулину:

*"Рапорт Войскового Черноморского
правительства Таврическому
губернатору Жегулину*

9 декабря 1792 года № 34.

Вашему Превосходительству сие правительство честь имеет доложить, яко войска верных Черноморских казаков конная команда в двух тысячах семидесяти пяти человек состоит благополучно, по дозволению Вашего Превосходительства на зимовлю расположились при Ейской косе в Донском городку Землянки построили в обветшалых проваленных бывших в Ейской косе в двух ханских соленых амбарах, церковь походную разбили в бывшем ханском доме Команда провиантом из Ейского магазейна удовольствовалась сего декабря по первое. Для замечания от неприятельской стороны в степь за полтораста верст при реке Челбасах двухсотия команда выставлена..."

К коллекции названий этого места таким образом добавляется еще и "Донской городок". Название не случайное, на косе в ту пору было поселение работников рыбных заводов, в числе которых представители Дона были в большинстве. Не исключено, что они сами так именовали свое поселение. Рыбозаводчики не собирались уходить с этих мест, надеясь на защиту заинтересованных вельмож. Жалуясь Таврическому губернатору Жегулину о заселении посторонними для войска людьми местностей от Тамани до Ейской косы, атаман писал и о поселении донцов на этой косе. Поддержка губернатора была ощутимой. Вот как об этом поведал Чепега своему ближайшему помощнику войсковому судье Антону Головатому в письме от 28 января 1793 года:

"...Чернопротоцкий рыболовный завод со всем ему принадлежащим ради войсковых потребностей в заводчика донского казака Сильверстова за 8 тысяч рублей куплен и пять тысяч ему отдано, а 3 тысячи рублей денег оставил я до настоящего ращёту за откупную часть прошлого 1792 года в нашу сторону

принадлежащую, которых обращения в сию сторону я у Донского атамана прежде того потребовал и на то мне отвечал нерезонно спрещением, то от меня было представлено в подробности на рассмотрение господину Таврическому губернатору. От чего не только донские заводчики отменно стали до продажи своих заводов склоннейшие, но даже и сам их атаман посмирнее начал о том писать... Рыбы судака, таранушкию у Ейска (прямо пророчески, за 55 лет до основания города Атаман Чепега, не задумываясь, дает ему имя Н.Б.) казаки на харч тягают довольно.

Зима слава Богу, для лошадей не очень тяжелая подножного корму не покрывала..."

Гадать о количестве людей, проживающих в то время на Ейской косе и на Чебакле тоже не приходится. Полковник Войска Черноморского Мокий Гулик, завершив свою поездку для осмотра и описания Кубанских земель при рапорте Чепеге за № 189 от 15 июля 1792 года представил:

"ВЕДОМОСТЬ

сколько на определенной сему войску земле под Азовским морем в лиманах и Черном Протоке ныне имеется рыбных заводов, чьих именно, с показанием хозяев имен и прозвищ, и по сколько при всяком заводе Бурлак и по которой косе или лимане, с тем значится ниже

Учинена июля 1792 года

На Ейской косе: Поручика Фендрика — 1 невод

Есаула Черщова — 1 невод

малороссиянина Миусского — 1 невод

Казаков: Волошина — 2 невода

Самсонова — 2 невода

Пимонова — 1 невод

На Долгой косе армянина Мурзы — 1 невод

армянина Миласа — 2 невода

армянина Авела — 1 невод

На Долгой косе при 6 неводах (5 хозяев — 170 бурлаков)

На Камышеватой косе при 3-х неводах (трех хозяев — 140 бурлаков...)"

И так вплоть до Тамани картина хозяйничанья теперь уже посторонних для войска людей была незавидной.

Атаман, войсковое правительство с первого дня решительно взялись и в этом вопросе наводить порядок. На Тамань, в другую стоянку Войска направляется

"УКАЗ

из Войскового Черноморского Правительства

полковнику Савве Белому

№27

17 ноября 1792 года

...Сего же войска старшине прапорщику Шепелеву дать указ и велеть объехать все те места, где прописанных посторонних людей заводы есть хозяевам или их приказчикам объявить дабы они непременно к следующей 1793 года весне с войсковой земли с своим имением переселились, также и всем сего войска казакам, в числе коих и вам за известие о чем послать указ с тем чтобы в ведомства своего старшинам и казакам приказали к имеющим на сей земле заводы разного звания людям в товарищи отнюд не вступать под опасением строжайшего взыскания..."

Подводя итог, можно сказать, что к приходу казаков осенью 1792 года за валами Ханской крепости находился один человек, её страж и смотритель прапорщик Михайлов из Ейского Укрепления, а на Ейской косе у случайных рыбозаводчиков сезонно работало 400-500 "бурлак" без семей и без индивидуальных жилищ из числа беглых крепостных или пришедших на заработки разного звания людей. Все строения за валами крепости на Чебакле и на Ейской

косе детально описаны Фёдором Бурсаком в ведомости приёма.

Ейская украинская полковая паланка.

А теперь на время оставим казаков с их атаманом тягать таранушку с судаком на Ейской косе и откармливать лошадей для предстоящего весной похода и вернёмся к Карантинному редуту.

Просьба кошевого Чепеги о передаче редута была удовлетворена лишь к весне. Губернатор, генерал Жегулин, был в отъезде, вице-губернатор Карл Габлиц долго не решался удовлетворить прошение атамана. Только в марте пришло долгожданное разрешение занять редут. 19 марта 1793 года полковник, армии капитан Семен Письменный получил от кошевого атамана ордер за № 152, предписывающий ему принять Карантинный редут. Вскоре атаман получил рапорт Письменного:

"Высокородному и высокопочтенному войска верных казаков черноморских войсковому атаману кошевому армии господину бригадиру и кавалеру Захарию Алексеевичу Чепеге Полковника Письменного

РАПОРТ

Во исполнение данного мне сего течения с 19 числа под № 152-м ордера, велено в состоящий на войсковой черноморской Земле Карантинный редут с порученною мне командою вступить и открыть в онном полковую паланку, в котором и с завступлением сего числа в вышеозначенный редут принял всё по описи значушуся в своё ведомство благополучно, там же и открыл в нем*

* Паланка – укрепленное место поселения людей у запорожских казаков

*навсегда для общей войсковой пользы ЕЙСКУЮ УК-
РАИНСКУЮ ПОЛКОВУЮ ПАЛАНКУ*

*О чём вашему высокородию рапортую.
Полковник Письменный
23 марта 1793 года".*

Вот оно - название первого поселения Войска верных казаков- переселенцев на месте станицы Старошербиновской и точная дата его основания. Хранится в архиве указ Кошевого атамана об основании этого поселения и рапорт о его выполнении. К рапорту была приложена опись, которая даёт нам полное представление я том, каким был редут, переименованный казаками в "Ейскую украинскую полковую паланку". Вот она:

"Опись состоящему на войсковой черноморской земле Карантинному редуту, в нём строению и пушкам с принадлежностью.

*Учинена 19 марта 1793 года
ИМЕННО*

Подъёмные ворота на железных петлях кольцах и гвинтах на двух столбах и с наружной стороны рогатка. Калитка з дверью на деревянных петлях и при онной чрез канаву одна доска.

Хоромное строение.

Под одну крышею восемь покоев. В первой половине в первом покои одно окно без стекол... Во второй половине Афицерская спальня, другая прихожая и кухня... Также во всех покоях полы и потолки дощатые и печи с надлежащим к ним прибором, кроме кухни в ней полу не состоит...

Артиллерийская казарма з двумя окошками...

Под одною крышей две караулки с окнами...

Пушек чугунных четыре. Шести фунтовых - 2

Пяти фунтовых - 1

Три фунтовых - 1

*Зарядов насыпанных порохом в армячных мешках 6 фунтовых с ядром - 100
с картечью -200
...фитиля палительного мерою-90. Бочка пороховая-1.*

*Фёдор Черевко***

Рапорт полковника Письменного датирован 23 марта, но приказ атамана он выполнил не теряя даже одного дня. Опись о приёме Карантинного редута со всем перечисленным в нем имуществом была подписана им 19 марта 1793 года и с этого времени редут получил название "Ейской украинской полковой паланки". Название это долго не продержалось, но оно стало первым названием того поселения, которое мы сейчас именуем станицей Старо-Щербиновской. Ещё не был издан "Порядок общей пользы"', а Войсковое правительство уже рассматривало учреждённую "Ейскую паланку" как один из центров административного управления пока нечетко определенной части войсковой земли. Есть много документов подтверждающих это. Вот один из них:

"ОРДЕР

Кошевого Чепеги полковнику Письменному

13 сентября 1793 года № 954

Находящихся при реке Ее, на Ейской косе и по всему вашему ведомству сего Войска войсковых жителей ещё не имеющих у себя построенных домов всех поселить против кута Ейского и повыше онного по

* Федор Черевко – полковой хорунжий армии прапорщик помощник полковника Ейской украинской полковой паланки Семена Письменного.

** «Порядок общей пользы» - свод административных правил, основной закон Черноморского казачьего войска издан в январе 1794 года.

течению реки Ея с левой стороны и ежели в одно селение не вмещатимуся, то поселять другое и третье вниз и к самой Ей и каковы в сём успехи происходит будет ко мне сейчас рапортовать ".

Окружной город Ейский.

Как вы заметили, именно сейчас (1793-1795 год) начинает чаще звучать..."Ейская", "Ейский" в различных документах. В наше время сознание сразу привязывает всё, что так звучит в первую очередь к городу Ейску или Ейскому району. Этим грешат и некоторые современные публикации по истории города, в то время как это название имело более широкий смысл, а именно сюда входило всё, что было связано с бассейном реки Ея. Именно к этому бассейну относятся понятия: "Ейский округ" и "Окружной город Ейский".

В краевом архиве есть "Журнал учиненный в войсковом Черноморском Правительстве", где под датой 26 сентября 1794 года есть запись: "Для лучшего управления Земской полиции и разных Государственных войсковых дел войсковая земля разделена на 5 округов. Именно 1-я Екатеринодарская ... 2-я Фанагорийская... 3-я Бейсугская... 4-я Ейская между рек Челбас и Ей от Азовского моря вверх по Ей до усть Куго-Ейки, а от онной поворот вправо через степ до Челбасской плотины, что на большой почтовой дороге. 5-я Григорьевская..."

Вот какие земли были отведены "Ейской округе". Несмотря на решение о создании пяти окружных городов с правлениями к концу 1794 года их в войске было всего два. Обеспокоенный низким уровнем управления ходом заселения, жизнью и бытом переселенцев, Антон Головатый(Атаман Чепега был в

польском походе) в сентябре подаёт записку в войсковое правительствa, которая была рассмотрена также на заседании 26 сентября. В записке Головатый в частности писал: "...предположено быть на ней пяти окружных правлениям: Екатеринодарскому, Фанаторийскому, Бейсугскому, Ейскому и Григорьевскому. С коих уже Фанаторийское и Ейское открыты и в них Фанаторийского Полковником господин секунд-майор Иван Ездбаш, ассаулом прапорщиком Григорий Лозинский писарем Григорий Лысенко. В Ейском Полковником господином секунд-майором Евтихий Чепега, ассаулом парутчик Николай Матаржевский, писарем Ян Демидович..." Так бывший Карантинный редут, объявленный Ейской украинской полковой паланкой носил это имя недолго и вскоре стал именоваться Окружным городом Ейским, но также не на долго.

А где же полковник паланки Семен Письменный?

На этом посту он не проявил качеств разумного и рачительного начальника. Лихой казак, бесстрашный в бою и неутомимый в походах, он не обладал нужными в мирной жизни организаторскими способностями.

В конце августа 1793 года сильный нагонный ветер поднял уровень воды в лимане и реке и снёс оба моста через Ею, прервав почтово-транспортную артерию Кубанского края. Глава Ейской паланки полковник Письменный направил кошевому атаману:

"РАПОРТ

Честь имею Вашему высокоородию сим донести, что находящиеся в пребывании ведения моего по реке Ее и другим урочищам войсковые жители переселились все на Кубану, а на подчинку Ейского и Пашковского мостов нет теперь, онные низовая погода снесла без остатка. Так что овсе переехать не можно... тако в Ей снесённых погодой мостов на рассмотрение вашему высокоородию доношу

*Полковник армии капитан Семен Письменный
4 сентября 1793 г".*

Ещё жаловался Письменный и на то, что нет лесу и некем ставить почтовые станции до реки Челбас. Одним словом, дела у него не подвигались.

А между тем его подчинённые, не чувствуя твёрдой руки, творили дела, не способствующие развитию торговли и обустройству заселяемых земель. Кошевой атаман в ордере на имя Семена Письменного № 1736 от 9 декабря 1793 года с возмущением писал: *"Известился я, что определённый Вами на Долгой косе за начальника старшина армии поручик Иван Радич приезжающим туда разного звания промышленникам и чумакам прошедшее лето и осень делал великие обиды, яко то оборваньем на главах власов, боем и работою и взысканием с чумаков за что-то порублю по два и по три денег..."*

Знал об этих безобразиях и "обидах великих" боевой полковник и не раз направлялся на Долгую косу с намерением осадить сечевой пыл буянов, но так была крепка чарка за обедом у Радича и так обилен стол, что, возвращаясь на другой день в свой Ейский Град, долго тряс Семен отяжелевшей головой, не вразумляясь до конца, чем же провинился весёлый казак Иван Радич. Но кошевому надо было докладывать о принятых мерах, а Письменный знал, что атаман не жалует дебоширов. Чепега и Головатый внимательно следили за тем, чтобы не проявлялись отрицательные черты запорожской вольницы, чтобы не процветали конфликты на почве пьянства и пьяного дебоша. Надо было закрепить авторитет войска сделать его законопослушным и управляемым. Надо было вписаться в рамки цивилизованной государственности. Это было одним из обязательных условий поставленных Императрицей при подписании акта дарения Войску Черноморскому Кубанских земель. Нельзя было допустить возвращения

худших традиций Сечи.

27 марта 1793 года с Ейской косы Чепега писал Головатому: *"...Оттоль же я приехал к своей команде сего марта первых чисел и намеривая на сих днях брать хочай из нуждога (потому что по сию пору везде по речкам, протокам лёд стоит ни крепок) в Тамань для обозрения всех тамо находящихся наших команд и преподания порядочного наставления..."*

Памятуя о непримиримости Чепеги к бесчинствам, Письменный объехал свои, не такие уж безлюдные, поселения и настрашав старшин в них строгим указом атамана, рапортовал 14 января 1794 года в Екатеринодар: *"По силе предписания вашего высокородия устроенные мною из офицеров в подведомых сей паланке селениях начальники уничтожены, а учреждены на место онных атаманы из простых и честных казаков. Находящемуся же на Долгой косе жительство поручику Ивану Радичу переселиться на Кубань от меня повеление дано."*

Интересна эта записка и тем, что в ней, пожалуй, в последний раз упоминалось название Ейской паланки.

Ейский град или курень Щербиновский?

Начавшийся хаос в заселении мест и отсутствие четкого плана войскового правительства на расселение прибывающих групп переселенцев заставили срочно собрать на Совет казаков, атаманов, полковых и войсковых старшин. Широкий казачий Круг состоялся 15 февраля 1794, а 18 февраля всем куренным атаманам был отправлен:

*"Циркулярный приказ кошового Чепеги
18 февраля 1794 года.*

Войсковые и полковые старшины, куренные

атаманы и войско сего 15 числа во исполнение высочайшей Ея Императорского Величества воли, к имеющимся в войске тридцати восьми куреням, дабы было всех сорок прибавили еще два куреня Екатериновский и Березанский и ...приговорили: по границе начав от Ейского Града вверх по реке Ей и оттоль до Усть-Лабинской крепости вниз по реке Кубани до Черного моря поселить куренных селений сорок о чём дав знать приказываю тебе (т.е. куренному атаману), как уже весеннее время поспеваает, то дабы куренные к жительству свои строения и хлебопашества заводили в тех самых местах, где какому куреню по жребиях под селение досталось. Селениям объявить, чтобы они для осмотра показанных мест на первой седмице следующего Великого Поста в понедельник со мной ехать сготовившись прибыли ко мне..."

Вот он наш долгожданный "Ейский Град", окружной город Ейский, смущающий иногда изучающих историю портового города Ейска, основанного в 1848 году.

Увы, никакое, даже самое сильное желание ейчан выглядеть старше, древнее нам не поможет. "Ейский Град" и "Окружной город Ейский" полностью принадлежат истории станицы Старощербиновской и никакого отношения к городу Ейску, в смысле преемственности не имеют.

Как видно из циркулярного приказа, предки щербиновцев как и других станиц не сами выбирали место поселения. 15 февраля 1794 года атаман Щербиновского куреня в числе 40 куренных атаманов войска на Большом войсковом Круге подошел к мохнатой казацкой папахе, лежавшей на специальном столе, запустил в неё руку и вытащил жребий, в котором значилось первое место из восьми куреней спланированных на реке Ее по северо-восточной границе Черномории. Место это уже почти год было обжито черноморцами. Здесь располагался центр Ейской

округи окружной город Ейский или как его именовал циркулярный приказ кошевого атамана Ейский Град.

Особое положение Ейского окружного правления, через которое непрерывным потоком шли отряды и мелкие группы переселенцев, и слабая распорядительность полковника Семена Письменного привели к смене окружного руководства.

В июне 1794 года Чепега получил приказ выступить с двумя полками в Польшу в распоряжение А.В. Суворова. 14 июня 1794 года Захарий Алексеевич во главе двух пятисотенных полков выступил в поход из Екатеринодара. На вторую ночёвку отряд остановился к вечеру 15 июня на землях Ейского окружного правления у куреня Щербиновского. Чепегу с отрядом провожал его соратник и боевой товарищ Антон Головатый. Два дня стремя в стремя шли они по кубанской степи. Неторопливый разговорился у двух главных проблем: охрана границ и обустройство переселенцев. Чепега понимал, что в непростое время он отрывается от войска и хотел хотя бы советом помочь Головатому.

Письменного Чепега в окружном правлении не нашел, он был в отъезде. Поручив Головатому разобраться с беспорядками в Ейском окружном правлении и принять самые, строгие меры, Чепега с полками выступил в поход. Вот здесь и прозвучали четыре пушки бывшего Карантинного редута, салютуя Атаману Войска и казачьим полкам уходящим в дальний поход. Антон Головатый, проводив атамана за Ейское Укрепление, побывал на Ейской, Долгой и Камышеватой косах, разобрался с полковником Письменным и с его помощниками и 20 июня вернулся в Екатеринодар. Войсковой Судья нашел главу Ейской округи Семёна Письменного на семейной стройке в семи верстах от бывшего Карантинного редута на высоком берегу, там где река Ея сливала свои воды в Ейский лиман у «Ей Сослив», как говаривали в ту пору.

Судьба руководителя Ейской округи оставившего свой пост была решена.

В июле 1794 года полковник Письменный получил ордер за подписью Антона Головатого, предписывающий ему передать дела бунчуковому товарищу армии секунд-майору Чепеге. В архиве есть и рапорт Чепеги о принятии дел. Таким образом, в августе 1794 к руководству Ейской округой пришли более энергичные старшины Евтихий Чепега, Николай Матаржевский и Я. Демидович.

Судя по переписке Ейское окружное правление начало активную работу. Если официально центр округи именовали "Окружной город Ейский", то иногда можно было встретить "Ейский Град" и даже краткое "Ейск". Интересен в этом отношении следующий документ:

Об учреждении Куренными атаманами Почтовых станций от Екатеринодара до Ей и Тамани.

Коша верного войска Черноморского в войсковое Правительство Войскового Судьи армии полковника и кавалера А. Головатого.

Сего июля 3-го дня /1794 года/ атаманам предписано учредить от г. Екатеринодара до Ейского окружного правления десять, да до Тамани 10, всего 20 почтовых станций по 12 лошадей и по 6 повозок с погонщиками...Дать в подчинённые станицы свои предписания.

Названия станций.

1. В Ейеж (так в документе зачеркнуты две последние буквы Н.Б.)

2. На Есенях

3. В Албашах

4. В Челбасах

..., 5. Напрощальная

6. На Бейсуге у Пришиба

7. На Киртилях

8. На попасных балках

9. На Большой могиле.

10. На Ерике Понуре на Вершине

С каких куреней наряжаются:

Щербиновский - 12 лошадей, Кущёвским - 4 лошади,

Дервяновский - 5 лошадей, Канеливским - 5

лошадей

Шкуринским - 8 лошадей, _____ и т.д."

Этот Документ положил начало организации регулярной почтовой связи на Кубани. Он имеет две интересных особенности. Во-первых, в нём дважды исполнитель пытался узаконить наименование "Ейск" для центра Ейской округи, но чьей-то рукой (может быть самого Головатого) последние буквы слова зачёркнуты, как бы указывая на допущенную вольность в употреблении наименований. Во-вторых, как вы заметили, щербиновцы несли на оконечной станции самую большую повинность, выставляя 12 лошадей. А это уже говорит о большом росте населения куреня. Наряды выставлялись, как правило, пропорционально населению. За этим следило правление округи и его глава Евтихий Чепега. Через его руки нескончаемым потоком шли переселенцы большими и малыми группами. Выбор был большой и желающих после долгого в тяжёлого пути обосноваться здесь на Её было много. Поэтому вскоре наш окружной город оказывается уже в положении при курене Щербиновском. Посудите сами. В официальном "Журнале войскового Черноморского Правительства" 8 сентября 1795 года была сделана запись:

"На речки Ей у Черного броду где и местечко Ейское из селения Щербиновского выстроен церковный мост на коем взывается на церковь с приезжающих партикулярных людей..." Так из Ейского Града, через местечко Ейское пойдет затухание этого названия,

оставив только Ейское окружное правление, размещенное в курене Щербиновском.

12 октября 1795 года Таврический губернский землемер Василий Колчигин в письме Антону Головатому просит дать сведения о заселении мест на землях Черноморского казачьего войска для составления карты. В этом же месяце, незамедлительно войсковое правительство шлёт Колчигину перечень поселений и начинается он с поселения Щербиновского*:

"1. Щербиновское. Тут Ейское окружное правление состоит на реке Ей у Чёрного броду гать через реку его и мост сделан,

2. _____

10. Калниболоцкое. Тут Григорьевское окружное правление состоит.

18. Батуриное. Тут Бейсугское окружное правление состоит...

23. Васюринское. Тут Екатеринодарское окружное правление состоит...

Обратите внимание на то, что начало отсчета любых сведений и мероприятий Черноморское казачье Правительство начинало отсюда, из «Ейского кута», то есть из внутреннего угла, образованного рекой Еёй при впадении ее в лиман. Ейский кут — это довольно обширный участок местности. Здесь был расположен мост через Ею при котором несколько позже был сооружен «Карантинный редут» как пост для выдерживания обозов и торговых людей во избежание опасных заболеваний переносимых, как правило, торговым путем и при перемещении воинских подразделений. Для высидевших карантинный срок

* Здесь приведены только поселения в которых размещались правления округов. Нумерация поселений дана по подлиннику перечня.

путь далее был открыт. На базе Карантинного редута была объявлена Ейская паланка, а затем здесь обосновалось Ейское окружное правление и курень Щербиновский. Это было начало земли Черноморского казачьего войска. Поэтому и перечень начинался с этого поселения.

Фактически перечисленные поселения выполняли роль окружных городов, которые Войсковое Правительство планировало создать на своей земле. Увы, среди представленных поселений Ейского Града уже нет. Привычнее, надёжнее оказался курень, а впоследствии - станица Щербиновская. В этом документе мы находим ещё одно неоспоримое доказательство того что Карантинный редут в котором с марта 1793 года размещалось Ейское окружное правление, находился на территории нынешней станицы Старощербиновской. А что же находилось на высоком берегу Ей при самом её впадении в Ейский лиман? Что смущает некоторых исследователей и заставляет их искать здесь остатки какого-то укрепления? До некоторой степени свет на это проливает личное письмо полковника Семена Письменного кошевому Чепеге писанное им в апреле 1793 года: *"Милостивый пане Захарий Алексеевич!*

Прошу покорне меня уведомить по плану Ей сослив будет ли он у наших пределах или нет. Я намереваюсь там место занять, а именно на Усть-Ей саслив. Чтобы мог я знать."

Атаман успокоил и одобрил его решение и уже в конце апреля сюда прибыла жена Письменного с Тамани, а вместе с ней еще несколько семейств знакомых казаков соседей по прежней жизни за Бугом. Если Письменный с друзьями осуществил своё намерение и обосновался, хотя бы хутором у "Ей Сослив", то это было нечто подобное паланке, то есть укрепленному поселению. За счёт приезжих и проезжих Письменный обнёс это место валом и рвом и

начал строить жилище используя материалы из порохового погреба Карантинного редута. Именно этот погреб не смог найти Головатый в Ейском Окружном Иравлении (бывшем Карантинном редуте). А когда нашел его следы у Ей – Сослив на стройке у Письменного, то вернул всё на место. Когда каждому селению Войсковое правительство определило юртовые наделы земли, Писменный, как член Иркиевского куреня на землях щербиновцев получить надел не мог. Он оставил облюбванное место с возведёнными валами которых никто за ненадобностью не трогал и они остались почти до наших дней. Валы же Карантинного редута оказавшиеся почти в центре станицы были скрыты.

В 1802 году при первой административной реорганизации войска вместо пяти округов было образованно 4: Екатеринодарский, Бейсугский, Ейский и Таманский. Для управления округом были созданы "Сыскные начальства".

Если заглянуть дальше, в 1842 год, то увидим ещё один этап преобразований. Согласно новому "Положению о Черноморском казачьем войске" вся Кубанская область, принадлежащая войску, была поделена на три округа: Екатеринодарский - с центром в Екатеринодаре, Таманский - с центром в станице Полтавской и Ейский - с центром в станице Уманской.

С этого года, как вы заметили, курени стали называться станицами, а станица Щербиновская потеряла значение окружного центра.

Проследив за этими переносами центров окружных правлений, можно сказать, что решение Войскового правительства о постройке окружных городов: Бейсу, Ейского и Григорьевского не было претворено в жизнь. Округа Бейсугский и Григорь-

евский были ликвидированы, а центрами оставшихся трёх стали уже существующие поселения, приведённые выше.

Каковы же основные итоги этого небольшого экскурса в прошлое? Во-первых установлена точная дата основания одного из первых на Кубанской земле поселений потомков запорожцев. 23 марта 1793 года казачий полковник армии капитан Семен Письменный рапортом на имя кошевого атамана Чепеги - возвестил, что он "...открыл здесь навсегда Ейскую украинскую полковую паланку". Это уже не военное сооружение "Карантинный редут", а укрепленное место поселения людей. Таких поселений у запорожцев было немало. Этот рапорт - официальный документ, свидетельство об основании Щербиновского куреня, а нынешней станицы Старощербиновской - её исток, её начало.

Осенью 1992 года станица Старощербиновская широко отметила 200-летие со дня основания. Но перед этим мне пришлось дважды выступать перед казачеством и активом станицы и документально обосновать вышеприведенные доказательства. Но главное, что помогло убедить людей это печатное слово. Районная газета "Знамя Ленина" в январе и феврале 1991 года поместила серию статей под заголовком: "У истоков станицы Старощербиновской", которые своей документальностью убедили общественность и руководство станицы. Так состоялся юбилей в Старощербиновской.

Практически с первых дней своего существования, Ейская украинская паланка становится центром Ейской округи. А после издания в январе 1794 года "Порядка общей пользы" паланка официально получила статус "Окружного города Ейского". Через него проходила главная почтовая дорога на Екатеринодар. Ещё много лет гать по Чёрному Броду и деревянный мост через Ею

у Ейского Града будет главной дорогой и для многих тысяч переселенцев наших, теперь уже далёких, предков, шедших на Кубань в поисках свободы и лучшей доли. Именно это обстоятельство играло главную роль в относительно быстром росте этого поселения.

На первой седмице Великого поста в 1794 году атаман Чепега с большой группой казаков всех сорока куреней с куренными атаманами прибыл к Ейскому Граду и объявил о поселении здесь Щербиновского куреня.

После краткого напутствия атамана щербиновцы приступили к разбивке и обустройству куреня, а отряд Чепеги двинулся дальше. Путь ему предстоял немалый, впереди лежало место очередного Минского куреня. А далее Конеловский, Шкуренский, Кущёвский, Крыловский, Незамаевский - ожерельем рассыпались восемь куреней очерчивая северную, границу войска Черноморского.

Но если следующие за Щербиновским курени располагались в необжитых местах, то здесь уже былолюдно. В феврале-марте 1794 года сюда привезли свои семьи казаки Щербиновского куреня: Василь Водопьян, Панас Московец, Петро Осипович, Фёдор Щербина, Савка Белой, Иван Чуб, Степан Мамай, Тимеш Кулишенко, Кондрат Дендеря, Семён Черевко, Петро Светлый, Максим Кривой и многие другие.

Люди торопились, подходила посевная пора, а залежавшаяся земля ждала своих хозяев. Переселенцы шли и шли непрерывным потоком, направляясь, как правило туда, где обосновались их курени. Но немало было желающих остаться здесь у Щербиновки в этом прекрасном уголке земли Кубанской. Принимали здесь и беглых крепостных, принимали тайно, с сочувствием. Немало казаков и не только рядовых, на своей "шкуре" испытали жесткие пути крепостничества. Беглым

крепостным графини Разумовской был даже войсковой атаман Черноморского казачьего войска с 1816 по 1827 год полковник Григорий Кондратьевич Матвеев. Талантливый военачальник, он прошел хорошую боевую школу от рядового, казака до атамана. Беззаветная служба Отчизне на полях многих сражений, в той числе и в компании 1812 года, привели его к вершине казацкой славы, к булаве атамана войска. Но даже это обстоятельство не смягчило жестокою крепостницу графиню Разумовскую, у которой в крепостных осталась мать Григория Кондратьевича. Ни просьбы, ни крупный выкуп за мать, предложенный графине не помогли, и мать атамана умерла крепостной.

Во вторых, мы с вами, уважаемый читатель, убедились, что Ейский Град или Окружной город Ейский - это неотъемлемая часть истории станицы Старощербиновской. В истории Портового города Ейска таких названий нет.

Некоторое недоумение у любителей местной истории может вызвать ещё один документ: карта составленная капитаном Манганари. На этой карте Ейское Укрепление обозначено как "Старый Ейск", а курень Щербиновский как "Ейск". Давайте поищем объяснение этому в статье учёного географа Мурзакевича посвященной выходу в свет "Атласа Чёрного моря". Он пишет:

"В Записках Императорского Одесского общества истории и древностей" даётся очень высокая оценка "Атласу Чёрного моря". Творец Атласа капитан 1 ранга Манганари проводил описи с 1825 по 1837 год. Затем это было издано при Черноморском депо в Николаеве в 1841 году. Управление Черноморским флотом Адмиралом Михаилом Петровичем Лазаревым оценивается как замечательная эпоха в истории этого флота.

Одно только можно заметить в Атласе, это в

некоторых местах простонародная номенклатура. Например "Мыс Никитин" вместо "мыс Никита", Ялты вместо Ялта, Гагры вместо Гагра" ...Её автор имел ввиду писать так, как слышал от жителей тех мест. Но жители и особенно негородские как часто бывает, переименовывают названия урочищ, то названий простонародных и не следовало бы держаться. Если простонародье переименовывает названия, то науке принадлежит обязанность отстаивать и водворять истину."

По сути это чёткий ответ на вопрос о происхождении названий "Ейск" и "Старый Ейск" на карте Манганари. Именно в годы работы капитана Манганари над "Атласом Черного моря" (1825-1857) курень Щербиновский был центром Ейской округи и, как было установлено выше, величался и "Ейским Градом" и "Окружным городом Ейским" и даже кратко Ейском. Однако в официальных документах названия Ейск не было как не было и названия Старый Ейск.

И селение на противоположном берегу не отставало в простонародной правке своего довольно длинного полного названия "Ейское Укрепление", официально принятого и зафиксированного на картах и в документах. Конечно же оно уже не было военным укреплением. Даже многие учреждения по разному упрощали это название. В архивах много документов переписки с администрацией Ейского Укрепления, где в адресе указывалось: "б. кр. Ейск" то есть "бывшая крепость Ейск". Столкнувшись с фактом, что два населённых пункта люди именуют одинаково Манганари недолго сомневался и присвоил Ейскому Укреплению название "Старый Ейск" так как этот населённый пункт был основан гораздо раньше, а за Щербиновским куренём закрепил название "Ейск". Таких названий нет ни в документах Правительства Черноморского казачьего войска, ни на картах

ответственных профессионалов-картографов. Именно за такие ошибки и вольности был подвергнут критике автор "Атласа Чёрного моря" капитан 1 ранга Манганари.

Портовый город Ейск ещё не был востребован жизнью и на его месте в эти годы стояли валы несостоявшейся резиденции для хана Шагин-Гирея возведённые по приказу генерал-фельдмаршала Румянцева. Площадь огражденная валами находилась в пределах современных улиц Ростовской, Московской и Бердянской. Она была совершенно пуста, после того как казаки разобрали деревянный ханский дворец и построили из этого материала первую церковь в Щербиновском курене. От моря вдоль нынешней улицы Бердянской робко жались к откосу несколько казачьих хуторов от Щербиновского куреня в числе владельцев которых были и предки казаков Кольбиковых, Кривцевых, Литевских. Эту площадь пересекал почти пополам широкий и глубокий овраг, поросший густым терновником. В пору больших ливней дождевые потоки с шумом неслись по дну оврага там, где сейчас расположен рынок, поликлиника, сквер Калинина (а с 2005 года сквер Святителя Николая) и далее вниз по Воронцовскому проспекту к лиману. Ветер гонял по будущим улицам города большие шары перекаטיפоля, сбивая их в большие стаи, то в юго-западной, то в севере восточной части обвалованного загона. Портовый город ждал своего часа.

Судьба ханского дворца.

Хуже обстояли дела у черноморцев с обустройством церквей. На обширной территории войска действовала только одна походная церковь, прибывшая на Кубань с отрядом Чепеги. Длительный вынужденный перерыв у населения в отправлении церковных обрядов и приобщении к великим таинствам православия ничего,

кроме падения нравственности, не обещал. Поэтому войсковое правительство добивалось открытия хотя бы временных походных церквей. В журнале войскового Черноморского правительства есть запись от 6-го июля 1794 года:

"Преосвященного Иова Епископа Феодосийского и Мариупольского письменно прошено до устройства в куренных селениях церквей учредить походные: 1-ю в Копыле... 2-ю на Усть Бейсуге... 3-ю Ейской "Преображения Господня"... 4-ю в Челбасах... последовала от его Преосвященства резолюция такова:

"Две походные церкви в Копыле и на устье реки Ей поставить дозволить."

Сбор средств на постройку церквей шел по всем направлениям. Выше было приведено сообщение о том, что "...на речке Ей у Чёрного Броду, где и местечко Ейское из селения Щербиновского был выстроен церковный мост на коем взыскивалось на церковь с проезжающих партикулярных людей".

А пока церковную службу в курене Щербиновском правил в походной церкви "Преображения Господня" назначенный сюда священник Филипп Стоянов.

Войсковое правительство настойчиво просило Таврического губернатора Жегулина разрешить использовать ханский дворец без дела гниющий на Чебакле. Оставшийся за атамана Антон Головатый направляет ему рапорт:

"На поднесённом в Симферополе Вашему Превосходительству мною лично Доклад-отношении ради употребления на построение войсковой церкви состоящих на Ейской косе Ханских домов изволили резолировать:

1. Надобно знать совершенно где назначено к сооружению воинской церкви и в каком расстоянии от домов сих.

2. Не нужны ли Дома сии на казённое употребление

и когда видимых препятствий сему не найдётся то нужное разрешение дано будет..." (далее Головатый сообщал, что от Екатеринодара это место удалено значительно и поэтому правительство решило использовать эти "Домы" для постройки церкви в Щербиновском курене).

Ноябрь 26 дня 1794 года. Екатеринодар".

Вскоре из Семфиополя пришел ответ: "Милостивый государь мой Антон Андреевич, - писал Жегулин, - Таврическая казённая палата вследствие моего требования по представлению Вашего Высокоблагородия от 26 ноября 1794 года последовавшего, об исключении из казённого ведомства на сооружение в Ейской округе церкви, Ханского дворца при Ейской косе в ретрашементе Шагингиреевским именуемом от 12 генваря сего сообщает мне, что как онной Ханский дворец за вет хостью никакого казне дохода с самого его вступления в ведомство онной палаты не приносит и ныне состоит в пусте потому и представляет моему онный распоряжению, а я согласно тому помянутый дворец Ханский отдать в ведомство ваше позволяю онный разобрать и на предполагаемое сооружение церкви употребить. Дабы в том воспрепятствовано не было препровождаю здесь повеление моё Ейскому коменданту господину секунд-майору Война.

**Имею честь быть с истинным почитанием. № 60
генваря 16 дня 1795 года. Симферополь."**

Если в 1792 году Ханский дворец казаки приняли по описи под охрану, то теперь они получили право распоряжаться им по своему усмотрению. Здесь ещё одна ошибка в письме. При Ейской косе, как мы точно знаем, Шагингиреевского ретрашемента не было. Дворец привезли оттуда, а ретрашемент остался у Ейского Укрепления. Явная ошибка чиновника палаты

может стать «открытием» для неопытного исследователя. Это называется мусором истории и от него надо постоянно и решительно избавляться.

19 февраля 1795 года в Журнале войскового правительства была сделана такая запись:

"...Приказали Ейскому окружному Правлению для вышеназванной надобности принять в своё владение и сохранить в целости вплоть до построения церкви Ханский дворец на Ейской косе..."

Антон Головатый обо всех значительных событиях в войске извещал кошевого Чепегу, находившегося в походе, писал он и об этом:

"...На основании полученного от господина Таврического губернатора и кавалера Семена Семеновича Жегулина повеления позволяющего разобрать Ханские Дома на Ейской косе состоящие, на состроение при Ейском окружном правлении церкву войсковому черноморскому правительству от меня сообщено с тем чтобы оное о перевозке онного и построении церкви во имя "Преображения Господнего" взяло свои меры..."

В 1795 году Ханский дворец на Ейской косе был разобран и перевезён в Щербиновку. В том же году на возвышении левого берега реки Ей недалеко от церковного моста при окружном правлении был выстроен первый храм Щербиновского куреня - церковь во имя "Преображения Господня". Несмотря на ветхий строительный материал эта церковь исправно служила до 1873 года. В 1863 году после очередного ремонта заключение о её пригодности дал Ейский городской архитектор Коллежский Ассесор Хлебников.

Отряд Чепеги уходит на Кубань.

Вернёмся в зимний лагерь отряда атамана Чепеги на Ейской косе. Известно, что кошевой повёл свой отряд дальше к Кубани для занятия указанной ему кордонной

линии лишь 10 мая. О причине столь позднего выхода отряда в поход лучше скажут сами участники событий. В марте Чепега писал Головатому:

"27 марта 1793 года Ейская коса
Причём уведомляю вас, что минувшего февраля средних чисел был я по письму в Симферополе у Таврического губернатора С.С.Жегулина, который принимал меня ласково и показывался якобы человеком добрым, а впрочем Бог знает и на доклады мои за пограничные кордоны и поселения приказал словесно, не начиная ничего, стоять на нынешнем месте до прибытия его из Петербурга... а оттоль за прибытием обещался в мае месяце приехать к нам на землю для учреждения обо всём порядка. Также в Феодосии у Графа Суворова я был, который также ласковости свои ко мне сказывал. Оттоль же приехал я к своей команде сего марта первых чисел и намеривая на сих днях брать хочай из нуждого (потому что по сию пору везде по речкам, протокам лёд стоит ни крепок) в Тамань для обозрения всех тамо находящихся наших команд и преподания порядочного наставления.

В прочем же тут слава Богу во всём состоит благополучно, а только зима продолжилась".

Вполне очевидно, что выступление Чепеги на Кубань сдерживало указание Жегулина ждать его прибытия из Петербурга. После инспекционной поездки на Тамань и "преподания порядочного наставления" частям отряда Саввы Белого атаман вернулся на Ейскую косу. Специальным ордером он поручил войсковой обоз (войсковые тяжести) полковому хорунжему армии прапорщику Леонтию Зиме. Дал ему для охраны обоза команду в 200 казаков и оставил на Ейской косе ждать особых распоряжений.

10 мая конный отряд Чепеги, отдохнувший и выгулявший лошадей на весенних зеленях, пошел

вперёд к южным рубежам своих земель на пограничную реку Кубань. Прибыв к Усть-Лабинскому редуту, Чепега рапортом доложил в Ставрополь генерал-аншефу Гудовичу:

"19 мая 1793 года

Вашему Превосходительству честь имею доложить, что я по исполнению воли Ея Императорского Величества для учреждения от Усть-Лабинского редута по реке Кубани пограничной стражи с конною командою прибыл Всея команды налицо состоит старшин и казаков тысяча одиннадцать человек. Чепега".

Здесь же атаман получил и первое донесение с Ейской косы:

"Рапорт

По ордеру врученному мне от Вашего высочородия сего мая 10 числа под № 358 на которой сим донести честь имею, что вверенные мне войсковые тяжелости, казённый порохи и двухсотная команда состоит слава Богу благополучно, вновь прибывших на службу казаков не имеетя о чём рапортую. Мая 21 дня 1793 года

Полковой хорунжий армии прапорщик Леонтий Зима".

Так ежемесячно докладывал он атаману; готовясь к переходу и ожидая на то распоряжения. В конце лета отряд хорунжего значительно поредел, о чем он исправно доложил:

"Рапорт полкового хорунжего Леонтия Зимы;

Кошовому Чепеги 9 августа 1793 года Чебакля

Вашему высочородию сим честь имею донести, что при войсковых тяжелостях, казённом порохе и команде с истекшего 26 июля по отпуск сего состоит всё благополучно, вновь уже на службу никого не прибыло. По требованию же господина полковника Письменного ордером из вверенной мне команды отправлено для снятия на карту войсковой земли 140 человек казаков с

достаточным провиантом остальное ж число находится на Ейской косе двадцать человек, из коего числа один казак куреня Мышастовского Иван Чиж сего месяца 8 числа помер, больных 3, здоровых 16 о чём вашему высокородию в покорности моей доношу."

Минуло лето и только 10 октября 1793 года Леонтий Зима получил распоряжение поднять обоз и выйти к тому месту, где было решено заложить столицу Черноморского казачьего войска - Екатеринодар.

В день выхода обоза Зима отправил рапорт:

"15 октября 1793 года Чебаклей

Рапорт

В сходство Вашего высокородия'мною сего течения 10 числа полученного ордера выехать назначено на подчиненных (отремонтированных-Н.Б.) подводах с Чебаклейского городка. Забрать всего и со всею командою выступить.

Зима"

Вновь опустела Ейская коса, приютившая на зиму отряд Чепеги. Прапорщик Зима с обозом и охранной командой стоял на Чебакле одиннадцать месяцев. 15 октября 1793 года по приказу войскового правительства он выступил и пошел на Юг, к Кубани, где у Карасунского Кута, повыше Казачьего ерика, родился главный войсковой град, столица Черноморского казачьего войска - Екатеринодар.

На пятьдесят с небольшим лет смолкло большое оживление на Чебакле и Ейской косе. Водоворот человеческих интересов переместил свой центр в другие регионы Кубанской земли до тех пор пока развитие экономики этого благодатного края не привело вновь людей на это место в поисках наиболее удобных путей торговли и процветания.

Часть II

Ейск — первые шаги

Предыстория основания порта и города.

Интересны и несколько необычны предыстория основания города, поиск места для порта и обоснование решения об учреждении "Портового города Ейска".

Не вдаваясь в подробности анализа причин, побудивших так остро ставить вопрос о создании порта на южном побережье Азовского моря, следует отметить существенные изменения в социальном и экономическом положении края заселенного черноморскими казаками.

Прежде всего — это бурный рост населения. Исходное количество переселенцев на Кубань из числа войска верных Черноморских казаков по ведомости, представленной правительством войска генерал-майору Попову в 1791 году ноября 30 дня составляло "17688 душ мужеска, 4414 душ женска пола и всего 22102 человека".

Эта цифра с потоком переселенцев росла, и годовой отчёт Наказного атамана Черноморского казачьего войска за 1846 год даёт уже такую картину: в войске на пожалованных Кубанских землях всего значилось 103 станицы, 1 посёлок, 289 хуторов, 140 зимовников с населением 185183 человека.

За 50 лет население войска увеличилось в 8 раз! Эта значительная производительная сила на плодородной кубанской земле давала большой объём товаров сельскохозяйственной продукции. Что и стало главной причиной побудившей основать новый порт.

Выход кубанской продукции на рынки Российской империи и на внешние рынки в то время был один - через Ростовскую-на-Дону пристань.

Значительно усложняло и удорожало стоимость перевозки товаров и то, что морские суда не подходили к Ростовской пристани, а грузились на Таганрогском рейде, куда товары доставлялись от Ростовской пристани на больших лодках.

Формальным толчком к практическим действиям по отысканию места для порта послужили два документа. Первый из них "О внешней торговле Кавказской области" затрагивал проблемы большого региона, куда входила и Ставропольская губерния, Ростовский уезд и земли войска Черноморского.

Вторым была записка неаполитанского вице-консула Якова де Росси известного таганрогского коммерсанта, которую он подал на имя Наместника Кавказского князя М.С. Воронцова "О пользе учреждения пристани на Азовском море у Очаковской косы для производства отонной заграничной отпускной торговли". Автор записки писал: "Кавказская область, по обширному плодородию своему и по увеличивающемуся в ней народонаселению с некоторого времени стала входить в число областей более прочих снабжающих отечественными произведениями торговлю нашу по отпускной части через Азовское море, за границу. Главные её продукты суть: пшеница, шерсть, льняное семя, коровье масло, говяжье сало и сурепные семена, и нет сомнения, что в ней возродятся ещё и другие отрасли при благонамеренном управлении..."

Де Росси описывал засилье ростовских спекулянтов, трудности перевозки товаров из Ростова на Таганрогский рейд на неблагонадёжных лодках и приводил свои рассуждения к выводу - предлагал открыть пристань "...насупротив Таганрога у Очаковской косы".

А подоплёка инициативы консула была такова. Стояла без дела и не приносила дохода Очаковская коса, собственность землевладельца Павла Сарандинаки, помещика, приятеля вице-консула неаполитанского Якова де Росси. Устройство порта здесь сулило хозяину косы большие прибыли.

Вот и старался его друг Яков де Росси витавшую в умах идею претворить в порт на Очаковской косе, считывая на некомпетентность властей и благодарность

приятеля.

Поиски места для порта начались.

Однако Наместник Кавказский князь Воронцов не имел склонности к авантюристическим и волевым решениям. Оба документа он направляет на рассмотрение Командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу Заводовскому* в Ставрополь.

Генерал, изучив их, 21 декабря 1846 года обращается к атаману Черноморского казачьего войска генералу Рашпилю** со своим письмом за № 2905 "Об учреждении пристани при Очаковской или Ейской косе".

Обратите внимание на то, что Заводовский предлагает уже рассматривать не только и не столько Очаковскую, но и Ейскую косу. Генерал хорошо знал нужды своего края, интересы казачества.

Ближе всех к изучаемому кругу вопросов в ту пору находились два авторитетных и влиятельных казачьих офицера: полковник Кухаренко Я.Г.*** окружной штаб-офицер Ейского военного округа и сыскной начальник этого же округа есаул Литевский. Им и адресовал генерал Рашпиль для рассмотрения и изложения своего мнения, вышеуказанные, документы. Своё мнение они представили Наказному атаману в рапорте от 17 января.

«Изучив выгоды в отношении удобства пристани

* Заводовский Николай Степанович – коренной казак. С 12 до 23 лет был рядовым. Первый офицерский чин получил в 23 года. С 11 ноября 1830 года по 26 ноября 1842 года – Наказной атаман Черноморского казачьего войска. С 1842 по 1853 год – Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории.

** Рашпиль Григорий Антонович – коренной казак. Наказной атаман Черноморского казачьего войска с 26 ноября 1842 года по 1 октября 1852 г.

*** Кухаренко Яков Герасимович – выходец из казачьей среды, прошедший все ступени ее служебной лестницы от рядового казака до Наказного атамана Черноморского казачьего войска /1852-1856 гг./ Автор книги «Исторические записки о войске Черноморском».

Ейской, - писали они, - которая будет полезна для Ростовского уезда и Северо-Западной Черномории без Кавказского края, а также выгоды пристани Ахтарской в рассуждении торговли большей части Черномории и Кавказского края без выгод Ростовского уезда, мы полагаем, чтобы доставить выгоды общице Ростовскому уезду, Черномории и Кавказскому краю - учредить две пристани Ейскую и Ахтарскую, ибо учреждение пристани Очаковской будет служить только пользою как мы выше сказали для некоторой части Ростовского уезда".

Понимая серьезность поставленной задачи, Наказной атаман готовился к документальному обоснованию своих предложений. 8 января 1847 года он даёт распоряжение прикомандированному к штабу Черноморского казачьего войска топографу Генерального штаба России капитану Фалькенгагену отправиться на Ейскую косу и при содействии сыскного начальника Ейского округа есаула Литевского составить описание и карту Ейской косы для "... удостоверения всех вопросов открытия пристани".

Литевскому он пишет: "Из предписания моего от 31 декабря № 6502 Вам известны цели Правительства, относительно учреждения у Ейской косы портовой пристани. По этому делу предписано вместе с сим Генерального штаба капитану Фалькенгагену снять план местности для пристани предполагаемой, с показанием на плане места для поселения на Ейской косе станицы, о которой Вы с полковником Кухаренком имеете особое поручение и чтобы карту с надлежащим описанием передать Вам".

Итак, на месте нашего города руководство войска мечтало основать портовую казачью станицу. 20 января капитан Фалькенгаген уже возвратился в Екатеринодар

с докладом о выполнении поручения. При рапорте он представил описание Ейской косы и прилегающей к ней местности. Это первое подробное описание местности, на которой вскоре будет основан город Ейск, выполненное профессионалом картографом.

Фалькенгаген писал: "Ейская коса с прибрежьем к ней прилегающим, показанным на плане, омываема водами Азовского моря и Ейского Лимана, находится на Севере Черномории на расстоянии от Екатеринодара 208, станицы Староцербиновской 30 и Новоцербиновской 35 вёрст... Прибрежные возвышения, прилегающие к Ейской косе, заняты так называемыми Ейскими хуторами, коих числом 21 (офицерских 6 и казачьих 15). Эти возвышения склоняются к Ейскому Лиману довольно круто, а к морю обрывисто. Удаление от болотных мест делает воздух здесь здоровым и чистым. Жары во время лета умеренные морскою прохладою, и жители почти незнакомы с лихорадками и гнилыми горячками, так сильно господствующими в Екатеринодарском и Таманском округах. Грунт земли чернозём глинистый. Колодцев при хуторах имеется 12, но они могут быть устроены на каждом низменном месте. Вода изобильна и хорошо добывается на глубине не более 3-х сажень и не уступает добротой Таманскому фонтану.

Значительно древнее земляные насыпи, расположенные на этих возвышениях, именуемых туземцами татарским городищем. Против этих насыпей низменная полоса земли, отделяясь от нагорного берега, вторгается на 8 вёрст узкою полосой в море и разъединяет воды Азовского моря и Ейского лимана Эта-то полоса и называется Ейскою косою и дает своё название рыбным заводам, которых считается на ней 7. Коса эта за рыбными заводами, постепенно суживаясь, она на 3-й версте делается шириною не более 100 сажень, на 6-и версте снова расширяется и в оконечности, разделяясь на ветви, загибом левой гряды образует бухту длиною 536 и

шириною 378 сажень... По свидетельству зимующих здесь моряков подобной бухты нет на всём Азовском море. Очевидным достоинством её удобства служит каждодневная зимовка в ней нескольких судов, в настоящее время стоят там в покое 11 судов и ихипера их удостоверяют, что суда, часто застигнутые бурей в Азовском море, спешат найти в ней безопасность... Для осуществления предлагаемых идей казалось бы, полезнее поселить станцию на месте древнего татарского городища, где местное удобство благоприятствует как в отношении домоводства, обработки земли в большом размере и рыбной ловли, так и в отношении самого климата. Поселившиеся там уже хутора должны послужить как бы основой населения будущей станции и будущего, быть может, цветущего торгового уголка.

Фалькенгаген".

Минуло полтора века. Что изменилось с тех пор? Прежде всего, это возникшая проблема водоснабжения. Возрастающие культурно-бытовые потребности населения и потребности производственно-технологические не обеспечивались скромными местными водоресурсами.

Исчезло уникальное явление природы - Ейская коса, неповторимая по своей конфигурации с удобной для азовских мореходов бухтой на оконечности. Здесь уместно привести одну интересную подробность составленной капитаном карты. Работал капитан в тесном контакте с есаулом Литевским Елисеем Ивановичем, вторым лицом в Ейской округе, казачьим старшиной весьма авторитетным в войске. Смелый в бою, общительный и весёлый в быту, хороший организатор и умелый руководитель, он с особым старанием и гостеприимством выполнил задание Наказного атамана Рашпиля по обеспечению работы Фалькенгагена. Пленённый обаятельностью природы казака офицер-картограф бухте на конце Ейской косы присвоил название "Бухта Литевского".

Кстати, не суждено было осуществиться и замыслу устроить портовые причалы в этой бухте. Несмотря на своё удобство, она очень далеко отстояла от города, но об этом будет сказано немного позже.

Тем временем генерал Рашпиль, не мешкая, посылает Фалькенгагена на Ахтарскую косу. Туда же с капитаном едет инспектор Командующего на Кавказской линии и в Черномории генерал-майор Зенченко. Поездка оказалась неудачной: "Выпавший снег покрыл всю местность глубиною в три четверти аршина, лишил нас возможности выполнить поручение", - докладывал Фалькенгаген рапортом от 16 февраля 1847 года.

Едва начал сходить снег, генерал Рашпиль вновь посылает на Ахтарскую косу капитана вместе с энергичным войсковым старшиной Посполитаки. Нужного заключения и эта поездка не принесла. Не было данных о возможности судоходства в этом районе, полученных либо опросом экипажей торговых судов, либо промером глубин.

Князь Воронцов приходит на помощь.

Наместник Кавказский князь Михаил Семенович Воронцов, понимая затруднения Черноморцев, помогал им в проведении квалифицированного исследования побережья, 1-го мая 1847 года он обратился с письмом к адмиралу Лазареву - Главному командиру Черноморского флота и портов:

"...Можно ли Вам будет поручить исправному и знающему офицеру осмотреть в течение сего лета в Азовском море, так называемую косу Ясенскую немного выше Ачуева и ниже косы Долгой. По нашим сведениям тут может быть хорошая и безопасная пристань и даже теперь говорят, что суда и лодки там любят зимовать...". Воронцов склонялся к мнению открыть порт на Ясенской косе и предлагал проверить этот вариант в первую очередь.

Флот на эту просьбу отреагировал довольно быстро. Генералу Рашпилю сообщали: "...Его Высокопревосходительство Михаил Петрович (Адмирал Лазарев), удовлетворяя желание князя, назначил для изъяснённой надобности Лоц Шхуну "Секстант" под командою корпуса флотских штурманов поручика Трифанова, снабдил его надлежащей инструкцией, который отправляется из Николаева по назначению".

Поиск ведёт экипаж лоц-шхуны "Секстант".

2-го июля 1847 года шхуна "Секстант" бросила якорь у Камышеватой косы, о чём её командир поручик Трифанов доложил в Екатеринодар Наказному атаману. Уже 9 июля 1847 года на стол атамана легли первые результаты экспедиции шхуны.

Трифанов писал:

"... Что же касается до Ясенской косы и лимана Бейс-лыкского(Бейсугского Н.Б.), то этот пункт по собранным мною сведениям и сделанному промеру через посланных туда 6 июля моих офицеров вместе с окружным начальником есаулом Литевским оказался вовсе неудобным для учреждения порта..."

Далее по делам службы Трифанов вынужден был уйти и Керчь. Вернувшись из Керчи, лоц-шхуна начала работу у Ейской косы 22 августа. Вскоре поручик Трифанов докладывал атаману:

"31 августа 1847 года №299

Рейд на Ейской косе

РАПОРТ

Прибыв с порученной мне лоцией и ботом 22 августа в 5 часов пополудни к Ейской косе и послав вперёд бот с промером, я ни другой день приступил к обследованию местности и к промеру глубин, каковое занятие продолжал ежедневно по 1-е сентября, удостоверился на опыте, что этот пункт, избранный Вашим Превосхо-

дательством, весьма удобен во всех отношениях к учреждению здесь порта с пристанью для нагрузки и выгрузки равно и для зимовки коммерческих судов числом до 50-ти в бассейне, образуемом двумя ветвями Ейской косы. Если же природе пособить искусством, углубив до 3-х и более фут по мягкости грунта в нём, где футшток входит от 3-х до 4-х фут свободно, и возвысить внутри его берег насыпью у самой воды на 3 фута, тогда могла бы здесь быть единственная глубоководная гавань во всём Азовском море..."

С этого времени чаша весов начала уверенно склоняться в пользу открытия порта на Ейской косе. К бесспорным преимуществам этой местности, с точки зрения коммуникационных удобств, благоприятного климата и наличия плодородных земель, прибавились и выводы о наиболее подходящих условиях для торгового судоходства и безопасности для кораблей, застигнутых в море неблагоприятными погодными условиями.

Именно этих выводов авторитетного морского ведомства не хватало Войсковому Правительству для обоснования намерения открыть порт на Ейской косе. Своё удовлетворение атаман Рашпиль выразил в письме командиру лоц-шхуны поручику Трифанову:

"№ 4308 от 4 сентября 1847 г.

Вследствие донесений Ваших на рейде Ейской косы от 21 и 31 августа за № 293 и 299 имею честь уведомить, что я весьма доволен результатами и по окончании обследования у Ейской косы успели бы обследовать и Охтарский берег для решения вопроса, может ли быть учрежден у этого пункта порт с устройством пристани..."

Сведения по Ахтарскому лиману и берегу Азовского моря у Ахтарского посёлка были неутешительными: мелководный лиман, отсутствие пресной воды на побережье, открытый залив допускает жесткое волнение. Оставалась одна Ейская коса.

Решение созрело.

Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал Заводовский, получив документы обследования, смог, наконец, представить объективный рапорт князю Воронцову:

«30 августа 1847 года № 1988»

...хорошо зная положение Ейской косы, я нахожу со своей стороны объяснение выгоды учреждения там пристани весьма основательным, но чтобы достигнуть их и утвердить прочным образом на новом пункте торговлю, признаю необходимым иметь при оном и население, сколь можно более коммерческое и промышленное и потому с открытием пристани полагал бы разрешить устройство при Ейской косе не станицы, а торгового города. Водворение в нём дозволить как обывателям Черноморского войска, состоящим в торговом обществе, так и иногородним, принадлежащим к торговому и промышленному классу без обязанности иногородних приписываться в казаки... Жителям сего города даровать на первый раз льготы по примеру городов: Анапы, Новороссийска и Сухум-Кале и вообще в привлечении туда людей на прочную оседлость и устройство города поступать, применяясь к правилам о заселении Северо-восточного берега Черного моря Высочайше утвержденными 15 декабря 1846 года, но для большего споспешествования домоустройству не взыскивать с хозяев никакой платы за отвод земли под строения...

...Таможенный сбор с товаров, прибывающих в Ейский порт и отправляемых из оного уменьшить в видах поощрения торговли, противу общего тарифа на 5 копеек с рубля и из числа пошлинной суммы одну половину обращать в течение 10 лет на устройство в Ейском порте пристани и необходимых городских заведений... Таковое мнение предаю благоусмотрению Вашего

Сиятельства вместе с планом Ейской косы и окружающих её вод, а при том имею честь возвратить и записки г. Консула де Росси при предписании за № 2904 мною полученные.

Заводовский."

Это письмо Заводовского имеет ряд новых интересных положений. Во-первых, оно содержит начальный набросок тех статей, которые легли в основу известного Именного Указа Императора Николая I об учреждении порта и города Ейска.

Во-вторых, здесь речь идёт уже не о станице, а о городе. Заводовский сумел преодолеть казачье стремление к замкнутости в своей среде. Он понимал, что станица со своим своеобразным запорожским укладом не оправдает в полной мере надежд на быстрое развитие торговли и промышленных ремёсел. Нужен был приток умелых торговых людей и людей, склонных к промышленному производству. Казак, владеющий землёй и жестко связаный порядком военной службы, не мог выполнить этих задач. В качестве населения для будущего города нужны были мещане.

Вскоре основательно аргументированное ходатайство об открытии города и порта на Ейской косе ушло из Тифлиса в Санкт-Петербург в Кавказский комитет. Этот государственный орган был образован в 1840 году для управления Закавказским краем. Он занимался решением круга вопросов, которые не входили в ведение Наместника Императора на Кавказе и министров, а требовали Высочайшего разрешения. В его состав входили члены Государственного Совета и министры: МВД, финансов, юстиции и госимуществ. С 1846 года в зону ответственности комитета был включен и Кавказский край. Поэтому предложение об основании "Портового города Ейска" Наместник князь Воронцов и направил в Кавказский комитет.

По установленному порядку председатель комитета

князь Александр Чернышев 6 марта 1848 года был на приёме у Императора Николая I. Все вопросы, которые комитет выносил на решение Государя, заносились в специальный журнал комитета, в котором Император собственноручно записывал свое решение, обязательное к исполнению Сенатом и министрами. В числе вопросов занесённых в журнал 6-го марта было и предложение князя Воронцова "Об учреждении на Азовском море, в пределах Черномории порта и города Ейска". В резолюции по этому пункту Николай I написан в журнале: "Быть по сему".

Здесь же Чернышев представил Императору и проект Указа в Правительствующий Сенат "Об учреждении г. Ейска и открытии, порта у Ейской косы".

После рассмотрения Указа в Сенате и одобрения его, Николай I подписал его 23 марта 1848 года. Закljučая рассказ о поисках места для порта, приведу письмо командира лоц шхуны "Секстант" атаману генералу Рашпилю. Поручик Трифанов писал:

"Ваше Превосходительство Григорий Антонович. По ходатайству и рекомендации Вашего Превосходительства, я имел щастие получить Всемилостивейше пожалованный мне в 7 день Апреля орден св. Анны 3-й степени, а сотрудники мои полугодовой оклад жалования.

Удостоенный столь лестной для меня награды, я священнейшим долгом поставлю себе принести Вашему превосходительству как виновнику таковой Монаршей милости глубочайшую мою благодарность. Морское начальство оставалось довольным выполнением порученного мне дела и вследствие сего в настоящую году возлагает на меня сделать подобную операцию в Таганрогском заливе, по ходатайству господина Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и я в будущем месяце отправлюсь из г. Керчи с порученною мне

ихуною на новые труды, а по окончании там дела постараюсь зайти по пути в Новоучрежденный Ейский порт, которому от всей души желаю полного и совершенного благоденствия и знаменитости, равной старику г. Таганрогу, подвластным же Вашему Превосходительству народам неисчерпаемых богатств.

Поручик Трифанов".

Указ Императора.

Немногим более полутора лет ушло на поиски наиболее удобного места для порта. Несмотря на оперативность проведенных работ, срок исследований получился немалый. Компенсацией этому может служить лишь результат. Место выбрано верно, что подтвердила жизнь.

Краснеть за поспешность и скоропалительность принятых решений нашим предкам не пришлось. Понимание ответственности перед потомками проявила вся "служебная лестница", вплоть до самого верха. В апреле 1648 года на стол князю М.С. Воронцову легло следующее письмо:

"Его сиятельству князю М.С. Воронцову

Милостивый государь князь Михаил Семенович

Имею честь препроводить к Вашему Сиятельству для зависящих распоряжений выпускку за № 363 из Высочайше утвержденного 6-го сего марта журнала Кавказского комитета и копию с Имянного Указа, в тот же день данного Правительствующему Сенату, об учреждении на Азовском море в пределах Черномории порта и города Ейска. Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моём почтении и преданности

Князь А. Чернышев.

8 марта 1848 г".

Указ поступил в канцелярию Наместника несколько

позже,

"УКАЗ

*Его Императорского Величества Николая I
об учреждении г. Ейска и открытии порта
у Ейской косы*

23 марта (4 апреля по Н. С.) 1848 г.

Желая преподать жителям Ставропольской Губернии и войска Черноморского новые средства к успешному и выгодному сбыту за границу произведений их сельского хозяйства и тем самым способствовать развитию всех отраслей промышленности в этом крае, мы согласно представлению Наместника Кавказского и положению Кавказского Комитета повелеваем:

- 1. На Азовском море, в пределах войска Черноморского, у так называемой Ейской косы, открыть порт и учредить город, который именовать: портовый город Ейск.*
- 2. Дозволять селиться в этом городе всем сословиям без исключения с соблюдением общих по сему предмету правил.*

Желающим строить в городе Ейске дома и заводить близ очного дачи отводить места бесплатно до 1 января 1859 года, но строения производить не иначе как по плану города, который должен быть предварительно составлен и утвержден по ближайшему усмотрению Наместника Кавказского.

3. Всех тех лиц, кои, будучи обязаны платежом разного рода податей и повинностей поселаться в портовом городе Ейске до 1 января будущего 1859 года и водворяться там прочным образом, освободить на 15 лет, считая со времени водворения каждого от всех вообще гильдейских и других казенных податей и повинностей. Льготу сию распространить и на тех из означенных выше лиц, кои теперь живут на месте учреждаемого города, считая её для них со дня открытия порта. Впрочем, жители города Ейска в продолжение льготного времени не изъеются от городских и земских по-

винностей, кои должны быть отправляемы ими на общем основании.

4. Дозволить также селиться в городе Ейске тем казакам Черноморского войска, кои принадлежат к составу торгового там общества, не освобождая их, однако от взноса следующих с них денег в войсковой доход и от исполнения прочих повинностей, на торговое общество возложенных.

5. Всем поселившимся в городе Ейске и получившим там льготу представить право торговли как в этом городе и порте, так и по всей Ставропольской губернии, земле войска Черноморского и Кавказском крае вообще без платежа гильдейских повинностей во всё продолжение льготного времени. Те же из них кои до истечения сего времени пожелают заниматься торговлей и промышленностью и в других местах России, должны подвергнуться платежу податей по гильдиям и званиям их на существующем основании.

6. Лицам торгоющего сословия, прописанным к другим азовским и черноморским портам и городам, представить право торговли в портовом городе Ейске по свидетельствам полученным ими в тех портах и городах, где они приписаны.

7. С приходом к Ейскому порту судов взимать ластовые и якорные сборы в той же соразмерности, в которой онные взыскиваются во всех прочих азовских портах.

8. С открытием Ейского порта, учредить при онном по при лагаемому штату особую таможенную заставу, на тех же правах, кои представлены таможенной заставе, учрежденной в Ростове-на-Дону, дозволить ей очищать пошлиною российские произведения, перевозимые в другие российские и иностранные порты, а из иностранных товаров принимать только те, кои очищены пошлиною в других российских таможнях.

9. Все вообще ластовые и якорные сборы с судов, приходящих в Ейский порт, а также половину пошлинных

сборов с товаров, привозимых к этому порту в течение 15 лет со дня открытия порта, обращать в пользу города Ейска.

10. Также для пособия городу Ейску обратить в его пользу на 25 лет доход от продажи питей, не представляя, однако, городу права распоряжаться этой продажей, которая должна производиться на общем в земле Черноморского войска постановлении.

11. Управление городом Ейском и портом онного по всем вообще частям, поручить особому лицу со званием начальника портового города Ейска. Ему состоять в непосредственной зависимости наказного атамана Черноморского казачьего войска под главным начальством наместника Кавказского.

12. Предоставить наместнику Кавказскому:

а) снабдить начальника портового города Ейска подробными инструкциями и наставленьями;

б) устроить под его ведением полицейское управление в таком составе, который по ближайшим местным соображениям, будет соответствовать потребностям вновь учреждаемого города:

в) с усилением населения города Ейска открыть в оном городовую ратушу для заведывания делами по судной и хозяйственной части, учредив при ней сиротский и словесный суды и канцелярию;

г) определить оклады содержания всех чинов городского управления, заимствуя потребные на это суммы из доходов, представляемых в пользу города".

Разметка территории будущего города.

Активную позицию в деле подготовки территории будущего города к заселению занимали генералы Заводовский и Рашпиль. Именно они, после получения императорского Указа, организовали планировку будущего города и разбивку кварталов на дворовые участки. Как это было? Давайте послушаем самих участников.

Для проверки реальности и практической целесообразности представленного ему проекта плана города генерал Заводовский посылает из Ставрополя в Екатеринодар к генералу Рашпилю председателя межевой комиссии подполковника Немировича-Данченко и пишет ему:

"3 мая 1848 года №932

Препровождаемый при сём проектный план портовому г. Ейску покорнейше прошу Ваше Превосходительство поверить вместе с г. подполковником Немировичем-Данченко с положением Ейской косы в отношении удобства расположения построек, сделать в чём будет нужно перемены и потом возвратить ко мне с Вашими заключениями, сколь можно поспешнее. Показанный в плане на одной из площадей питейный дом не оставьте перенести на другое приличное место, так как на той же площади проектируется церковь..."

Получив это письмо, генерал Рашпиль даёт весьма подробное распоряжение войсковому Правительству:

"Командировать на Ейскую косу начальника Чертёжной Войсковой Межевой комиссии г. подпоручика Павленко с двумя учениками - урядником Гуковым и казакон Друзякиным. (Обратите внимание на эти фамилии. Именно эти люди со своими рядовыми помощниками обозначили улицы, кварталы и площади старинной части Ейска. Н.Б.)

Павленку вручить при сём план местности Ейской косы и города Ейска.

Велеть ему взять с собой две железные промерные цепи: одну из межевой комиссии, а другую у Генерального штаба капитана Фалькенгагена, которому безотлагательно найти Сыскного начальника Ейского округа г. есаула Литевского и просить его на косу рабочих: пеших 10 и конных 5 человек, да доставки туда жердей для вех длиною от 2-х до 3-х сажень - 30; кольев для утверждения промерных цепей - 4 и к ним колышков - 20,

также 3 плуга с волами и погонщиками для нарезки линий и вообще требовать всех необходимых законных пособий и содействий. Велеть г. Павленко немедленно приступить к общей съёмке и измерению одною окружною чертой. Исходного меточного окружной черты принять развалины древней селитьбы находящиеся на гребне берега Ейской косы. Самая же площадь земли под поселение города имеет быть избрана и указана лично мною, совместно с г. Подполковником, Для чего я располагаю отправиться на Ейскую косу через несколько дней с подполковником Петром Васильевичем Немировичем - Данченко.

Рашиль

№ 2281 28 мая 1848 г. Екатеринодар "

14 июня 1848 года подпоручик Павленко представил план поселения при Ейской косе. Размеры его были: с севера на юг 910 сажень и с запада на восток 1450 сажень.

Таков был Ейск на своём первом плане. Городу придали правильные линейные черты. Но стеснённость землемеров-проектировщиков заданием не выходить за рамки вала старой крепости привела к тому, что линейные размеры кварталов в городе получились неодинаковыми. Преобладают три вида кварталов: на 8-м, 10-ть и 12-ть дворовых мест. Соответственно и длина городских кварталов получилась неодинаковой.

Открытие "Портового города Ейск".

Учитывая благоприятный климат, хорошую по качеству воду и плодородные земли, льготы переселенцам, объявленные Указом, были весьма соблазнительными. И люди потянулись сюда. Кто по установленным правилам с документами, а кто и по слухам, не получив разрешения или просто сбежав из крепостной неволи. Официальное открытие города и порта состоялось 19 августа (31 августа по новому стилю) 1848 года.

До сего времени мне удалось найти только у одного автора наиболее достоверное описание этого события. Первый историк-краевед нашего города протоиерей Тимофей Стефанов был Действительным членом Кубанского областного статистического комитета.

В 1878 году им была подготовлена и издана работа "Город Ейск Кубанской области в историческом и этнографическом отношении". Надежда на объективность и достоверность описания событий, происходивших в этот день, обусловлена тем, что автор ссылается на свидетельства их очевидцев и участников. Все последующие описания этих торжеств, которые мне удалось изучить, есть лишь перефразированные выдержки из упомянутого труда Тимофея Стефанова.

Именно поэтому, подойдя к описанию торжеств по случаю открытия портового города Ейска, предлагаю читателю выдержку из вышеупомянутого труда Т. Стефанова:

"...Сотни переселенцев задолго до открытия города начали съезжаться с разных концов России, с каждым днём всё более и более пополняя контингент лиц, явившихся для заселения города Ейска. Табор новых поселенцев являл собою поразительное разнообразие одежд и лиц, наречий, званий и положений. 22 губернии России давали свой вклад будущему ейскому обществу. Тут были армяне, греки, немцы и даже евреи. (Несмотря, однако на усиленные просьбы, ни один из евреев не был принят в начале в городские обыватели).

Высоко нагроможденные телеги разной хозяйственной рухляди, земледельческих орудий, мастерских принадлежностей, лошади, рогатый скот, овцы, птицы - всё это беспорядочными группами расположилось под открытым небом. Ближе ко дню открытия города начали съезжаться гости с соседственных портов - Ростова, Мариуполя, Бердянска, Таганрога и ближайших черноморских станиц.

Затем под командою полковника Литевского, первого начальника портового города Ейска, в полном боевом вооружении и о хором духовой музыки явилось несколько сотен казаков Черноморского войска.

Наконец при раскатах пушечных выстрелов, торжественном громе труб и барабанов, оглушительных криках "ура" - утром 19 августа прибыл для открытия города Ейска и наместник Кавказский князь Воронцов.

Открытие города и порта совершилось 19 августа 1848 года следующим порядком (со слов очевидцев). Сперва отслужено было благодарственное Господу Богу молебствие с водоосвящением духовенством станицы Старошербиновской, при пушечных выстрелах провозглашено было многолетия Августейшему Монарху Николаю Павловичу, Царствующему Дому, Наместнику Кавказскому князю Воронцову, епископу Кавказскому Иеремии и Черноморскому воинству; затем по окроплению святою водою места для будущего города и порта, князь Воронцов в краткой, но прочувствованной речи выразил свои надежды относительно будущности города Ейска и, дав обещание принимать в его судьбе живейшее участие, провозгласил город и порт, открытым.

Таганрогское купечество со своим уполномоченным в памятный день открытия города прислало святое Евангелие, крест, потир, дискос, звездицу, копие и блюдо для будущего первого храма. Далеко не так сочувственно отнеслись к новому городу и его поселенцам казаки Черноморского войска ближайших станиц. На первых порах, как говорят очевидцы, они всячески старались тормозить развитие города. А споры за море и рыбную ловлю едва ли не доходили до смертоубийства. В особенности много, однако, терпели горожане от полициантов, обязанности которых в городе Ейске исполняли черноморские казаки. По уверениям старожилов они не только не оберегали, а, напротив, даже разоряли первых горожан.

По открытии города и порта начата была приписка поселенцев, а с выработкою правил и плана для заселения города приступлено к нарезке плановых мест для построек.

Много было желающих поселиться в городе Ейске, кроме явившихся лично, сотни прошений с разных концов России сыпались к местному начальству с выражением желания вступить в состав городского общества..."

На отгремевшем празднике были Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Заводовский и наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Рашпиль. Они проверяли ход работ по планировке и разбивке кварталов на дворовые участки. С этой целью здесь продолжали работу присланные ими землемеры и первый архитектор города Иван Жуковский. Город вписывали в рамки земляного вала старой крепости. На этой территории не было строений за исключением одной ветряной мельницы да нескольких казачьих хат на северо-восточном краю обвалований из состава Ейского посёлка. Основная часть хуторов этого посёлка располагалась за валом от берега Таганрогского залива в районе современной улицы Бердянской ,выше стадиона, у водоканала, кирпичного завода. Но часть их перешагнула вал и расположилась внутри обваловки между улиц Бердянской и Победы. Проектировщики уперлись в границы этих хуторских владений и ждали решения этого вопроса.

Ейский посёлок перемещается

на балку Широкую.

Капитан Фалькенгаген в январе 1847 года насчитал 21 хутор у Ейской косы и нанёс их на схему. Совокупность этих хуторов называлась "Ейский посёлок". Среди владельцев хуторов были: полковой есаул Литевский, казаки Кольбиков, Бардак и другие. В наиболее при-

личном доме на хуторе у казака Бардак останавливался и отдыхал князь Воронцов при открытии города.

Часть этих хуторов располагалась на территории отведённой под город, занимая площадь заключённую между современными улицами Бердянской и Победы. План города был утвержден и надо было убирать хутора. Кроме этого правила приписки в новом городе означали для казака переход в мещанское сословие. Поэтому встал вопрос о переселении жителей Ейского посёлка за черту городского выгона. Князь Воронцов требовал ускорить решение этого вопроса. Командующий войсками генерал Заводовский 3-го марта 1850 года докладывает ему рапортом:

"Вследствии возникшего вопроса на каком основании должен оставаться посёлок Ейской косы, вошедший в черту города Ейска, но обитаемый Войсковыми чиновниками и нижними чинами к торговому сословию не принадлежащими. Наказной Атаман Черноморского казачьего войска предоставил мне своё мнение в донесении от 16 февраля № 374 вместе с планом окрестностей г.Ейска и ведомостью сколько в Ейском посёлке дворов и жителей и какими службами Войсковые чины обязаны. Генерал-лейтенант Рашиль полагает Ейский посёлок перенести за черту городского выгона наместо показанное на плане под литером "И", а для облегчения жителей очного, долженствующих понести убытки от переселения на другое место и разрушения прежних своих жилищ предоставить им 2-х летнюю льготу от службы... Я согласен с генерал-лейтенантом Рашилем, но принимая во внимание, что жители посёлка люди бедные и что переселение их сопряжено с расстройством их домашнего быта, я полагал бы сверх 2-х летней льготы от службы, выдать им в пособие на новое устройство из сумм Черноморского войска офицерам по 150 рублей, урядникам по 100рублей и казакам по 50рублей безвозвратно.

Жители посёлка были собраны и с ними обсуждались варианты и условия переселения. Их мнение сообщил Рашпилю Сыскной начальник Ейского округа:

"Рапорт

Получив 1-го числа мая в Уманской повеление Вашего Превосходительства от 17-го апреля за № 1155 по предмету переселения на Балку Широкую, живущих в Ейском посёлке, в черте г. Ейска Войсковых чиновников и казаков и не имея тогда времени лично зараз отправиться в Ейский посёлок, я сообщил Есаулу Литевскому как старшему по званию из жителей Ейского посёлка и просил его объявить всем тамошним жителям Волю князя Наместника и сообщить мне письменно общее их мнение... На вопрос этот я получил уведомление Есаула Литевского от 15 сего мая за № 48 заключающее обций отзыв жителей Ейского поселка в коем они, считая выгоднейшим для Себя переселиться на избранное прежде самими ими место, просят Милостливого разрешения на то Высшего начальства".

Так был решен вопрос с переносом 21 хутора, образовавших Ейский посёлок, на балку Широкую и основанием в 1850 году поселка Широчанского.

Есаул Литевский.

Полковой есаул Литевский Елисей Иванович в 1846 году занимал в Ейском округе (станция Уманская) должность "сыскного начальника округа". Он ведал всеми делами в округе, кроме военных. Поэтому на него была возложена задача по отысканию на побережье удобного места для порта. Елисей Иванович провёл большую работу по обследованию Камышеватой, Долгой и Ейской кос. И немалая заслуга принадлежит ему в том, что новый портовый город был основан на Ейской косе.

19 августа 1848 года на торжества по случаю откры-

тия города Елисей Иванович привёл из Уманской отряд казаков в несколько сот человек и духовой оркестр.

Наместник Кавказский князь Воронцов, не имея достойной и хорошо подготовленной кандидатуры на пост начальника города Ейска здесь же на празднике назначил Литевского "Временным начальником портового города Ейск". На этом посту он и находился до июня 1849 года, в течении 10 месяцев.

Не сумел Елисей Иванович не допустить притеснений и обид со стороны казаков полицейской команды и владельцев казачьих хуторов расположенных у Ейска по отношению к прибывающим переселенцам.

Жалобы горожан на Литевского, нарушения его в предоставлении дворовых участков не по установленным правилам, заставили Воронцова ускорить смену руководства. Казачий коммерсант Посполитаки получил в городе 22 дворовых места под предлогом открытия торговли, были и другие нарушения. Не сумел Литевский наладить и деловую переписку, а донесение о состоянии дел в городе представил только после ряда напоминаний, за что получал строгие внушения.

Елисей Иванович любил город и прочно в нём обосновался. В душе он был рад, когда жарким летним днём запылённый, экипаж привёз в город князя Александра Сергеевича Голицына с предписанием Наместника Кавказского о назначении его "Начальником портового города Ейск". Литевский освобождался от мучительной раздвоенности. Друзья, сослуживцы, казаки просили у него тех льгот, которых он не имел права им представить. С другой стороны поселенцы каждый день шли с жалобами на обиды со стороны казаков-хозяев здешних земель. Быстро и с облегчением сдал он дела и занялся устройством своих владений на хуторах и строительством в городе.

Супруга его Анна Николаевна вошла в круг самых общительных дам в городе. Если Литевского по-

прежнему привлекали на совет по самым важным вопросам городского строительства и проблемам развития порта, то Анна Николаевна стала организатором семейных чаепитий и праздничных вечеринок. Многие свадьбы и крестины не обходились без весёлой и общительной четы Литевских. Да и сами супруги почти через год звали друзей на крестины своих детей: в 1851 году сына Ивана, в 1853 году дочери Анны и в 1855 году сына Евгения. В те поры никого не удивляли и дети погодки.

Задержка с заселением города.

Однако уже осень 1848 года вступала в права, близилась зима, и переселенцы торопили начальство с припиской к городу, без чего нельзя было получить земельный надел для строительства жилищ. Приписку лиц, имевших необходимые документы, можно было проводить сразу же после торжеств, но среди желающих поселиться ни у кого не было документов, как того требовали специально разработанные "Правила для устройства и управления портовым городом Ейск". Предстояла большая переписка с госучреждениями губерний, откуда прибывал каждый желающий поселиться в городе.

На временного начальника портового города Ейск есаула Литевского обрушился большой объём канцелярской работы, а штат у него был небольшой, всего два писаря.

На территорию города, за земляные валы не допускали ещё никого. Все кто приехал на поселение, располагались на площади перед валами, примерно в районе современного завода "Полиграфмаш". Здесь люди рыли для жилья землянки, готовились зимовать. Законопос-

лушные ждали, когда поступят необходимые документы. В сентябре-октябре появились большие группы сильно возбуждённых людей, требующих немедленного и без документов поселения в городе. Для успокоения их пришлось применять силу. Сведения о этих беспорядках дошли и до Наказного атамана. В конце января есаул Литевский получил от него строгое замечание. Он не представил ни одного донесения о положении дел.

Исправляя упущение, Литевский докладывал:

"Ваше Превосходительство, по поводу скопищ людей, не имеющих законных видов, которые, несмотря на объявленное им запрещение, предполагали оставаться на Ейской косе по превратным понятиям свободы заселения города Ейска. Предписать изволили подвергать неповинующихся кратким внушениям, законному действию и не допускать в Ейск дальнейшего стремления подобных людей... Людям же, имеющим о себе законные удостоверения, оказывать всевозможное снисхождение и содействие.

После упоминаемых скопищ, от которых по изъясненному распоряжению Вашего Превосходительства очищен Ейск, изредка подходили подобные люди с ложным о прописке понятием, но были мною вразумляемы и отправляемы куда кто подлежал, и наконец это прекратилось...

Поднося у сего Вашему Превосходительству список 47 семействам купеческим, 803 семействам мещанским всего по 1 января сего 1849 года 850 семействам, ищущим причисления...

Представляя всё это в благоразсмотрение Вашего Превосходительства, имею честь почтительнейше присовокупить, что обо всех в списке значащихся лицах, пока ещё своевременно делается от меня все распоряжения во многие места России и даже в некоторые писано по нескольку раз, о многих лицах получают разные сведения и справки, а о многих с каждою почтою ожи-

даю окончательных уже результатов.

№ 263 10 февраля 1849 года г.Ейск"

Как видим, на календаре был уже февраль 1849 года, а речь шла лишь о лицах "ищущих причисления", а не о поселившихся.

В рапорте Литевского упоминалось о "скопищах" беспаспортных людей, требовавших приписки в число жителей города. Кто были эти люди? Во-первых, это забродчики-рыбаки, которых новые хозяева этого края — казаки вытеснили с Ейской косы. Во-вторых, это беглые крепостные ряда губерний, где прошел слух, будто Ейск — это город куда можно ехать, не спрашивая разрешения помещиков на выезд из своих поселений. В гнетущей атмосфере крепостной России это было событие рядовое.

Беглый крепостной всегда вызывал сочувствие и симпатии у подавляющей части населения, далеко не все из беглых брали в руки кистень и выходили на "большую дорогу", а также примыкали к артелям забродчиков. Часть их оказывалась в рядах казачества, а часть оседала в глухих уголках страны, вновь привязывалась к земле. Своеобразна и характерна именно для этого мелководного морского побережья от устья Кубани до Ейской косы была группа людей, называвшихся забродчиками. Это побережье позволяло без корабля или лодки эффективно ловить рыбу, особенно в период её хода на нерест, забредая с неводом на значительные расстояния. Учитель Темрюкского городского училища Арканников в 1883 году так описывал эту группу людей:

"...Рыбаки, называемые здесь забродчиками в прежние время, а отчасти и теперь, состояли из беспаспортного сброда, который зашел сюда из любви к свободной разгульной жизни, или чтобы избежать последствий карающего закона. Это необыкновенно здоровые люди, для них ничто не значит простоять

по несколько часов сряду по пояс в холодной, смешанной со льдом воде...

Все они народ, любящий выпить через меру. Полиции очень трудно иметь за ними бдительный надзор по нескончаемым камышам. Между здешними рыбаками есть много до крайности грубых людей...»

Все они подвергались нещадной эксплуатации рыбозаводчиками, использовавшими абсолютную беспаспортную незащищенность, отверженность. Зачастую ведро водки было платой за их невероятно тяжелый труд. Несмотря на всё это, революционизировать их нет оснований. Беспорядки, в которых они участвовали в сентябре 1848 г., требуя приписки к Ейску, пока, к сожалению, совсем не изучены.

Гораздо более тревожным было медленное решение вопроса получения необходимых документов на подавших заявления о прописке. Около 7 тысяч душ зимовали под городом в землянках без элементарных удобств, в условиях зачаточного торгового и всякого другого обеспечения.

Девятнадцать первых.

Наконец, в начале 1849 года, небольшими партиями стали приходиться запрошенные документы.

Счастливы переходили в разряд "лиц окончательно причисленных в портовый город Ейск" и определялись в мещанское сословие, а при наличии средств и в купцы.

В марте, к 10 числу, ровно через месяц, как установил Наказной атаман, есаул Литевский подготовил первый список лиц, окончательно причисленных к городу, но подписи и числа ещё не поставил. В списке не было и двух десятков человек. Очередная почта ожидалась 11 марта к вечеру, и есаул рассчитывал пополнить список. Почтовая тройка задержалась и пришла поздно вечером. На утро 12-го, не

найдя в полученных пакетах ничего хорошего, кроме напоминания о срочном представлении ведомостей, начальник портового города махнул рукой, подписал ведомость и размахисто вывел число.

При отношении № 443 от 12 марта 1849 г. в Екатеринодар ушел "Список лиц, окончательно причисленных в портовый город Ейск".

В нём значились первые 19 фамилий жителей нового города и порта Российской империи:

"1. Курской губернии Щигровского уезда деревни Баевой однодворный крестьянин Афанасий Никифорович Баев, который причислялся в купцы 3-й гильдии по отношению Ставропольской палаты Госимуществ от 7 декабря 1846 года за №113 70.

Ставропольской губернии крестьяне в мещане города:

2. Лукьян Борисов Ловиняков,

3. Алкат Поздняков,

4. Данило Иванов Захаров,

5. Василий Андреев Волощуков.

6. Таврической губернии города Орехова Давид Азаров Мезенцов - купец 3-й гильдии

Вольноотпущенные

7. Николай Кузьмин Зюзьков - в мещане

8. Сергей Иванов Зюзьков - в мещане

9. Влас Кузьмин Зюзьков - в мещане

Ставропольской губернии госкрестьяне

10. Григорий Елисеев Савостьянов в купцы 3-й гильдии.

11. Яков Михайлов Дедешко в купцы 3-й гильдии.

12. Воронежской губернии госкрестьянин Андрей Николаев Нестеров в мещане города

13. Тамбовской губернии купец 3-й гильдии Алексей Иванов Бирюков

14. Тамбовской губернии вольноотпущенный Леон Иванов Зюзьков в мещане

15. Таврической губернии госкрестьянин Гаврило Кизилев

16. Саратовской губернии Новоузенского уезда Орловчанского селения государственный крестьянин Сергей Петров Палаткин
17. Таганрогский 3-й гильдии купеческий сын Григорий Капораки.
18. Города Старобельска купец 3-й гильдии Аврам Михайлов Верховодов
19. Полтавский казак Фома Григорьев Писяков."

Из 19 приписанных -14 крестьяне, такое соотношение (75-80 %) сохранится, в основном на весь период заселения города. С момента зачисления крестьянина в городские жители он становился мещанином. Но замыслу основателей города население должно было составить отряд мастеровых людей, способствующих развитию различных ремёсел. Однако долго ещё крестьянский уклад жизни, приверженность к этому первородному, изначально стержневому труду были ведущим мотивом быта ейского горожанина.

"Хлебороб" - так звали в городе человека, не оставившего этой профессии. Слово это произносили с гордостью, труд хлебороба ценился, а уважение к результатам труда, уважение к хлебу впитывалось в кровь с молоком матери.

На подворье горожан в 1879 году было 2200 коров, около 7000 волов и 7300 свиней. При населении около 20000 человек с учётом рыночного привоза из окрестных станиц, это гарантировало стабильное обеспечение населения основными продуктами питания

Архитектор Жуковский.

Интересна и поучительна настойчивость, с которой руководство города добивалось воплощения своих архитектурно-эстетических замыслов.

Город должен был радовать глаз совершенством форм, законченностью ансамблей, чистотой и порядком.

Поэтому к городу с первого дня предъявили жесткие требования: ни одной землянки и мазанки, ни одной ветхой или аляповатой постройки. Торговый город-порт мог ожидать гостей любой заморской страны. Экипажи кораблей, конечно же, понесут рассказы о городе, порте, архитектуре, жизни и быте людей. Это были вопросы престижа страны, и там где они решались успешно, можно было смело говорить о людях-патриотах своего края, Отечества.

Если любопытный читатель сравнит старые улицы Ейска и Краснодара, то он заметит, что в Ейске нет крытых соломой или камышом хат с подслеповатыми оконцами, которые ещё и сейчас можно встретить в некоторых кварталах краевого центра. Там начало застройки города было пущено на самотёк.

Приглашенный князем Воронцовым на должность "городового архитектора" Иван Жуковский, учитывая особенности населения города, представлявшего собой пеструю смесь переселенцев из многих губерний России, оригинально решил вопрос об архитектурном стиле застройки города.

Чтобы в меру возможностей удовлетворить вкусы и приверженность горожан к традиционным для них формам построек, элементам украшения фасадов, он избрал в качестве архитектурного стиля для города - эклектику, дающую возможность сочетать разнородные стилевые элементы. Старинные здания, расположенные на площади, ограниченной улицами Ростовской, Московской, Бердянской и сейчас несут черты замысла первого архитектора Ейска.

На примере нашего города мы встречаемся с уникальным решением его застройки.

Правила застройки, которые обязывали жителей возводить дома, особенно в их фасадной части, определённых архитектурных образцов, действовали по всей стране. Но, если в других городах эти правила вводи-

лись с определённого рубежа в жизни давно основанного поселения, то Ейск попал под эти правила с нуля, с первого дома.

Фантазия хозяина-застройщика была ограничена серией предложенных архитектором города фасадов. При этом, на улицу должно было выходить не менее 3-х окон. Архитектор Иван Жуковский с начальником города не ограничились регламентацией фасадов. Были разработаны 24 типа ворот с калитками и заборов, из которых застройщик мог делать выбор.

Наказной атаман Черномории генерал Рашиль, которому при посещении Ейска это понравилось, хотел идти ещё дальше. Он предложил определять, где и по каким улицам какие заборы и ворота ставить. Голицын и Жуковский не поддержали это предложение. Приведу ответ Ейского городского начальника:

"Согласно предписанию Вашего Превосходительства от 9 декабря 1850 года № 3862 имею честь представить при сём составленные здешним городовым Архитектором чертежи заборов и ворот с калитками, деревянных и каменных.

При сём докладываю, что по мнению моему трудно -определить, в каких частях города и по каким улицам должно ставить заборы и ворота с калитками по фасадам навсегда указанным и требовать, чтобы жители ставили фасадные заборы и ворота, сообразуясь с домами, дабы в постройках не терялся вид и общность архитектуры.

Полковник К. Голицын № 1607 14 июня 1851 г. г. Ейск"

А у зачисленных в жители города было много проблем. Главная из них - строительство. На отведённых участках кипела дружная работа. Далёко не каждая семья имела возможность строить дома по предложенным проектам. Иным не хватало средств, и всем не хватало строительных материалов. Прошения и просьбы шли в Тифлис к наместнику Кавказскому. Ответ последовал немедлен-

но. Князь Воронцов держал своё слово и помогал городу и его жителям. Много жалоб было на недостаток средств на возведение больших каменных домов.

8 февраля 1849 года в письме наказному атаману генерал Заводовский, в частности писал: "...к большему поощрению и обеспечению водворяющихся там, не оставьте Милостивый Государь согласно воле господина Наместника Кавказского приказать, чтобы возведению в Ейске скромных жилищ по данному направлению улиц не было налагаемо со стороны местного начальства никакого препятствия."

Было дано разрешение применять упрощённый строительный материал и допускать меньшие размеры строений по окраинным в ту пору улицам: Военной /Шевченко/, Ростовской, Таманской и Екатеринодарской /Краснодарской/, а также по Набережному проспекту /Шмидта/, Морской, Греческой /Калинина/ и Торговой /Октябрьской/. Однако, отступлений от архитектурных форм не допускалось.

В конце апреля 1849 года тот проект, по которому начал застраиваться молодой город, был утвержден Наместником Кавказа. Теперь это был документ - "Генеральный план портового города Ейска". Название громкое для маленького городка, вписанного в контур земляного вала небольшой крепости. 9 улиц продольных с запада на восток и 13 улиц поперечных - с севера на юг. Теперь раздача участков и застройка велись на законной основе утвержденного плана.

Но как заставить людей с чувством глубокой ответственности подойти к решению задачи: создания более совершенного облика особенно фасадной части своего жилища. Ведь даже люди, не стеснённые материальными средствами, устроив кров над головой, прекращали благоустройство дворового участка переключаясь на другие не менее важные житейские заботы. Лучшим стимулятором при этом могла быть материальная за-

интересованность. Указ императора обещал и предоставлял льготы лицам, которые водворятся в городе "прочным образом". Горожане требовали льгот. Начальник города просил, что понимать под формулой из пункта 3-го приведённого выше "Указа", разрешавшего предоставлять льготы "водворившимся прочным образом". Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, он же Управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии генерал Заводовский писал наместнику Кавказскому:

"Исправляющий должность Портового Начальника города Ейска испрашивает разрешение, какие постройки, приписывающихся в г.Ейске, считать прочною оседлостью представляющего Высочайше дарованную льготу: собственно ли возведённые фасадные дома без служб с одною оградой, или же те только, которые на отведённых участках будут иметь сверх фасадных домов все необходимые для хозяина удобства, как-то: конюшни, сараи и тому подобные службы.

Принимая в соображение, с одной стороны, что останки в предоставлении жителям города Ейска льгот до окончательного возведения фасадных строений могут препятствовать городскому заселению, с другой же - то, что и излишнее снисхождение в отношении построек может быть неблагоприятно для городского благоустройства, если жители, пользующиеся льготою, не будут заботиться о возведении домов, приличных званиям, в которых приписываются, я полагаю принять по сему предмету к руководству такое правило, чтобы всякий из Ейских жителей, по возведении на данном ему месте какого-либо строения или службы из тех, которые будут предназначены к постройке по утверждённому Начальством плане и фасадом, был признаваем водворившимся прочным образом и немедленно пользовался за тем дарованною льготою, но через это нимало не освобождался бы от обязанности окончить

все плановые постройки в течение определённого правилами, утвержденными Вашим Сиятельством 24 сентября 1848 года определённые сроки.

Неисполнившие сего обязательства, не только должны лишиться права на продолжение льготы, но и за прошедшее время внести все следуемые с них подати и повинности наравне с неводворившимися жителями.

Такое мнение имею честь представить Вашему Сиятельству на благоусмотрение.

Заводовский

29 ноября 1849 года "

В ответном письме от 10 декабря 1849 года Воронцов соглашался и утверждал это предложение.

Некоторые жители города, получив участки под застройку, не спешили с со строительством домов. Они строили в глубине двора дешевые и более простые времянки, что конечно же не украшало кварталы молодого города. Тогда руководство стало выдавать владельцам дворовых участков документ, получивший название "Данная". В нём точно обговаривался срок возведения дома и ответственность владельца за нарушение этого срока. Вот один из таких документов:

"ДАННАЯ"

Тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года в ноябре девятнадцатого дня на основании правил утвержденных господином Наместником Кавказским князем Воронцовым 24 сентября 1848 года ейскому мещанину Аникию Шмойлову на, отведённое ему 7 мая 1851 года дворовое место состоящее в Портовом городе Ейске во 2-й части 14 квартале по Черноморской улице под №27 и занимающее в длину во внутрь квартала 25 и поперечному по Черноморской улице 12 1/2 сажень, а всего 312 1/2 квадратных сажений, с тем, чтобы онное место было застроено со дня выдачи сей ДАННОЙ забором, а в последствии был выстроен на нём деревянный

или каменный дом.

Для постройки дома даётся сроку по 1 четверть 1859 года. В случае же невыстройки дома в продолжении сего сроку место отбирается и отдаётся другому.

***Исправляющий должность Начальника города
Генерального штаба полковник Сальтет.
Ейский городской Архитектор Хлебников."***

С большим трудом строился ейский мещанин. Многим просто не хватало средств. О том, как жила значительная часть горожан, каков был их быт, мы можем судить по описи имущества мещанина Якова Петровича Трубчанинова составленного в 1860 году Ейским Городовым Сиротским судом при решении вопроса об опеке. Он с матерью и двумя малолетними братьями проживал по улице Харьковской.

Семья, потеряв отца Петра Алексеевича, дом построить не могла и жила в кухне из сырцового кирпича крытой камышом, размером 9 на 12 аршин. Кухня имела одну жилую комнату и прихожую, четыре окна со ставнями. В комнате три деревянные простые иконы, одна лампада, зеркало, стол деревянный простой работы, две простых деревянных лавки, примост дощатый, дощатый потолок, печь варистая одна, поставчик для посуды, две тарелки, два рогача, одна кочерга, одна чаплия, один чугунок и одна сковорода.

В прихожей: лестница деревянная, ведро деревянное с обручами, кадушка деревянная небольшая с такими же обручами. Во дворе колодец с деревянным сосновым срубом, одна корова серой масти, сад из 35 фруктовых деревьев."

Предпринимательство. Деловая жизнь.

Ближе к центру жили люди зажиточные. Их быт и образ жизни были другими. Так на углу улиц Черноморской и Нахичеванской, там, где сейчас расположена

гостиница "Ейск" в 1850 году был выстроен каменный полутораэтажный дом купца Макара Касатова. Макар, увеличивая торговый оборот, смело вводил в дело не только наличные деньги, но и недвижимость. В 1852 году он взял под залог своего дома 3000 рублей.

Дома купцов в городе отличались добротностью, большими размерами и оригинальностью архитектурных форм. С первых дней заселения образовался обширный круг купеческих семейств, обеспечивающий горожан всем необходимым.

Уже в 1849 году в состав купеческого общества города входили:

Лосев Петр,
Леденев Алексей,
Выхторов Гавриил,
братья Капораки Григорий и Михаил из Таганрога,
Богданова Пелагея,
Бражникова Агафья Ивановна из г.Острогожска
Воронежской губ.,
Ястребова Марья Ивановна из Бердянска,
Светличный Михаил Алексеевич из г.Старобельска
Харьковской губ.,
Булаткин Ефим Родионович из г.Зарайска Рязанской
губ.,
Закревский Александр,
Асмоллов Семен,
Нестеренко Андрей,
Плахотников Евдоким,
Кривонос Пётр и Дедешко Яков Михайлович.

Ейчане торговали не только в Ейске. Вот что может поведать нам выписка из архивного документа:

"...Ейскому мещанину Якову Квашнину разрешено в Екатеринодаре построить на войсковом плановом месте на главной улице временный балаган для торговли съестными и другими припасами не на конной линии

главной улицы, а дальше к Саду. Со взысканием с него Квашнина ежегодно в доход войска по 25 рублей серебром, начав взыскание с апреля 1861 года..."

О деятельности другого ейского предпринимателя записано так:

"По прошению ейского мещанина Тимофея Котова им был заключен контракт с Войсковым Правительством 11 апреля, коим он получал в откупное содержание нефтяные источники Войска..."

Но поистине государственное значение пробрело дело открытое ейчанином Николаем Степановым. Вот что писал об этом Начальник Портового города Ейск в рапорте Наказному атаману 3-го мая 1857 года:

"Основатель Портового города Ейск князь Михаил Семенович Воронцов обращал внимание на перспективу учреждения шерстомоек в Ейске. Это желание не осуществлялось т.к. берега моря и лимана неудобны для этого, и не было проточной пресной воды. В таком безнадёжном виде оставалось это дело до 1854 года. В это время прибыл в Ейск Санкт-Петербургский Потомственный почётный гражданин Николай Степанов, занимавшийся до того торговыми делами с Англией.

Объявив по г. Ейску купеческий 2-й гильдии капитал, он занялся покупкою местной овечьей шерсти и стал обрабатывать её для отправки в Англию в таком виде, как её принимают тамошние фабриканты. Он преодолел все трудности, в том числе необученность рабочих. Он приготовил шерсть, погрузил корабль и отправил, но корабль затонул при буре в Черном море/шерсть по случаю войны не была застрахована, и купец понёс большие убытки/. Степанов повторил опыт после войны. Он устроил в 1856 году первую постоянную шерстомойку, где промытая шерсть в количестве 5000 пудов отправлена была в Лондон, где

признана фабрикантами лучше чем шерсть с Ростовских моек. С этого времени Черноморская и Кавказская шерсть, отправляемая прежде за границу как Донская через Ростов, приобрела на рынках Англии своё отдельное значение к общей пользе овцеводов здешнего края. Опыт переняли и в Ейске у страивается огромных размеров шерстомойка одним из известных Ростовских торговых домов, отвергавших ранее эту идею.

Заслуги почётного гражданина Степанова представляю на благосклонное воззрение Вашего Превосходительства и покорнейше прошу о награждении его по усмотрению Вашему в поощрение к дальнейшему действию. Степанов вероисповедования православного, к суду и следствию ни за что не подвергался.

Начальник Портового города Ейск "

Наказной атаман, (Генерал-майор Филипсон), представил материал к награждению Николая Степанова орденом Святого Станислава 3-й степени. Наместник Императора князь Барятинский отметил, что заслуги купца Степанова не принадлежат к тем подвигам, за которые награждают этим орденом, но специальной медали он заслуживает. Торговля шерстью была важна для России, поэтому материал на Степанова был представлен Государю. Александр П. 24 октября 1857 года подписал Указ о награждении Степанова специальной серебряной медалью с надписью "За усердие" и в порядке исключения, для поощрения подобных инициатив, разрешил её ношение на шее на ленте ордена Святого Станислава.

Не отставали от Степанова и другие жители молодого города. Наладили работу кирпичных заводов и поставляли застройщикам отменный кирпич: Моисей Марасин, Григорий Сафонов, Константин Дранка, Корней Киченок, Яков Киченко, Василий Мокрозов, Игнат Катригин, Тихон Шевцов, Савелий Бойко, Григорий Бондаренко, Анна Гончарова, Яков Щербаков.

Открыли салотопки и готовили к отправке за границу первоклассный жир Емельян Бахмет, Елиферий Бахмет и Николай Папалтиматиди.

Работали кожзаводы Тараса Передерия и В. Пестелева, клейзавод Павла Ершова, кузницы Харлама Гончарова, Аксентия Бандуренко, Ивана Чекаданова.

Ловили своими крыльями свежий морской ветер и наполняли мешки и сусеки пахучей кубанской мукой мельницы Герасима Гончарова, Алексея Малины, Фомы Дмитриенка, Никиты Корнилова, Бориса Ефремова, Евдокима Некрасова, Григория Киселева, Андрея Бута, Петра Гаврыгина, Карпа Стрижакова, Ивана Мальцева, Дмитрия Дмитренка, Данила Семенистого.

Снабжали горожан строительным лесом лесные биржи Тимофея Кирилова, Козлова, Федюнина, Матвея Грибанова, Василия Колегаева, Афанасия Долгова, Петра Лахнова.

Гостеприимно распахнули ворота постоянные дворы Евдокима Плахотникова, Петра Варухи и Николая Веретенникова.

А отставной унтер-офицер Александр Кондратов с братом Ильей открыли первую в городе баню. Жизнь входила в привычную колею небольшого провинциального города.

Ейчане-первопроходцы.

Город энергично строился. Почти каждый день прибывали переселенцы. Запыленные, усталые, под скрип телег и возов, всевозможных конструкций, как к берегу земли обетованной, прибывались они к валам несостоявшейся крепости. Разбив временное жилье, семья устраивалась на ночлег и засыпала крепким сном праведника, достигшего заветной цели.

Утро дарило им неизведанную ранее свежесть приморского края и странные необычные крики белоснежных морских птиц. День был полон тревог, надежд и

бесконечных дел.

В большинстве это были крестьяне, реже купцы и мещане других городов обширной Российской империи. Покинув обжитые места, не принёсшие счастья и успеха в жизни, они с надеждой на лучшее будущее до седьмого пота трудились на своих участках, создавая привычный для нас облик родного Ейска.

Любовь и прилежание, с которыми наши предки трудились над созданием своих жилищ, причалов, магазинов и храмов, не давали оснований даже предположить, что менее чем через век их обезумевшие потомки с энтузиазмом, достойным лучшего применения, повергнут в прах памятники российского зодчества - храмы, очаги древней отечественной культуры, только своей росписью, талантом певческих хоров и эстетикой архитектурных форм способных заронить в душу человека бесценные зёрна добра и благородства, милосердия и человечности.

Разве утро города предвещало, что потомки запашут их могилы и поставят на них безликие пятиэтажки, забыв не только первооткрывателей города, но и горожан, тысячами уложенных сюда в памятный 1933 год.

Объективности ради надо подчеркнуть, что большинство ейчан, коренных жителей города, не поддались этому безумию и предприняли ряд попыток остановить вандализм. Но экстремистски настроенные, чуждые городу люди, прикрываясь псевдореволюционными лозунгами и используя власть, подавили разумное большинство и сделали своё чёрное дело.

Разве могли предположить архитекторы города из плеяды таких, как Иван Жуковский и Хлебников, что их последователи позволят облепить прекрасный памятник ушедшей в прошлое архитектуры - здание нынешней школы № 2 - уродливыми сарайчиками и кла-

довками.

По "смелым" замыслам людей чуждых и безразличных к истории города решительно стирается исторический центр города в угоду разрастающемуся санаторию. В то время как это прекрасное и нужное лечебное заведение, восстановившее здоровье многим людям само просится в место менее шумное и беспокойное, чем центр города, в место с видом на море или лиман со свежим морским воздухом, с возможностью уйти от сутолоки • городской жизни. Конечно же речь идёт не о переносе комплекса, а о развитии его новой территории где-нибудь в районе Зелёной рощи или грязевых источников Ханского озера. Но эти проблемы решать грядущим поколениям. Я же предлагаю отдать должное памяти первопроходцев нашего города, заложивших его основу и в меру сил украшавших его -

Горбатко Семена Тарасовича и **Анисима Михайловича** из вольноотпущенных крестьян Курской губернии, слободы Новой Бесчинки Новооскольского уезда;

- Норенко Ефима Ивановича из крестьян тех же мест, но слободы Новофёдоровки;
- Волика Герасима Николаевича из государственных крестьян Таврической губернии Мелитопольского округа, Терненской волости слободы Троицкой;
- Раева Ивана Васильевича из вольноотпущенных крестьян войска Донского генерал-лейтенанта Карпова;
- Страмоуса Афанасия Андреевича из крестьян Екатеринославской губернии;
- Суханова Федора Васильевича из госкрестьян Ставропольской губернии Новопокровской волости села Новопавловка;
- Бойко Андрея Кузьмича из госкрестьян Ставропольской губернии;
- Светличного Макара Петровича из госкрестьян Ставропольской губернии села Белая Глина;

- Анохина Михаила Никифоровича из госкрестьян Ставропольской губернии села Белая Глина;
- Падалка Порфирия Григорьевича из вольноотпущенных крестьян;
- Бельцова Терентия Ивановича с семейством в 6 мужских и 4 женского пола душах;
- Кваша Василия и Ивана Алексеевичей из вольноотпущенных крестьян помещицы майорши Мухановой Харьковской губернии;
- Сологуб Терентия Кононовича из купцов 3 гильдии Харьковской губернии города Старобельска;
- Булаткина Ефима Радионовича купца 3-й гильдии из г. Зарайска Рязанской губернии;
- Ветрова Аврама Васильевича из вольноотпущенных крестьян помещиков Ребиндер Курской губернии Белгородского уезда;
- Плахтеевых Сергея Федоровича и Егора Ивановича из вольноотпущенных крестьян тех же помещиков Ребиндер, а также многих и многих других, зачисленных в жители города после первых 19 семейств. Все без исключения они были смелыми и решительными людьми, шагнувшими в неизвестность в расчёте на то, что их трудолюбие и житейский опыт не подведут.

Город в межевом кольце.

Как отмечалось выше, временно исполнявший обязанности начальник портового города есаул Литевский был плохим защитником интересов горожан.

Ловить рыбу жители города не имели права, обещанный выгон для выпаса скота был не определен. Пользуясь этим, казаки-хуторяне не разрешали выпас скота на хуторских землях. Возникали конфликты.

Реагируя на жалобы жителей города, наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал Рашпиль в апреле 1849 года даёт указание Войсковому Правлению:

"... в 3-м пункте моих указаний от 16 ноября 1848 года "Правила обустройстве и управлении портовым городом Ейск" говорилось об отмежевании тому городу под население и для выгона земли с тем, чтобы местные рыболовные берега оставались во владении Черноморского войска. Ныне по распоряжению господина Командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморье надо отправить старшего землемера Коллежского Ассессора Томашевского в портовый город Ейск и дать ему человека от войска для помощи и наблюдения. Предписать Временному Начальнику портового города Ейск есаулу Литевскому распорядиться назначить депутатов со стороны города Ейска при действиях землемера. А рыболовных берегов, принадлежащих Войску, не трогать".

На основе этого распоряжения генерала Рашпиля Войсковое правление дает указание в станицу Уманскую начальнику Ейского округа есаулу Бабченко лично организовать и провести размежевание. 18 мая Бабченко прибыл в Ейск и нашел там землемера Томашевского занятого внутренней нарезкой городских земель. Договорившись о начале работы, есаул Бабченко начал собирать делегацию Войска численностью 20 понятых из почетных стариков ближайших станиц.

7 июля 1849 года был составлен Акт за № 621 подписанный землемером, представителями города и есаулом Бабченко с двадцатью старыми казаками. Этот документ определял:

1. Оставить Ейскую косу в неприкосновенной собственности войска для рыболовных операций. В качестве межи у основания косы пронести поперечную черту от моря до лимана, а до бухты Литевской прорезать дорогу для нужд порта.

2. Также и по берегу моря и лимана отступить для Войска 175 сажень, оставив место для водопоя скота у лимана шириной 100 сажень между хуторами Ейского

подселка сотника Кольбикова и казака Клименко на балке, называемой Губина.

3. Отрезать земли под выгон для города на юго-восток, юг и юго-запад с выставлением межевых знаков."

Земли под выгон ейчане получили, а за выход к морю и лиману, за право на места для рыбной ловли предстояла еще борьба.

Однако, некоторые жители города, уплатив определенные сборы в казну казачьего войскового Правления, занимались уже рыбным промыслом. В отчёте Ейского окружного сыскного Начальника за 1849 год перечислены лица, занимавшиеся ловлей рыбы на Ейской косе. Среди представителей казачества -Посполитаки, Назарова, Литевского, Кольбикова, Буханки, Морквы, Кривцова, Ступицы, Малого, Лобаса и Белого впервые появляются имена "иностранцев": капитана Зонаревского и мещан Кондрата Рыбалки, Игната Курина, Ивана Тараненко и Якова Никитина. Это от них пошла рыбная торговля в городе. Они основатели того места в Ейске, куда в былые времена свозили свою продукцию рыбаки - Рыбной площади (ныне Первомайской). На долгие годы в городе установится традиция, по которой домашние хозяйки утром пораньше устремлялись на эту площадь, где с возов шла бойкая торговля богатейшими дарами Азовского моря: красная рыба и чёрная икра, рыбец и барабуля, судак и тарань, лещ и сазан, бычки, хамса, тюлька... Живым серебром переливалось, трепетало, казалось неисчерпаемым уникальное богатство одного из уникальнейших бассейнов в мире. При разумном и заботливом ведении этого хозяйства, сохранении условий нереста и развития всех рыбных пород наши кубанские естественные водоёмы ещё и сейчас смогли бы обеспечить не только хороший рыбный стол, но и валютные доходы, позволяющие закупать не только рис.

Князь Голицын.

В августе 1849 года к исполнению должности начальника портового города Ейск приступил представитель старинного дворянского рода России полковник князь Александр Сергеевич Голицын. Родился он в 1807 году в родовом имении в Касимовском уезде Рязанской области. Родители имели каменный дом в Москве, где и проводили большую часть своей жизни. Александр воспитывался в Императорском Царскосельском лицее. 19-ти летний прапорщик в 1826 году начал службу в Лейб гвардии конной артиллерии. Молодой офицер вскоре отличился при осаде Варны в 1828 году. За храбрость и отличие в боях имел ряд наград: кавалер орденов Св. Анны 2-ой и 4-й степеней Св. Станислава 2-ой степени и Св. Георгия 4-го класса, золотую саблю с надписью "за храбрость" и многие медали.

В 1842 году Голицын - полковник. Служит в Закавказье. Кроме участия в боевых Действиях он выполняет ряд ответственных поручений Светлейшего князя Воронцова по строительству Военно-Имеретинской и Мингрельской дорог, устраивает ряд почтовых дворов и казачьих постов на этих дорогах.

Учитывая высокие организаторские способности Александра Сергеевича, Воронцов в марте 1849 года предложил ему должность Начальника портового города Ейск. Вскоре 42-х летний князь Голицын с личным поручением Воронцова прибыл в Ейск и с головой окупился в дела и заботы молодого города.

Замена начальника для жителей города была долгожданной. В лице князя город и его жители нашли независимого защитника во взаимоотношениях с высшими начальниками.

Высокая требовательность, неподкупность, принципиальность и хорошее знание жизни были надежным подспорьем в его трудах на благо города. Был он прост

в общении с людьми, не избегал трудных дел и ответственных решений, крестил детей ейчан и заботился о их благополучии. Александр Сергеевич использовал свои обширные связи и возможности для обеспечения строительства в городе необходимыми материалами.

4-го сентября 1851 года он получил новое назначение в Отдельный Кавказский корпус и в декабре ему было присвоено звание генерал-майор. Начальником в город был назначен и прибыл в августе 1852 года новый офицер, также подобранный на эту должность Воронцовым - полковник Чередеев.

Князь Голицын при всяком удобном случае посещал город, которому отдал часть своей энергии и души. В августе-сентябре 1852 года Александр Сергеевич передавал должность полковнику Чередееву.

9-го сентября он был зван на крестины и вместе с Марией Григорьевной Чередеевой (женой нового начальника города)

крестил сына Захара у Светличных Андрея Ефимовича и Евдокии Тимофеевны. Женат Голицын был на фрейлине Двора Её Императорского Величества дочери генерал-лейтенанта Каблукова Ирине Владимировне. Детей не имел.

Войсковой старшина Посполитаки.

За полноту власти и признание её Голицыну с первых дней пришлось вести борьбу. Отставной войсковой старшина Посполитаки, имевший в городе и на косе значительные коммерческие интересы, не признавал всерьёз временного начальника города есаула Литевского. Первая стычка с Голицыным убедила его в том, что в городе появился начальник, с которым приходилось считаться.

О личности Посполитаки следует сказать особо. В казачьей среде он выдвинулся своими незаурядными способностями. Изучив богатейший Кубанский край, он

понял, что в седле и в походах казацкой службы многого не достигнешь. При первой же возможности командир 4-го конного полка Черноморского казачьего войска Посполитаки был уволен "за выслугу узаконенных лет" приказом № 47 от июня 6-го дня 1847 года. С этого времени блестящий организатор любого интересного для него дела, предприниматель по призванию, с головой окунулся в мир коммерции и созидания. Откуп на рыбные ловли, строительство домов, магазинов и лавок, организация почтовых станций и много других нужных и полезных дел помнит Кубань в его активе. В Екатеринодаре он был настолько известен, а заслуги таковы, что та его честь одна из центральных улиц была названа Посполитакинской.

С нашим городом Посполитаки был крепко связан. Он добился разрешения закрепить за ним 22 "пустопорожних" места для постройки домов лавок и магазинов. На Ейской косе он владел одним из своих многочисленных рыбных заводов разбросанных на побережье Азовского моря в пределах территории казачьего войска. Кроме этого он построил почтовую станцию для города.

Жалобы Посполитаки на Голицына в адрес князя Воронцова и Наказного атамана были порождены, конечно же, столкновением двух энергичных характеров. Казак, известный в войске человек, чувствовавший себя хозяином во всех уголках войсковой земли, в городе Ейске вынужден был подчиняться городской власти. Проверки не подтвердили обоснованности жалоб. И наказной атаман генерал Рашпиль, которому начальник портового города, в свою очередь, жаловался на "...столь противузаконные и неприятные действия доносителя..." принял все меры, чтобы погасить этот конфликт.

Открытие почтового отделения.

Какова в ту пору была городская связь? С чего она

начиналась? Эти вопросы не только для любознательных. Здесь можно проследить динамику социального прогресса, вклад предшествующих поколений в становление и развитие города.

Это наша живая и реальная история. Шёл первый год в жизни города - год 1849-й. Город стоял в строительных лесах, все светлое время кипела напряженная созидательная работа, исключительно остро ощущалась потребность в строительных материалах и инструментах, на вес золота ценился кирпич, строительный лес, стекло, гвозди, а к ним врасхват шли топоры, пилы, лопаты, молотки и другие инструменты. Нужна была бойкая торговля, а это, в первую очередь, деловые связи, обширная переписка.

Стремительно росла численность населения. К исходу 1849 года в городе насчитывалось 2680 душ, а через год, к концу 1850 года - 5137. Но это только в черте города, а за чертой, за валом старой крепости, там, где впоследствии возник Форштадт, шумел, жил своей жизнью еще один безымянный город, город шатров, палаток и землянок, город претендентов на право быть зачисленными в городское сословие Ейска.

Здесь 7300 душ государственных крестьян из Оренбургской, Саратовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской губерний ожидали поступления установленных для прописки документов /численность дана на конец 1850 г./Только при их получении начальник портового города имел право причислить семью переселенца в городские жители и отвести место под постройку дома. С надеждой провожали взором эти люди каждую карету, следующую в город, она могла везти долгожданные бумаги. В городе своего почтового отделения еще не было, пользовались услугами ближайшего Щербиновского почтового отделения, нужна была регулярная почтовая связь строящегося города с обжитыми областями страны и с

заграницей.

Начальник портового города полковник Голицын, принявший должность в 1849 году, ставил этот вопрос перед Войсковым Правлением в Екатеринодаре. Заметный толчок к его решению дала записка влиятельного отставного войскового старшины Посполитаки на имя наместника князя Воронцова. Он предлагал свои услуги по открытию и содержанию необходимых почтовых станций для почтового отделения в Ейске.

Управляющий почтовой частью на Кавказе и за Кавказом действительный статский советник Лазаревич, получив указание Наместника по этому вопросу, докладывал ему:

"Директор канцелярии Вашего Сиятельства отношением от 26 марта за № 282 уведомил меня о предполагаемом открытии Почтового отделения в г. Ейске по случаю открытия там портового города. Я полагал бы предполагаемое в Ейске почтовое отделение для приема и отправления корреспонденции казенной и частной, как денежной, так и простой открыть по представленному при сем штату, составленному по примеру Щербиновского Почтового Отделения. Докладываю, что на первоначальное обзаведение Ейского Отделения нужно будет употребить по бывшим примерам 50руб серебром из почтовых доходов по смете Государственного казначейства".

К донесению был приложен и штат.

"Штат Ейского почтового Отделения.

Письмоводитель 1 - 107руб. 14 коп. Почтальонов 2 - 51 руб. 48 коп. На сторожа и канцрасходы. -100 руб".

Получив и утвердив эти предложения, Наместник 30 мая 1849 года дает указание: "...а для устранения встречаемого затруднения в проезде туда /в Ейск/ открыть почтовые станции: одну в самом Ейске, а другую - на половине дороги между Ейском и Щерби-

новскою".

Энергичный Посполитаки выполнил это указание ещё в апреле, получив разрешающий ответ на свою записку. Он организовал работу двух почтовых станций на 6 троек каждая. Одна из них располагалась в Ейске, а другая - в 18 верстах от города на берегу Ейского лимана, напротив нынешнего поселка Щербиновский. Наблюдательный путник, подъезжая к совхозу "Щербиновскому" из Ейска, на 18-м километре слева от шоссе, заметит каменный мост старинной постройки через непроходимую в распутицу Кузову балку. Этот мост стоял на почтовом тракте недалеко от почтовой станции.

Осенью 1849 года управляющий почтовой частью на Кавказе рапортовал князю Воронцову: "Я сделал немедленное распоряжение об открытии в Ейске Почтового Отделения по утвержденному штату. Помощник мой на Кавказе доносит, что для открытия в Ейске Почтового Отделения назначен на должность письмоводителя станционный смотритель Фесенко, изготовлен штемпель, печать и клеймо".

Вскоре он же рапортом от 12 января 1850 года доносил: "Фесенко прибыл в Ейск 14 декабря, на другой день открыл Почтовое отделение, о чём и донёс князю Голицыну".

Таким образом, дата основания первого почтового учреждения в Ейске - 15 декабря 1849 года. Генеральным планом города было определено место для почты и почтовой станции. Это была большая площадь, заключённая внутри улиц Михайловской, (К. Либкнехта), Керченской, (Советов), Степановской, (Энгельса) и Бердянской. Посполитаки добился выделения в городе целого ряда мест для строительства домов. В числе облюбованных им уголков в городе было и место для почтовой станции, где он успел в 1849 году поставить дом, который с приездом станционного смотрителя Фесенко был

и предложен ему для почты. Этим и можно объяснить то, что Фесенко 14 декабря прибыл в Ейск, а 15-го уже открыл почтовое отделение. Но у Посполитаки к этому времени уже был большой опыт по организации и содержанию почтовых станций на Кубани, и он понимал, что держать станцию в центре города неудобно. Поэтому он и построил настоящую почтовую станцию за пределами города на городских землях для выгона скота, где-то в районе современного горпищекомбината. Основным сооружением на почтовой станции был добротный пятиконный дом, состоявший из двух половин. Одна была предназначена для размещения приезжающих, а другая для отдыха ямщиков. Во дворе стояла конюшня на два десятка лошадей и ряд подсобных построек. Для лошадей нужен был выпас и сенокосные угодья, которые значительно сокращали размеры и без того небольших выгонных городских земель. А Посполитаки требовал выделения из городского выгона $3/4$ квадратной версты на выпас и 65 десятин под сенокос.

Когда в августе 1849 года в должность начальника портового города вступил прибывший в Ейск князь Голицин, одной из главных жалоб горожан была жалоба на самоуправство Посполитаки, занявшего под угодья для станции выгонные земли города. Переговоры князя с Посполитаки, которого поддерживало Войсковое правительство, не привели к согласию. Войсковой старшина вёл себя с князем, как и с есаулом Литевским, более чем независимо, а скорее всего высокомерно. Вот здесь и столкнулись два характера. Полковник Голицин через городское полицейское Управление арестовал лошадей и выставил счёт Посполитаки за потраву выгона, а так же штраф по 15 копеек за каждую квадратную сажень самовольной застройки на выгоне. Прибывшие из Екатеринодара войсковые чины признали справедливость требований Голицина и выработали совместное решение, по которому станцию оставили на месте, а земли

для выпаса и сенокоса для почтовой станции выделили из войсковых земель сразу же за пределами городского выгона. Что значили для городского общества выгонные земли, можно понять из того, что почти в каждом дворе ейчанина была корова и лошадь, а подчас и не одна. Судьбу почтовой станции решили трагические события 1855 года, когда в ходе бомбардировки города английской эскадрой станция была полностью сожжена и впоследствии была выстроена на отведённых ей войсковых землях. Так и работала почта до постройки железной дороги: дежурная тройка привозила почту в город в почтовое отделение, а затем возвращалась на станцию для отдыха и подготовки к следующему выезду.

Что можно ещё сказать о почте первых лет жизни города? Активным помощником почтмейстера города Фесенко стал ейчанин - первый почтальон города 18-летний юноша Дрозжин Спиридон Тимофеевич. Он и погиб на своём посту почтальона в дни осады города английской эскадрой. Умер он в возрасте 23-х лет от горячки 10-го августа 1855 года, когда кроме вражеской блокады на город обрушилась другая беда - холера.

Пристани Ейска.

Город возник как портовый. Давайте проследим за тем, как развивался порт. На этапе обследования побережья и Ейской косы все сходились на мнении, что пристани порта следует размещать на оконечности косы, у бухты Литевского. Во-первых, там было более глубокое место, обеспечивающее наиболее близкий подход судов к берегу, а значит и более короткую пристань. Во-вторых, бухта Литевского уже на практике многих поколений мореходов надёжно укрывала корабли во время штормов и служила хорошей зимней стоянкой." По свидетельству зимующих здесь моряков подобной бухты нет на всём Азовском море," - писал в рапорте атаману

Рашпилю капитан Фалькенгаген в январе 1847 года, после обследования косы.

Такого же мнения был и командир лоц-шхуны "Секстант" поручик Трифанов.

Но наиболее объективную проверку любой идеи даёт практика. А на практике грузы необходимо было везти 7 вёрст по косе. Коса же в своей узкой части на протяжении 3-х вёрст при нагонных ветрах покрывалась водой. Сама дорога по ракушечной косе была весьма ребриста и неудобна для гужевого транспорта. Надо было искать более удобный вариант размещения пристани.

Пристани ещё не было, но в навигации 1849 года к Ейску уже потянулись суда с товарами. За год отмечены прибытие и разгрузка 35 судов. Из них пароход "Таганрог" совершил 28 рейсов. Погрузка и разгрузка товаров проводилась без пристани, с помощью больших лодок.

Воронцов торопил с постройкой пристани, 12 апреля 1849 года генерал Заводовский из Ставрополя пишет атаману Рашпилю, требуя как можно скорее выслать проект и смету на одну или две пристани для рассмотрения Наместником.

Князь Голицын, приняв в августе 1849 года должность начальника города убедился, что к решению задачи постройки пристаней никто не приступал. Александр Сергеевич хорошо помнил последнюю перед отъездом в Ейск аудиенцию у Светлейшего, который находился в это время в Ставрополе у Командующего войсками на Кавказской линии генерала Заводовского.

В начале беседы Михаил Семенович протянул ему несколько типографских листов озаглавленных: "Правила для Устройства и управления г. Ейска" утвержденные Наместником 24 сентября 1848 года. На открытой Воронцовым странице среди обязанностей Начальника города синим карандашом жирно был подчёркнут один пункт: "Попечение о содержании в исправности порта".

Прибыв в Ейск, Голицын изучил два проекта и сме-

ты на строительство пристаней, составленные архитектором Жуковским и направил их Рашпилю, ему же он писал: "...князь Наместник изволил поручить мне заняться постройкой этих пристаней по чертежам... для чего прошу отпустить взаимобразно из войсковых сумм Черноморского казачьего войска, на счёт -будущих доходов города тысячу рублей серебром..."

В первых числах августа, вскоре после прибытия в Ейск Голицын с архитектором города и другими специалистами выехал на косу, к рыбным заводам Посполитаки. Здесь он внимательно выслушал пояснения Жуковского, развернувшего свой проект пристани. Наблюдая за разгрузкой парохода "Таганрог", который раскачивался на небольшой волне, князь ещё раз убедился в том, что портом это место можно будет назвать только тогда, когда будет установлена первая пристань. Рабочие руки в городе уже были, нужны были деньги и специальный сосновый /и только сосновый/ лес. Это стало одной из главных забот в его деятельности. Жуковский доложил Александру Сергеевичу, что в конце мая им был организован промер глубин побережья в лимане от бухты Литевского и до балки Широкой вначале шестом с лодок, а затем и нанятым рыбаком, который прошел этот путь пешком по воде, отмечая линию глубин в пять фут /150 см./ Колеблясь, эта линия проходила в 50-250 саженьях, от берега и только здесь в трёх верстах от города она подходила на расстояние 25-30 сажень. Здесь и решено было ставить первую пристань. .

Летом 1850 года в трёх верстах от города была построена и начала работать первая временная деревянная пристань на козлах, длиною в 37 сажень. Где было это место? Граница города в ту пору проходила по земляному валу, примерно по линии улицы Бердянской. Если сейчас ехать от Бердянской по Первомайской (Николаевской) по кратчайшей дороге на косу, то три версты закончатся у нынешнего ресторана "Парус", то есть при-

мерно на конце современной косы. Здесь и была первая пристань Ейского порта.

В отчёте за 1850 год Голицын сообщал, что в навигации 1850 года эта пристань обслужила 89 судов, из них три больших морских российских и один иностранный. Товаров привезено на 30726 руб. и вывезено на 41800 руб.

Строительство пристани велось рядом с рыбными заводами известного на Кубани казачьего коммерсанта Посполитаки. Его брат Дмитрий управляющий этими заводами загорелся желанием построить свою частную пристань. Получив отказ у Голицина, он выехал в Екатеринодар к атаману Рашпилю и привёз письмо, в котором Рашпиль рекомендовал разрешить строительство. Голицын после консультации с Наместником не разрешил и просил атамана оставить за портовым городом монополию на пристани.

10-го марта 1851 года сильный порывистый ветер погнал массы льда с моря в лиман под самый берег и подорвал несколько козел пристани, а в ночь на 11-е при повороте ветра лёд оторвал часть пристани и унёс её в лиман на 2 версты. Сам Голицын с Жуковским организовали работы по доставке оторвавшейся части пристани к берегу.

Жители города принимали активное участие в этих аварийных работах. На баркасах, цепями и верёвками притащили оторвавшуюся часть к берегу. Вся пристань была разобрана и сложена на берегу.

Отчёт о стоимости восстановительных работ князь Голицын представил в Екатеринодар и при этом сообщил, что летом 1851 года в Ейске проездом в Крым был князь Воронцов. Он осмотрел город, пристань и отправился дальше пароходом "Эльбрус". Для погрузки его карет на пароход была устроена со стороны моря малая временная пристань. Погрузка с этой пристани понаправилась и Воронцову и Голицыну. Это укрепило по-

зиции сторонников устройства пристани в море.

Несколько лет продолжалась борьба мнений о наиболее выгодном месте пристани. По просьбе князя Воронцова в Ейск был командирован специалист по портовым сооружениям Черноморского флота капитан-лейтенант Савинич. Он был сторонником пристани на сваях и даже двух пристаней рядом, образующих небольшую гавань. К концу 1852 года в решение этих вопросов был вовлечён начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков. Он был твёрдо убеждён, что пристани следует строить в бухте Литевского.

Окончательное решение принял Михаил Семенович Воронцов. В предписании генералу Заводовскому от 17 апреля 1853 года № 1293 он писал:

"Рассмотрев все бумаги, планы и сметы, присланные мне Вашим Высокопревосходительством от 17 и 24 марта сего года по предмету постройки пристани в г. Ейске, я разрешаю, согласно представлению Вашему, Милостивый Государь, устроить эту пристань по утверждённому мною и при сём возвращаемой смете и проекту, в 100 сажень длины и 4 сажени ширины с площадкою в вершине в 10 сажень, на козлах в том месте в Ейском лимане, где предполагают её полковники Чередеев и Кухаренко... но вместе с тем я желал бы, чтобы построена была и другая пристань на оконечности Ейской косы."

Осенью 1854 года новая пристань была готова и начала пробную работу. Официальный приём в эксплуатацию состоялся в ноябре. Вот как докладывал об этом начальник города полковник Чередеев Наказному атаману генерал-майору Кухаренко 23 ноября 1853 года: *"...устроенная в Ейском лимане согласно повелению князя Наместника Кавказского пристань на козлах в 100 сажень длины и 4 сажени ширины с площадкою в вершине 10 сажень была освидетельствована 23 числа но-*

ября через прибывшего в г. Ейск Черноморского Войскового архитектора инженера подпоручика Петренко и по удостоверению его в представленном мне затем свидетельстве, найдена во всех частях прочною и в самом лучшем виде...". На строительство второй пристани у бухты Литевского взял подряд второй гильдии купец из Бердянска Мордко Гурарий, но не смог найти соснового леса, а из елового строить пристань запретила строительная комиссия Войска. А в феврале 1855 года в связи с объявленной блокадой Азовских портов России в ходе Крымской кампании было решено воздержаться и с постройкой, и с выставлением уже существующей пристани. 26 февраля 1855 года Чередеев рапортовал генералу Кухаренко: "...г. Ейск в числе прочих Азовских портов объявлен неприятелем состоящим с 1 числа настоящего февраля в блокаде, то я полагал бы постройку новой и установку старой пристаней отложить до благоприятнейшего времени..."

По окончании Крымской войны вопрос о пристанях у бухты Литевского больше не поднимался, а старую пристань в лимане было разрешено установить 19 августа 1856 года.

Этот год интересен ещё и тем, что в первый раз городской голова и городская ратуша активно участвуют в делах порта. Городской голова Мордовцев сообщил полковнику Чередееву, что он организует при ратуше торги на право работ по разборке, хранению и установке пристани. Официальные торги состоялись в городской ратуше 4 октября 1856 года. В них участвовали ейские мещане: Яков Щубин, Моисей Рожков и Назар Крутских. Казна на эти работы выделяла 588 рублей, а на торгах менее чем за 1500 рублей подряд никто не брал. 8 октября состоялась переторжка, в ходе которой Рожков и Крутских отказались, а Яков Щубин взялся работать за 1500 рублей. В октябре этого же года полковник Чередеев просил генерала Кухаренко разрешить

ему уменьшить в 1857 году пристань до 50 сажень и в виде опыта из оставшегося материала сделать 30 саженную пристань в море напротив пристани лиманной. Глубина бы у новой пристани была не менее двух аршин, что позволило бы принимать суда с более глубокой осадкой. Это предложение было утверждено наместником князем Барятинским. Результаты превзошли все ожидания. Суда охотнее швартовались у новой пристани.

В 1858 году успешнее для городской казны прошли торги на выполнение работ по установке, обслуживанию, разборке и хранению пристаней. Торги состоялись 28 февраля и 4 марта в ратуше. Купец Редовский, брат бургомистра города, за 450 рублей взял подряд на морскую пристань, а мещанин Головатый - за 455 рублей на лиманскую.

В мае 1858 года наместник окончательно утвердил эти две пристани Ейского порта.

Городское руководство, начало изучение возможностей приближения порта и его сооружений к городу. Для солидного порта нужны были крупные денежные вложения. Город начал копить на это деньги. Существенную помощь городу в деле накопления средств на строительство порта оказал наместник Кавказский князь Барятинский. Он просил Кавказский комитет об установлении в Ейске на 10 лет полукопеечного попудного сбора с товаров на устройство и содержание пристаней.

Отношением Кавказского комитета от 4 апреля 1859 года № 383 в Ейске был установлен сбор с привозимых и отвозимых товаров по пол-копейки с пуда на 10 лет. Началось накопление средств на строительство современного порта.

Таможня.

Порт без таможни работать не может. Поэтому в

Указе об учреждении на Азовском море порта и города Ейска пункт восьмой требовал: "С открытием Ейского порта, учредить при оном по прилагаемому штату особую таможенную заставу на тех же правах, кои представлены Таможенной заставе, учрежденной в Ростове на Дону, дозволив ей очищать пошлиною Российские произведения, перевозимые в другие Российские и иностранные порты, а из иностранных товаров принимать только те, кои очищены пошлиною в других Российских таможнях."

В штате заставы числилось: надзиратель с годовым окладом 142 р. 88коп., один чиновник и один писец, а также 10 надсмотрщиков с годовым окладом 71 руб. 48 коп. серебром.

Уже в мае 1848 года из Кавказского Комитета сообщили, что Государь повелел подчинить Ейскую таможенную заставу Наказному атаману на правах таможенного округа, под главным ведением Наместника Кавказского.

Князь Воронцов поручил Начальнику Закавказского Карантинно-таможенного округа Михаилу Ивановичу Жеребцову подобрать опытного работника на должность Надзирателя Ейской таможенной заставы.

На эту должность 14 июня 1849 года был назначен титулярный советник Александр Дмитриевич Трандафилов из Бердянска. Он прибыл в Ейск в июне, когда Литевский, извещенный о скором прибытии князя Голицына, уже совсем устранился от порядком надоевших городских дел. Трандафилов не найдя поддержки, ждал прибытия князя. Но и князь Голицын, на которого свалилась лавина неотложных дел не уделил ему должного внимания. Трандафилов 23 августа 1849 года оставил Голицыну докладную записку и, не вступая в должность, уехал в Бердянск.

В записке он жаловался, что не смог отыскать в

Ейске места, где он смог бы сам расположиться, не говоря уже о таможене, просил принять меры по изготовлению временной пристани. Он также просил нанять для таможни дом есаула Кривцева, который уже заканчивался строительством и находился ближе всех к месту будущей пристани.

Когда об этом узнал Воронцов уже в ноябре 1849 года, он отдал распоряжение о материальной поддержке организуемой таможни и выплате жалования Трандафилову с июня 1849 года. А заодно и Трандафилову приказал без разрешения не отлучаться из Ейска и заниматься делами по открытию заставы.

Подобрав и обучив штатных сотрудников таможни, оборудовав помещение, Александр Трандафилов личным рапортом князю Воронцову от 26 февраля 1850 года доложил о готовности заставы к работе. А 7 июня 1851 года Трандафилов писал Наказному атаману Рашпилю: "Ваше Превосходительство,

Зная сколько Ваше Превосходительство изволите принимать участия в судьбе юного Ейска, я считаю приятным долгом довести до Вашего сведения, что независимо от быстрого развития строительной части и народонаселения, Ейск вступил на поприще торговой деятельности, - главного ручательства за его будущее благоденствие. До сих пор прибыло из-за границы 5 кораблей, в числе коих 3 было с товарами. По 1 июня очищено пошлиною товаров на 21333 рубля 88 коп. и поступило таможенных сборов 3031 рубль..." »

Уже первые месяцы работы порта и таможни свидетельствовали о том, что главным недостатком был запрет на обработку заставой иностранных товаров. Трандафилов добивался расширения штата заставы и перечня товаров разрешенных к очистке таможней. После длительной переписки с участием Наместника, в апреле 1853 года по Высочайшему повелению было разрешено Ейской таможенной заставе очищать ино-

странные товары, за исключением табака, масла прованского, кофе и сахара, как товаров не подлежащих клеймению. Это разрешение было дано по 15 декабря 1855 г.

Купечество Ейска настойчиво добивалось разрешения и на весьма выгодные в торговле табак, сахар, кофе и масло прованское. Удобный случай вскоре представился. Новый Наместник Кавказский, князь Барятинский, в 1857 году с рабочим визитом был в Екатеринодаре, где принял и депутацию ейских купцов, которую возглавлял купец 1 -ой гильдии Григорий Капораки. Князь обещал добиться открытия таможни 1-го класса, принимающей все товары.

Купцы поспешили заказывать за границей интересные их товары. В мае 1858 года к причалу Ейского порта привёл свой корабль "Божья Матерь" шкипер Савва Попандопуло с грузом турецкого табака для купца Капораки, а шкипер Андрей Сахтура на судне "Солон" привёз масло. Однако, не имея разрешения, таможенная застава вынуждена была отправить эти товары в Керчь, к таможне, которая имела право обрабатывать эти товары. Разрешение на обработку их Ейский порт не получил, но очищать другие иностранные товары заставе было представлено уже не временное, а постоянное право.

Титулярный советник Александр Дмитриевич Трандафилов прибыл в Ейск не только со своим семейством, но и устроил в городе семью своего брата Ивана Дмитриевича.

Супруга Трандафилова Евфимия Матвеевна отличалась, нравом весёлым и общительным. С удовольствием крестила детей ейчан, участвовала в благотворительных вечерах, городских лотереях, семейных праздниках новых знакомых и друзей. Непросто складывались отношения Трандафилова с Голицыным. Самостоятельность

и зависимость таможенного ведомства от узкого круга лиц и неподотчетность их местным властям привели к ряду конфликтов. Немалой тому виной была и инструкция Наместника, обязывающая начальника Портового города Ейска заниматься делами таможни.

С большим тактом, не задевая самолюбия сторон, генерал Рашпиль и князь Воронцов сумели наладить хорошие деловые отношения между этими способными и деятельными людьми.

Первая годовщина города.

Каким же был город спустя год после того, как в эту землю была вбита первая веха землемерской межи? На этот вопрос наиболее исчерпывающий ответ дают два документа. История их появления такова.

В конце 1849 года наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал Григорий Антонович Рашпиль проводил "личное обозрение" станиц и прочих населённых пунктов подведомого края. Точно по высланному на места графику генерал 31 октября прибыл в Ейск. К рапорту, который представил генералу новый начальник портового города Ейск полковник князь Александр Сергеевич Голицин, была приложена ведомость о состоянии города. Вот основные сведения из ведомости.

Всего жителей 682, из них 304 мужчины и 378 женщин. В том числе мещан - 588 / 258 муж. и 336 жен./, купцов 3-й гильдии - 33 /в их семьях ещё 42 женщины/, штаб-офицеров -1, обер-офицеров - 3, нижних чинов - 4.

В составе полицейской команды: урядник -1, казаков -10.

Доход города - 543 рубля 91 копейка. На содержание канцелярии - 115 рублей.

С 1 июля в порт приходило 34 судна.

Внутри плановых дворов выстроено 4 деревянных флигеля, 66 кухонь из сырцового кирпича, на рынке 15

деревянных торговых лавок, одна ветряная мельница и один питейный дом.

Начаты постройки: деревянный молитвенный дом /церковь/, два обывательских каменных дома, шесть деревянных, два из сырцового кирпича, пятнадцать кухонь, пять деревянных лавок и одна ветряная мельница.

Канцелярия начальника города, полицейское управление и состоящая при нём команда помещались в наёмных обывательских домах.

Сухое официальное сообщение ведомости хорошо дополняет письмо генерала Рашпиля князю М.С. Воронцову от 10 ноября 1849 года:

"Ваше Сиятельство!

1-го числа наступившего ноября я посетил Ейск и с изумлением нашёл жизнь и деятельность на месте недавно мёртвой пустыни. Всё пространство, заключенное в черте обширного старинного окопа, занято или строениями, или складами строительных материалов. На этой обширной площади в полгода явилось до 80 домов и 15 лавок.

...Благодаря неустанному вниманию князя Александра Сергеевича Голицына и похвальному трудолюбию архитектора Жуковского, плановые дома в Ейске возводятся по новейшей городской архитектуре. Самые небольшие домики как нельзя более правильны, благородны, с явственным вкусом. Я позволяю себе быть уверенным, что Ваше Сиятельство, если осчастливите Ейск своим посещением в будущем, то будете иметь квартиру уже не в казачьем посёлке, а в городе.

Остановившиеся в Ейске вольноотпущенные и отставные солдаты - люди без больших денежных средств. А как рабочие люди всегда будут в Ейске и как промышленный труд может доставить большие или меньшие богатства самому бедному работнику. По благословию Кавказского и Черноморского Епархиального Архирея в Ейске возводится и уже оканчива-

ется временный деревянный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Сверх святого имуществва сосудов и вещей, приношений от жителей Таганрога, я нахожусь возможным доставить первому храму Ейска иконостас, оставшийся из давно существовавшего на Ейской косе и разрушенного наводнением молитвенного дом.

С прибытием в Ейск к душевному моему удовольствию я был встречен городскими жителями с русским гостеприимством, они, между прочим, высказали мне настоятельную необходимость пахотной и пастбищной земли для инного, ещё не собравшегося к промышленной жизни города. На этот предмет Войсковое Правление постановило своё собственное определение, которое представлено от меня по команде на разрешение. Не смея обременять внимание Ваше подробностями, я поставляю себе важным и почтительнейшим долгом доложить Вашему Сиятельству только то одно, что до настоящей минуты Ейск является на горизонте Черномории светлой звездой”.

И, конечно же, завершающим аккордом первого года жизни города было открытие храма и первое богослужение в нём. Оно состоялось во временном деревянном храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы. О том, как это было, я предлагаю послушать рассказ очевидца и активного участника этих событий - начальника портового города Ейска князя Александра Сергеевича Голицина, который в преддверии нового, 1850 года послал письмо в Екатеринодар наказному атаману Черноморского казачьего войска генералу Рашилию Г.А.. Вот выдержки из его письма атаману:

“Милостивый государь Григорий Антонович!

Особенно приятным долгом считаю известить Ваше Превосходительство, что благодаря Всевышнему, временная Церковь приведена вчерне к окончанию и что в торжественный праздник день Рождества Христова

в онной имело быть совершено, служение, т.е. вечерня, заутреня и благодарственный Молебен в сей день обыкновенно отправляемый. В сей же день совершено было и водружение Креста на Главе Церкви с особенной к тому духовной церемонией. Я не могу Вам описать истинной Христианской радости, которая произведена была сим неожиданным для всех городских жителей духовным служением. Кажется никто не оставался в домах своих. Звук колокола, огласивший в первый раз до селе пустынное место, двинул всех по какому-то мановению к одной точке. В храме, всё сошлось, всё слилось воедино для принесения усердных и благодарственных молений Всевышнему.

В Храме составилаь одна семья, доселе незнакомая между собой и не бывавшая никогда вместе. Знамение Креста всех соединило. Удивление и радость видеть семейство, составленное в столь короткое время из стольких членов, было написано и вырожалоь на лице каждого. Служение было произведено со всем благоговением и сколько можно было придать великолепия, то всё было сделано по силе нашей. Собранный мною из любителей городских жителей хор певчих, к удивлению всех, стройно огласил свод Храма. Могу смело сказать Вашему Превосходительству, что сим водруженным Крестом духовным город Ейск получал своё начало, своё существование. Как истинный Христианин я, с сим Знамением успокоив свою совесть, твёрдо иду по пути, мне назначенному, и смело уповаю, что всё примет начало самое благодетельное и что мысли и желания нашего доблестного и достойнейшего Начальника князя Михаила Семеновича осуществляются во всей силе. Извольте, Ваше Превосходительство, принести мою благодарность за присланного Вами для поправления Иконостаса Живописца Чернова...

Внутреннюю отделку временной Церкви я буду продолжать по мере должных наших сил и подвозки мате-

риалов.

Долгом считаю о сём событии почтительнейше из-вестить его Преосвященство с принесением чувстви-тельной благодарности от себя и от имени всех граж-дан за разрешение постройки и благословения его, что вероятно доставит Его Преосвященству удовольствие.

Позвольте мне. Ваше Превосходительство, прине-сти Вам моё искреннее поздравление с наступающим Новым Годом, пожелав притом всего лучшего и благо-получного.

Примите уверения в совершенном моём почтении и преданности, коими имею честь быть Вашего Превос-ходительства

***Милостивый государь Покорный слуга
К. А. Голицин г. Ейск. Декабрь 1849 года "***

Уже в конце 1849 года сложился и первый причт первого городского храма: священники Павел Яроше-вич и Василий Розалиев, диаконы Тимофей Колесников и Никита Беляков, дьячки Анатолий Миловидов и Васи-лий Польских.

Следует особо остановиться на личности священни-ка Павла Ярошевича. Его смело можно назвать перво-проходцем, несущим слово Божье в края, где долгое время не было церкви и богослужения. Его жизненным призванием было исправлять и поддерживать нравы не только прихожан, но и самих пастырей православной церкви. Он долгое время был благочинным помощником высших духовных иерархов, блюстителем чистоты и нравственности служителей церкви.

В первой половине XIX века на далёкую оконеч-ность Екатеринославской епархии, на косу получившую наименование Глафиоровской, переселились крестьяне Курской губернии помещика Норицкого. Здесь в 1841 году была сооружена церковь в память иконы "Ахтыр-ской Божьей Матери".

Первым священником прихода стал Павел Яроше-

вич. Он же стал первым священником, освящённой в конце 1849 года церкви "Покрова Святой Богородицы" во вновь учрежденном городе-порте.

Притч второй временной деревянной церкви Михаила-Архангела был рассчитан для службы в будущем Соборе, а пока в одноимённой церкви службу правили: Протоиерей Николай Белюстин, священники Михаил Задонский, Александр Прага и Иоанн Вердеревский, диаконы Андрей Бобринский, Владимир Бенедиктов и пономарь Василий Польских.

Несколько позже уже в Соборе Михаила-Архангела служил священник Тимофей Стефанов, человек высокой культуры, проводивший большую исследовательскую работу по истории, этнографии и культуре города. Он был избран Действительным членом Кубанского областного статистического комитета, опубликовал ряд работ научно-исследовательского характера и издал книгу "Город Ейск в историческом и этнографическом отношениях".

Первые испытания. Бомбардирование Ейска английской эскадрой в ноябре 1855 года.

К середине XIX века Россия упрочила свое положение на Азовском и Черном морях, тесня Османскую империю к югу. Постепенно железные клещи турецкого владычества, едва не сомкнувшиеся вокруг этих двух российских морей, разжимались. Россия последовательно и твердо ликвидировала тяжелые последствия татаро-монгольского нашествия, которое с переходом крымских ханов в вассальную зависимость от Турции, сменилось на не менее дикое и изнурительное турецкое проникновение на север, на земли приазовские и причерноморские.

Прямую помощь и поддержку при этом получили народы, стонавшие под турецким ярмом на Балканах и в Закавказье.

Не завоевателем и поработителем выступал русский солдат. Свобода и независимость Родины утверждалась им. Он нес свободу и гарантии мирного развития для соседних народов, задавленных имперским владычеством Турции. Англия и Франция, безраздельно господствовавшие на Ближнем Востоке, с тревогой наблюдали за ростом российского влияния в этом экономически важном районе и на подступах к нему с севера. Особое беспокойство они стали проявлять при активизации попыток России упрочить положение своего духовенства в Иерусалиме. Этот древний город был духовным центром трех религий: христианства, мусульманства и иудаизма.

Правительства Англии и Франции в стремлении России к святым местам видели первый шаг в попытках этой страны усилить здесь свое влияние. Они считали, что за этим последует ущемление их экономических интересов. Допустить этого они не хотели.

Учитывая натянутые отношения между Россией и Турцией, они попытались решить свои проблемы военным столкновением этих государств. 4 октября 1853 года турецкий султан, подталкиваемый своими англо-французскими союзниками, объявил России войну. Первые же сражения показали слабость турецкой армии.

18 ноября 1853 года эскадра славного русского флотоводца адмирала Нахимова разгромила основные силы турецкого флота в Синопском сражении. Попытку турецкого вторжения в Закавказье успешно отбил 30-тысячный корпус генерала Бебутова в ноябре 1853 года, разгромив неприятеля в Армении. Успешно действовала русская армия и на Дунае. Вскоре союзники убедились, что Турция не решит задачи спланированной кампании, и приняли решение официально вступить в войну. Объединенный флот англо-французов уже в октябре 1853 года прибыл в Босфор, а в декабре вошел в Черное море и

встал на защиту турецких морских коммуникаций.

В середине марта 1854 года Англия и Франция объявили войну России. 2-5 сентября они высадили десант в 70 тысяч человек в Крым у Евпатории.

13 сентября 1854 года началась осада Севастополя, а 5-10 октября состоялся первый штурм. Русский флот, в основном парусный, оказался бессильным в борьбе с качественно иным флотом неприятеля, имевшим на вооружении суда на паровом ходу.

Ввиду явного перевеса неприятельских сил русским судам нельзя было отважиться на бой в открытом море. Пришлось запереться в Севастополе.

Корабли были затоплены при входе в Севастопольскую бухту, закрыв вход с моря. Пушки и вооружение были переданы на береговые укрепления.

После ряда неудачных попыток овладеть Севастополем союзники готовили решительный штурм города на середину 1855 года, который и состоялся 6 июня. Чтобы уменьшить возможность материальной и военной поддержки Севастополя, они объявили о начале блокады черноморских и азовских портов России.

Таким образом, если в 1853-54 годах крымская война для Ейска и других азовских портов доходила лишь сообщениями газет и неясными слухами, то в 1855 году она приобрела вполне осязаемые черты.

Экспедиционный флот союзников Турции состоял из 57 боевых кораблей, большинство из которых были паровыми.

Английской эскадрой командовал адмирал Лайонет, в ее составе было 33 корабля, в том числе 27 паровых. Во главе французской эскадры стоял адмирал Брюа, в ее состав входило 24 паровых судна. Осуществляя действия по объявленной блокаде азовских портов, значительная часть этой объединенной эскадры 12 мая 1855 года покинула Камышевую бухту у Севастополя и в тот же день подошла к Керчи. Генерал Врангель, которому

была поручена оборона Керчи, не сумел организовать достойный отпор неприятелю. По его команде русские войска оставили Керчь и Еникале, взорвав пороховые погреба, батареи и склады. Это воодушевило союзников. 15 мая часть эскадры подошла к Бердянску, где не было войск. Десантные отряды, действуя безнаказанно, сожгли мелкие торговые суда и рыбацьи лодки.

Важное коммуникационное значение для русской армии имела Арабатская стрелка - коса длиной в 105 верст, отделяющая Сиваш от Азовского моря. Это была одна из артерий, питавших русские войска в Крыму.

Именно здесь, впервые с начала операции союзники напоролись на стойкое сопротивление небольшого гарнизона. Неприятельская эскадра в числе 13 вымпелов 15 мая приблизилась к Арабату и после трехчасовой канонады, не сумев высадить десантный отряд, отошла в море. Гарнизон крепости понес потери, но врага не пустил. Несолоно хлебавши союзники повернули к Геническому проливу. 16 мая попытка высадить десант в Геническе была отбита двумя ротами русской пехоты и казачьей командой. После неудачи у Геническа эскадра взяла курс на Таганрог. Здесь на внешнем рейде с 19 мая уже стояли девять неприятельских судов, а 22 мая к ним присоединилась остальная часть эскадры.

Город готовился к обороне.

В 6 часов утра 22 мая эскадра приблизилась к городу. К Воронцовской пристани Таганрогского порта причалила лодка с парламентёром. Руководству города было предложено сдать город, а войска отвести от города за 1,5 мили. В ответ последовало приглашение к бою.

В 9.30 утра 22 мая корабли эскадры открыли огонь по городу, в городе вспыхнули пожары. Под прикрытием огня противник высадил десант в триста человек, но при попытке штурмовать город по каменной лестнице, этот отряд был сброшен штыковой атакой и вернулся на корабли. Эскадра снялась с якоря и ушла верст за 15

море. Получив отпор, враг не решился повторить десантирование и продолжил поиски незащищенных мест на азовском побережье. Таким оказался Ейск. Жители Ейска, спрятав ценные вещи, уходили в степь от обстрелов и других возможных акций неприятеля. Кто имел друзей и хороших знакомых в окрестных хуторах и станицах, заколотив окна и двери, уехали к ним на постой; но большинство, объединившись по 2-3-4 семьи, устраивались "в степу", возле хозяйских хуторов, у полевых колодцев, надеясь на скорый уход эскадры и возвращение домой.

Утром 25 мая на берег высадился отряд противника в количестве около 30 человек. Отряд встречала большая делегация из города, ее возглавлял городской голова Мордовцев и бургомистр города Редовский с группой купцов и мещан. Командиру отряда были поднесены хлеб и соль на красивом серебряном подносе. Не имея должной защиты, руководство города с готовностью выполняло все требования парламентаров.

Отряд удобно устроился на поданных экипажах и поднялся по довольно крутому склону в город, проехал по его улицам, осмотрел гостиный двор. В хлебном магазине они нашли запасы казенного хлеба и добились его немедленного уничтожения. К вечеру солдаты сожгли склады сена на набережной и отбыли на свои корабли; командование было удовлетворено покорностью опустевшего покинутого жителями города.

С этих пор вражеские корабли появлялись на Ейском рейде почти каждый день, держа город и его жителей в напряжении. В первых числах июня курьер доставил полковнику Чередееву письмо наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-майора Кухарёнка за № 263 от 31 мая 1855 года. В письме содержалась запоздавшая информация о действиях союзного флота в Керчи и Азовском море. Но главное, что сообщалось в письме, - это о конкретных мерах по защите

Азовского побережья и города Ейска силами Донского казачьего полка. Письмо предписывало начальнику Ейского военного округа, центр которого находился в станице Уманской (ныне Ленинградской), срочно собрать два резервных батальона, один из которых направить в Ейск. Этот батальон в составе двух пеших сотен прибыл в Ейск в конце июня, начальнику города предписывалось также создать отряд из жителей города Ейска для отражения неприятеля.

1855 год остался памятным для ейчан не только высадкой десанта и бомбардировкой города, но и серьезной вспышкой холеры.

Бивачная жизнь бежавших от неприятеля жителей города, большинство из которых устроились прямо "в степу" (как говорили тогда), не способствовала соблюдению минимума необходимых санитарных условий: водой пользовались из непроверенных колодцев и, как правило, без кипячения. В конце июня появились первые заболевшие, а разгар болезни пришелся на жаркий и засушливый июль.

Смерть безжалостной косой прошла по семьям Колесниковых, Куприяновых, Агарковых, Маракушиных, Лопаты, Баевых, Яблонских, Шмойловых, Чернокал, Костюхиных, Забельных и многих других наших земляков. Были потери и среди военных, прибывших в июне месяце для защиты города. Организуя карантинные мероприятия, заразился и погиб от холеры 10 августа брат полковника Дорошенко - майор Дорошенко Герасим Дмитриевич. Боевого казака из станицы Уманской не разрешили хоронить в родной станице, он был похоронен на Ейском городском приходском кладбище с карантинными мерами предосторожности.

Жестокими карантинными мерами и усилиями медиков временного военного госпиталя болезнь была локализована; в сентябре вспышка холеры пошла на спад и прекратилась вовсе. Городу она стоила многих жиз-

ней.

В сентябре-октябре перед концом навигации активизировал свои действия флот противника. Надо сказать, что к этому времени были приняты меры по укреплению береговой обороны: населенных пунктов юго-восточной части побережья Азовского моря, в определенной степени этому содействовал и личный визит, и доклад начальника портового города Ейска полковника Чередеева. Он передал Главнокомандующему Кавказским корпусом генералу Муравьеву Николаю Николаевичу, что купечество и население города Ейска, являясь законопослушными гражданами Российской империи, просят защитить их и их имущество от нападения неприятеля, а сам, как человек военный и начальник портового города, считает недостойным сдавать без боя порученный ему город-порт с военными объектами: госпиталем и войсковым магазином.

Специальные курьеры срочно доставили наказным атаманам Черноморья и Дона генералам Хомутову и Кухаренко распоряжение о защите побережья и города Ейска.

В станице Должанской были расквартированы три сотни Донского полка № 45. Гарнизон портового города Ейска составили две пешие роты Черноморского казачьего войска и две конные сотни Донского полка № 75.

Все эти подразделения были укомплектованы молодыми казаками, не нюхавшими пороха. В наиболее важные точки побережья выставлялись пикеты и караулы. Артиллерии защитники не имели.

Кроме того, в Ейске была создана команда из горожан, умеющих обращаться с оружием. В составе команды было более 100 человек, в их числе Петр Крюкин, Гавриил Анохин, Григорий Васин, Андрей Голодников, Панфил Черников, Тит Раев и его племянник Семен Раев, Галактион Бельцов, Авраам Тарада, учитель Шинкаренко Алексей и другие. Эту команду воз-

главил житель города из служивых солдат, переселенец из города Зарайска Московской губернии, Алексей Семенович Беленецкий, он в короткий срок подготовил свой отряд.

Добровольные ополченцы вспоминали унижительную процедуру майского визита неприятеля в город и были полны решимости отразить дальнейшие происки врага. Опытный солдат учил свою команду не только ведению огня, но и отражению атаки противника штыками и прикладом. Не ведали волонтеры, как скоро пригодится им эта наука.

Пробу сил и разведку боем враг проводил во многих доступных флоту пунктах нашего побережья. 15 сентября два неприятельских судна подошли к станице Камышеватской, высадили десант численностью около 150 человек солдат и матросов, которые сожгли рыболовные заводы и, не задерживаясь, ушли на свои корабли.

Вскоре к этим двум присоединились еще три корабля и вся группа ушла к косе Долгой. Попытка высадить десант была отбита расквартированными здесь казаками 45-го Донского полка. В конце сентября вся эскадра ушла к Ростову.

Трагические для Ейска события развернулись в конце октября: 22-го числа ближе к вечеру на Ейском рейде, прогив северной оконечности города, появились 8 кораблей английской эскадры.

На двухтрубном флагмане "Везувий" реял флаг командующего английской эскадры адмирала Лайонета. За флагманом в кильватерной колонне разместились канонерки "Рекрут" ("Новобранец"), "Боксер", "Кракер" ("Сокрушающий"), "Клинкер" ("Звенящий"), "Курлев" ("Дымящий"), "Арdent" ("Горячий") и "Вессер" - решительные, напористые и звучные названия были характерны для английского флота. На совещании в кают-компании адмирала кроме командиров ко-

раблей вечером 22 сентября находились руководители десантных групп-комендор Кеннеди, лейтенанты Дей, Таузенд и Росс.

Осенний ветер крепчал, несмотря на приближение вечера, "Курлев" сорвало с якоря и едва не вынесло на первый "узвал", как в те поры русские моряки называли один из четырех перекатов, тянувшихся вдоль Ейской косы в прибрежной полосе.

Канонерку спасло то, что машины корабля находились под парами, и команде удалось восстановить свое место в боевом порядке эскадры.

На совещании адмирал подчеркнул, что союзное руководство, недовольно неудачными действиями против Таганрога и требует более решительных действий флота в объявленной блокаде побережья.

Штурм Азова и Ростова, имевших надежную защиту, в том числе и артиллерийскую, не сулил успеха эскадре. Поэтому благозвучным аккордом в пору завершающейся осенней навигации 1855 года должны были стать бомбардировки и короткие штурмовые удары десантных групп для уничтожения запасов продовольствия, фуража, леса и заводов различного назначения в незащищенных местах.

При действиях по портам союзный флот в свой актив записал уже уничтожение около 300 торговых судов флота России, крайне нужно было еще одно победное донесение. Уточнив детали ранее намеченного плана, адмирал Лайонет отпустил командиров.

Ранним утром 23 октября эскадра разделилась на два отряда. Канонерки "Рекрут", "Боксер", "Кракер" и "Клинкер" направились к Глафиоровскому берегу, каждый из них на буксире вел десантные шлюпы с подготовленным к бою десантом. В 6.30 утра корабли стали у деревни Водиной, что в трех милях севернее Глафиоровки. Неприятеля интересовал здесь длинный ряд скирд хлеба и запасы леса, которые находились

под охраной небольшого караула казаков. Едва забрезжил рассвет, как на берег у деревни Водиной под прикрытием пушечного огня канонерок со шлюпок высадился десант под командою опытного морского офицера комендора Кеннеди. Десант действовал сноровисто, поджег хлеб в скирдах и на токах, лес и дрова в штабелях, после чего убрался на корабли до подхода подкрепления казачьему караулу из Сазальника. Не теряя времени, отряд кораблей переместился к Глафировке, где запасы хлеба были гораздо больше, а лесная биржа значительно богаче. На западном высоком берегу села *были* сооружены оборонительные укрепления (ретрашемент).

Корабли, став на якорь, немедленно открыли интенсивный огонь по укреплениям и селу, где запасы хлеба и сена, находились непосредственно у дворов. Шрапнель и зажигательные снаряды-каркасы густо обложили мирное село; металась по деревне насмерть напуганные жители, горели дома и надворные постройки.

Для более действенного применения губительного арт-огня по Глафировке канонерка "Клинкер", обогнув косу Найденную, подошла к селу с южной стороны и начала обстрел той части его, которая была недосыгаема канонирам основного отряда. Практически беззащитное село пылало громадным костром пожаров. Под прикрытием огня артиллерии противник высадил десант из двух групп под командованием лейтенантов Кэмпiona и Дея. Они теснили малочисленных защитников села и поджигали то, что еще не успело загореться. Сделав свое дело, эти отряды также успели безнаказанно убраться до прихода подкрепления.

Не теряла времени и группа из четырех судов под командованием лейтенанта Росса: с рассвета 23 октября, стоя на рейде севернее города Ейска в боевом строю кильватерной колонны, "Везувий", "Курлев", "Ардемент" и

"Вессер" начали интенсивный обстрел города.

Обороной города Ейска руководил начальник города полковник Чередеев, он имел опыт ведения боевых действий на Кавказе. Вместе с командиром Донского полка полковником Дорошенко, несущим охрану Азовского побережья на Ейском участке, они готовились к отражению десанта.

Противник имел бесспорные преимущества: на море он был недосягаем, отсутствие артиллерии у обороняющихся позволило врагу с беззастенчивой наглостью подходить к городу на кратчайшие дистанции и в упор расстреливать избранные цели. От традиционного "джентельменства" и хваленой английской добпорядочности не осталось и следа, когда появилась возможность безответного и безнаказанного обстрела сугубо гражданских объектов, какими были деревня Глафировка и находящийся в младенческом возрасте портовый город Ейск.

Таким образом, пока канонерки комендора Кеннеди справлялись с Глафировкой, четыре боевых английских корабля вели обстрел города с севера. Шрапнель и гранаты, ядра и зажигательные снаряды обрушились на опустевший город. Наиболее ожесточенному обстрелу подвергся первый и пока единственный храм города - церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Деревянный храм, расположенный на площади улицы Греческой (ул. Калинина) между улицами Нахичеванской (ул. Победы) и Таганрогской (ул. Свердлова), англичане приняли за склад зерна и пытались его поджечь: храм получил ряд сквозных пробоин, но поджечь его не удалось. От огня вспыхнули несколько деревянных домов на северной окраине города и лесная биржа (склад), расположенная ниже храма на косе. После обеда 23 октября командир северной группы кораблей лейтенант Росс, не прекращая обстрела города, решил высадить десант. Отряд на шлюпках от кораблей шел довольно бодро, но, войдя в

створ улицы Керченской (ул. Советов), сел в довольно плотный ил, и оставшуюся полумиллю до берега десантники толкали шлюпки, увязая в иле, по пояс в холодной воде. Далеко за полночь обессиленные десантники вышли на берег.

24 октября рано утром возобновился обстрел города. Десантный отряд на виду у казачьей сотни не решился подняться в город и ушел под прикрытие артогня своих кораблей на косу, на своем пути он поджигал все, что могло гореть. Примерно через час после рассвета все корабли от Глафировки и внешнего рейда снялись с якоря и, войдя в лиман, взяли курс к Ейску, к его восточной окраине. На внешнем рейде остался лишь один "Вессер", продолжавший вести огонь по городу и готовый принять на борт десант.

Все остальные корабли разделились на три группы и приблизились к городу настолько близко, насколько позволяла глубина лимана, это была дистанция хорошего прицельного выстрела. Картина, открывшаяся взору нападавших, привела их в изумление. Вот что писал один из английских моряков: "В соседней с городом степи на протяжении четырех миль тянулись скирды хлеба и стога сена, в таких невероятных количествах, что мне сначала показалось, не во сне ли я это вижу! А у базиса степи (примерно по линии современной улицы Б. Хмельницкого), равно как в той части степи, которою повелевает город (район вокзала и Нахаловки), виднелись многочисленные лесные дворы, склады рыбных товаров, лодки и прочее".

Командование отряда кораблей, учитывая, что за истекшие 36 часов боевых действий против города и Глафировки защитники города сумели подготовиться к отпору, решило провести атаку на нескольких направлениях сразу. Это могло заставить обороняющихся расплыть свои силы и ослабить оборону.

Таким образом, корабли и десантные силы у побе-

режья лимана разделились на три отряда, стоящие друг от друга на расстоянии одной мили. Левый отряд был сформирован из канонерских лодок "Рекрут" и "Боксер" с десантом на гребных судах под командой лейтенантов Дея и Таузенда. Отряд был нацелен на район кирпичных заводов.

В центре изготовилась к атаке десантная команда кораблей "Курлев", "Ардент", "Гриндер" и "Кракер"; десантом здесь командовал комендор Кеннеди. Правый отряд готовился к высадке с двухтрубного парохода-корвета "Везувий" и канонерской лодки "Клинкер".

С западной стороны Ейской косы содействие этим отрядам оказывала группа лейтенанта Росса, имевшая гребные суда и штуцерную команду с парохода "Вессер".

Получив донесение о готовности к атаке, адмирал Лайонет отдал распоряжение о начале десантирования и штурма города. На флагштоке флагманского парохода - корвета "Везувий" взвился сигнал, зовущий к атаке.

Получив команду, атакующие группы пошли к берегу на гребле и высадились в назначенных местах; всего десант насчитывал около 600 человек. Воспрепятствовать высадке десанта во всех его районах у защитников города не хватало сил, да и горящие па берегу лимана лесные биржи и скирды сена и хлеба, образовали мощную дымовую завесу, мешающую наблюдению за действиями противника.

Усилившийся артиллерийский огонь и огонь штуцерных команд был сосредоточен на районах высадки, обеспечивая действия десантных групп.

Английский очевидец и участник этих событий отмечал, что в период выдвижения десанта из района Широчанки к городу вышла колонна около 1 500 конных казаков.

В двух конных сотнях такого количества казаков конечно же не было. Опытный казачий командир полков-

ник Дорошенко, используя рельеф балки Широкой, выполнил старый боевой казачий прием: конные колонны, пройдя по возвышенности на виду у неприятеля, возвращались по балке за околицу Широчанки и вновь проходили по прибрежному гребню (в районе подъема дороги от Широчанки до очистных сооружений) на виду у неприятеля, создавая видимость большой численности конницы.

Это заставило врага свой левый отряд отвести на усиление правого фланга и центра, эта часть десанта успела поджечь несколько кирпичных заводов, расположенных за земляным городским валом. На подступах к городу враг был встречен сильным ружейным огнем, разбит и отступил с потерями.

Одна из пеших казачьих рот по заданию полковника Чередеева отражала попытки отряда лейтенанта Росса, высадившегося со стороны моря, проникнуть в город.

Центральным эпизодом боевых действий в этот день стал бой по отражению десанта, рвавшегося к центру города: правый отряд врага был значительно больше по численности, а еще позже получил усиление отрядом, высадившимся на левом фланге у кирпичных заводов.

Прикрытый штуцерным огнем, отряд поджигал все, что могло гореть, в районе современного стадиона, вокзала и лесоторговой базы. Далее, подготовившись к штурму, враг пытался ворваться в город на участке, где оборонительный вал уже был разрушен и сглажен в сторону лимана. Этот участок располагался между Воронцовским проспектом и Греческой улицей (ул. Калинина); здесь, на откосе гребня, располагавшегося по улице Бердянской, оборону держала часть пешей роты казаков, отражая противника ружейным огнем.

Наблюдая настойчивость атакующих групп, сюда, в наиболее опасное место и ввел в дело свой резерв полковник Чередеев. После короткой стычки защитники города опрокинули атакующего противника, враг стал

поспешно отступить и вернулся на свои корабли. Отрезать отступающих от десантных лодок не удалось - мешал сильный штучерный огонь.

Но и у противника не удалась попытка захватить и увести до 20 рыбацких лодок, стоявших в лимане. Вскоре эскадра, собрав десантников, снялась с якоря и вышла в море. Поспешному отходу английской эскадры способствовало и то, что в 1855 году наступили ранние заморозки. Резкое снижение температуры последовало 23 октября, а уже в первых числах ноября Ейский рейд покрылся льдом.

Так для ейчан закончились события, связанные с крымской кампанией. Отдавая должное мужеству казачьих отрядов, принявших участие в защите города от неприятеля, надо отметить, что достойно вели себя в этом бою и ейчане. Отряд самообороны города во главе с рабочим кирпичных заводов Алексеем Семеновичем Беленецким самоотверженно сражался с врагом. Алексей Беленецкий за проявленную храбрость в бою был награжден орденом Георгия IV степени, медалью был награжден и городской голова Мордовцев за энергичные действия по эвакуации из города наземного имущества, госпиталя и материальных ценностей. Его дипломатическому искусству город обязан был также и тем, что первый визит англичан обошелся без обстрела и больших материальных потерь.

Таяли на горизонте дымы неприятельских кораблей, догорали подожженные врагом дома и склады, кирпичные заводы и стога сена, а полковник Чередеев в городской ратуше выслушивал донесения и давал задания о подготовке сведений о потерях и нанесенном ущербе.

Потери были незначительны: ранено шесть солдат и тяжело контужен участник обороны города учитель Шинкаренко, под казаками было убито две лошади. Однако городу был нанесен значительный материальный

ущерб: сгорело 80 построек, несколько лесных бирж, повреждено 62 частных дома, сильно пострадало здание Покровской церкви, сожжены большие запасы фуражного сена. В числе сгоревших построек было 35 кирпичных заводов и 12 ветряных мельниц. О масштабах постигшей город беды можно судить по тому, что в результате варварской бомбардировки города был поврежден или сгорел каждый десятый дом горожанина.

Содержатель почт в Черноморском кубанском Войске отставной войсковой старшина Посполитаки, добиваясь возмещения нанесенных убытков, представил в войсковое управление при рапорте от 8 мая 1856 года следующий документ:

"ОПИСЬ

станционному строению, фуражу и имуществу, сожженному крейсерами англо-французской эскадры 1855 года в портовом городе Ейске.

1. Станционный новый пятиоконный дом с двух половинах. Одна для помещения проезжающих, а другая для ямщиков, выстроенный из сырцового кирпича, покрытый камышом со всею приличною мебелью, стоющей 641 рубль..."

Всего по станции ущерб составил более 2000 рублей. У того же Александра Посполитаки была сожжена и рыболовная контора с амбаром, располагавшаяся на косе со стороны лимана, общей стоимостью тоже около 2000 рублей."

Так закончились для ейчан события, непосредственно связанные с крымской кампанией 1853-1856 годов.

18 марта 1856 года в Париже был подписан парижский мирный договор. России пришлось пойти на значительные уступки, однако были положительно решены некоторые проблемы православия на Ближнем Востоке. С 1858 года великий князь Константин Николаевич начал сооружение в Святой земле русского храма близ Иерусалима это был храм Живоначальной Троицы.

Кроме этого были построены:

- дом для русской духовной миссии с домовою церковью;
- приют для призрения на 350 паломников и 550 паломниц;
- госпиталь на 60 кроватей, а также приюты для богомольцев. Работы были закончены в 1863-1864 годах.

В эпоху преобразований, которые проводил в стране Император Александр II после поражения России в Крымской войне, некоторые изменения имели место и на Кубани.

Указом Императора от 19 ноября 1860 года Черноморское казачье войско было переименовано и стало называться

Кубанским Казачьим Войском.

Николай Бельцев
Портовый город Ейск в истории
Черноморского казачьего войска
(1792-1860)
Монография

Формат 60X84/16

Печать офсетная.

Объем 10.5 печ. л.

Тираж 3000 экз.

Заказ №1189, 2007 г.

Гарнитура Times New Roman

Отпечатано в типографии
ООО «ЮгПолиграф»
с оригинал-макета предоставленного
автором.
353680, г. Ейск, ул. Армавирская, 45
тел. 33-4-01.

